

ГРИГОРИЙ ВЕРИГИН

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ

Жизнь Христиан Духоборцев Христианской Общины Всемирного Братства в исходе 19 и начале 20-го века от Рождения Великого Учителя Истины Иисуса Христа и обращение с ними Правительства.

С предисловием
Павла Ивановича Бирюкова

ГРИГОРИЙ ВЕРИГИН

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ

Жизнь Христиан Духоборцев Христианской Общины Всемирного Братства в исходе 19 и начале 20-го века от Рождения Великого Учителя Истины Иисуса Христа и обращение с ними Правительства.

1935

С предисловием
Павла Ивановича Бирюкова

Книга эта посвящается Петру Васильевичу Веригину, как передовому человеку нашего времени. Посвящается его жизни, его 16-ти летним с раданиям и его ужасной смерти в Колумбии.

А также она посвящается и всем тем дутоборцам, которые несли крест страдания за истину в России, побеждая зло добром. Много пало жертв в этой, поистине ужасной борьбе.

Copyright 1922

Петр Васильевич Веригин
в Канаде, за два года до его смерти

ВВЕДЕНИЕ.

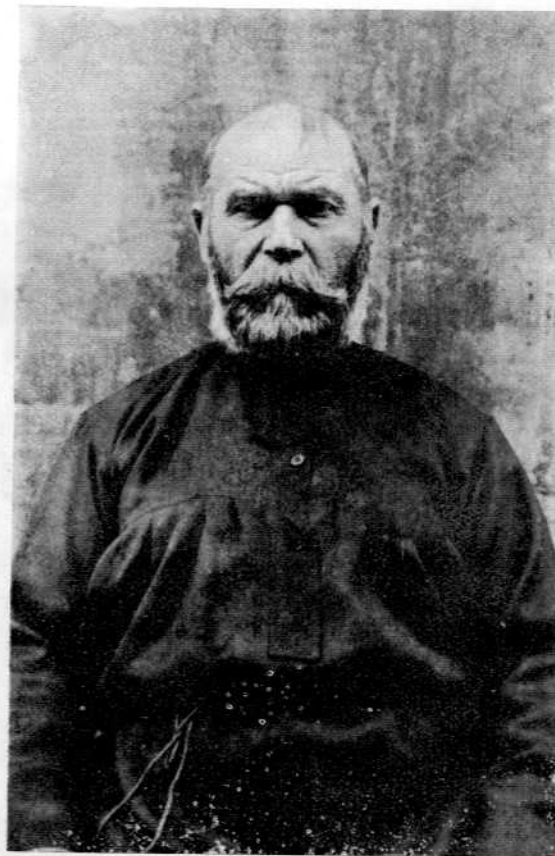
Духоборцы основное начало свое берут от Иисуса Христа. Хотя в устной передаче, которая совершается духоборцами из поколения в поколение, до сих времен сохранилось и то, что мы духоборцы рода израильского путешественного, происходим от трех отроков Азания, Азария и Мисаила. Как повествует о них их история, записанная в Библии, они не преклонились на предложение Нувоходоносора поклоняться пред изделием рук человеческих, и отказались от его стола, который был наполнен мясом животных. За это по велению Нувоходоносора его верные слуги бросили их в раскаленную печь. Если это не притча, то, как повествует Библия, они остались там невредимы. Для Бога все возможно. Но можно допустить, что они там и умерли плотию, как и все те, кто умирали на кострах. Но дух и разумение их перешло в народ и дошло до Иисуса Христа, который больше, яснее и проще высказал о духовной нравственной жизни людей, посредством которой установилось бы царство Божие здесь на земле, как и на небе, то есть в высшем разумении совершенства людей, где царила бы безграничная правда и любовь. Это он и высказал в своей нагорной проповеди и двух заповедях: Возлюбите Господа Бога своего всем сердцем своим, всею душою своею и всем разумением своим. И вторая: возлюбите ближнего своего как самого себя. В этом совершается закон и пророки. И не желай другому того, чего себе не хочешь. Все люди одного отца Бога дети и между собою должны жить как Братья и т. д. И так это святое учение переходило из рода в род и дошло до нашего времени. Укажу здесь на передовых духоборческих предков, имена которых я беру из устной передачи, которая до сих пор сохранилась среди духоборцов: Силуан Колесников, Ларион Побирохин, Савелий Капустин. Они жили до переселения в Таврическую губ. и

все они пострадали за духоворчество. С поселением в Таврическую губ. был Василий Капустин. Он умер в Таврии. После него заступил Ларион Васильевич Калмыков. При нем совершилось переселение в Закавказье. Он умер в Закавказьи, вскоре по переселении. Похоронен в селе Горелом. Место его заступил сын его Петр Ларионович. Он также умер в селе Горелом. Его место заступила жена его Лукерья Васильевна Калмыкова, а после ее смерти Петр Васильевич Веригин. С его времени записалась эта история.

Насколько мне известно, история духоворчества описывалась, хотя вкратце, триста лет тому назад. До этого же сведений я никаких не имею. Эта запись велась не самими духовборцами, а посторонними людьми и записывалась так: какого нрава был человек, так он и писал. Эта запись была отрывками в журналах и других книгах, но все таки приблизительно описывалась справедливо: Как их мучили за непочитание икон и непоклонение им, и за неисполнение других церковных обрядностей. Не записывали сами духовборцы о своих страданиях потому, что тогда времена были вовсе жестокие: они страдали за иконы, а то и за запись могли еще страдать. Итак они знали свое Божие дело, которое они получили чрез Иисуса Христа и понимали так, что об их страданиях ведает сам Бог. К тому же это были времена старины, когда не только духовборцы, но и из других народов, мало кто был грамотен.

Подобно тому как страдали наши предки в прежние времена, и в наше время духовборцы подпали под великие страдания за осуществление на деле истины, которую провозгласил Иисус Христос: Познайте истину и истина освободит вас. Такое освобождение духовборцы понимают в духовном смысле, т. е. освобождение себя от неправильного понимания истинного Бога, за что и должны принять телесное страдание от сильных мира века сего. Сильные мира века сего представляют людям в своем ложном учении совсем противоположного Бога и этим порабащают людей под свою власть. Теперь времена старины прошли.

Эту книгу пишет духовборец и пишет не только как свидетель страданий, он сам участвовал в этих страданиях. Эта запись посвящается более всего потомству всего челове-

*Автор этой книги
Григорий Веригин*

ства, которое будет жить долго впереди. Это потомство прочтет такую запись с интересом и даже ужасом. За их время человечество на многое подвинется к совершенству, и наверное в их жизни не будет того, что записано в этой книге.

Божественный мир в своем круговороте так быстро бежит и сменяется, как сменяются в окне вагона для путника, едущего в быстром поезде, все новые и новые картины.

Это я говорю о божественном пределе, для которого нет исчисления. В нашей - же жизни мы почти этого не замечаем, как не замечаем движение часовой стрелки или движение земли, которая с быстротой в сутки оборачивается вокруг себя.

Эту запись я долго не решался начинать, потому что на такое описание должен быть особенный талант, как я понимаю. Да и нужно свободное время, чтобы весь ум и мысли могли сосредоточиться на этом описании, — я же, откровенно говорю, почти что не имею ни того, ни другого. Но дело настояло на своем и я должен писать. Потому и прошу читателей этой книги не осуждать меня за недостаток того красноречия в словах, с каким написали бы люди более совершенные и способные к такому делу.

Я по родословию простой крестьянин и земледелец, и, если что будет не красноречиво, то будет мне простительно, я этой стороны не так и держусь, а более стараюсь держаться в своей записи справедливости, которая сама по себе ценнее всех красноречий.

Эта запись была прочтена Петром Васильевичем в Колумбии и одобрена. И по совету его была прочтена на четырех участках при многолюдных собраниях. На Утешении, в Бриллианте, Плодородном и Луговой. Это прочитывалось для того, чтобы люди могли дополнить сведения о тех страданиях и смерти своих родных, которые до меня не дошли и поэтому не вписаны. А также я лично писал ко всем духоборцам, чтобы присылали записи страданий и смерти кто о ком знает. Если будут пробелы в моей записи, то прошу меня не винить, а по справедливости принять эту вину и нерадение на самих себя.

Младший родной Брат Петра Васильевича
Григорий Веригин.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Автор этой книги, Григорий Васильевич Веригин, младший брат Петра Васильевича, просил меня написать предисловие.

Я согласился, так как для меня дорога тема этой книги а главное действующее лицо ее Петр Васильевич Веригин — несомненно выдающийся человек.

Тема этой книги — вера в победу зла добром и полное отрицание насилия — прекрасно разработана в безыскусственном, порою трогательном до слез, порою умиляющем рассказе о людях, которые смело проявили эту веру делами, не боясь никакой жестокости: ни лишения своего имущества, ни разлуки с горячо любимыми и любящими родными, ни тюрем, ни дисциплинарных батальонов с их глумлением над людьми, с их звериной издевательской жестокостью. За эту веру в силу добра, правды и любви, за проведение ее в жизнь они готовы были умереть.

Нам хотелось бы в этом кратком очерке обратить внимание на те небывалые до сих пор массовые проявления в жизни тех убеждений, которые с одной стороны вызвали зверскую жестокость у людей, старавшихся удержать старые отмирающие основы насилия и рабства и запугать и заставить навсегда забыть о законе добра и любви. С другой стороны мы видим непреклонную преданность, веру в торжество этих идей и неудержимое страстное желание воплотить их в жизни.

Одна сторона — это правители государств и слуги и исполнители их воли, другая — безграмотные мужики, земледельцы, встречающие со спокойной душой и радостным чув-

ством, страдания и смерть. А вместе с ними преклоняется перед одной и той же идеей непротивления злу насилем мировой гений Толстой.

И Духоборцы, сделавшие то, что никто до них не дерзал делать, и Толстой на весь мир призывавший людей своим могучим даром слова следовать этой истине, не сказали ничего нового.

Больше двух тысяч лет тому назад это учение было обнаружено на склонах Гималаев, в Азии, а через пятьсот лет появился в Палестине какой то сын плотника и стал жить в тесном общении с народом, чудесным средством-любовью исцеляя его душевные и телесные недуги и возвещая словом и делом новый закон жизни. Он взволновал глубиной своей правды сердца появивших его учение. И власти схватили его и распяли на кресте вместе с разбойниками. Учение, проповеданное этим распятым плотником, было очень просто: не надо человеку делать насилия над человеком.

Это учение поняли и помнили Духоборцы. За него лишились родины и за него претерпели много страданий, быть может, им и еще предстоят страдания.

Сущность этого учения время от времени вспыхивает в человечестве и ее ничем нельзя потушить, она должна восторжествовать. «Все минует, одна правда останется».

Но в этом случае произошло необыкновенное явление.

Почти одновременно с этим движением поднял голос великий пророк, разворотивший человеческий муравейник. Он нашел в Евангелии, что Иисус, этот плотник, которого многие ученые уже сдали в архив, не так глуп, как думают ученые люди. Толстой сказал, что учение Христа, признанное божественным, люди умышленно извратили, придали ему ложное толкование. Он сказал во всеуслышание то, что давно знали и за что страдали предки Духоборцев, что не нужно было создавать храмов, икон, курить фимиамы, не нужно сложной организации священнослужителей, а нужно только понять и принять каждому человеку его учение так, как он сам выразил его народу: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга, как я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб, а я вам го-

ворю: не противьтись злему и кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую».

Это учение, напоминенное Толстым, для многих явилось откровением и для многих оказалось новой верой, которая должна обновить мир.

Эта истина была сказана и древними восточными мудрецами. Провозгласители ее, Будда, Кришна и другие были признаны, как и Христос, за божество. Также как и во имя Христа, строили храмы во имя Будды и Кришны. Но в жизни людей, исповедывавших буддийскую и другие религии, также как и в жизни тех, кто называли себя христианами, царило насилие человека над человеком.

Проповедь Толстого, разбив все внешние границы, облетела мир. Достигла она и до далекого, жившего в то время на юге Африки индуса Ганди, в котором также уже давно зрела та же мысль и горело то же страстное желание передать людям эту спасительную для них древнюю истину, чтобы они осуществили ее в жизни своей. Слова Толстого поразили его своей правдой и еще больше подкрепили дух его.

И вот там, на востоке, в Индии, теперь, в наше время мы видим разгорающийся свет этой истины. Великий дух Ганди всколыхнул сердца миллионов, которые борются с своими поработителями не оружием, а твердым и стойким стоянием за правду. Они также не боятся никаких страданий.

Было и есть много людей, исповедующих это учение. Но знаменательно то, что среди Духоборцев оно впервые было проявлено массой в несколько тысяч человек, крестьянской массой, рождающейся и умирающей за своим плугом. Они жили так и живут так. Есть отпадения, но нет изменения.

В книге этой рассказано о герое, отдавшем себя на служение народу и вдохновившем его на подвиги за истину — Петре Васильевиче Веригине.

Духовная руководительница Духоборцев Лукерья Васильевна, свято хранившая в душе своей заветы своих предков, жаждала, чтобы духоборческий народ продолжал идти по

тому же пути, чтобы огонь, горевший в сердцах их предков, жил и в них. Она заметила в Петре Васильевиче, когда он еще был ребенком, умственную и большую духовную одаренность и провидела, что он может раздуть в них этот священный огонь, провидела в нем борца за истину. Жаль, что мы не знаем более подробно об этом времени его жизни у Лукерьи Васильевны. Но мы имеем свидетельства о том, что рост духовный в этот период времени был особенно силен в нем. Укажем хотя бы на его разговор с братьями, когда после долгой разлуки братья показывали ему свое богатство. Составитель книги этой приводит нам беседу с ним Лукерьи Васильевны. Мы как будто сейчас слышим ее голос, как трогательно она напутствовала его на тяжелый путь к победе. И предчувствия и провидение ее сбылись. Насильно разлученный с Духоборцами, Петр Васильевич исполняет свое обещание, данное ей, — призвать духоборцев к освобождению себя от милитаризма. «Она со слезами на глазах радовалась этому и благословила меня, если потребуется, отдать себя в жертву», говорит он, передавая в Шенкурске свое важное поручение Ивану Евсеевичу Конкину. И Конкин обещал все духоборческие села, разнося всюду весть о предложениях Петра Васильевича. Не боясь присутствия правительства, он передавал точно и ясно все слова Петра Васильевича о том, чтобы не ходили в солдаты, оставили есть мясо, пить вино, курить табак и многое другое.

И такая сила убеждения была в его передаче, что все, слушавшие его, с радостным умилением решились исполнить все, многие плакали.

Иван Конкин был арестован и сослан в Мезень и освобожден из ссылки уже после Петра Васильевича. В Канаде он был его верным другом и помощником. Его перу принадлежат многие записи и выражения общего мнения. Чистый и твердый в своих убеждениях человек. Да сохранится светлая память о нем среди грядущих поколений.

Нельзя не сказать здесь о других двух сподвижниках Петра Васильевича, старшем брате его Василье В. Веригине и Василье Гавриловиче Верещанине. Это они принесли из ссыл-

ки от Петра Васильевича самое важное поручение о сожжении оружия и об оставлении военной службы.

Василий Васильевич составил тот знаменитый псалом, с которым многие братья выступали на крестный путь. Они оба испытали тюрьму и ссылку. Василий Гаврилович умер на пути в Якутск в уездном городе Киренске в тюрьме. А Василий Васильевич вернулся из ссылки в Канаду после П. В. Он скончался в 1929 году, разбитый параличом.

Василий Васильевич составил в этой книге описание той части жизни, в которой сам принимал участие, т. е. описание последнего времени пребывания в Шенкурске, этапного пути до Москвы, свидание со Львом Николаевичем и проводы до Рязань, где они простились с Петром Васильевичем и бесстрашно поехали на Кавказ исполнять поручение Петра Васильевича.

Достойные и любящие братья! Ваша жизнь дала людям много добра, вы посеяли добрые семена, и они уже всходят то тут, то там на ниве жизни.

Идеал Петра Васильевича Веригина тот же, что и идеал Толстого. Оба они признавали, что учение Христа должно спасти мир.

На свидании с другом Толстого Евгением Ивановичем Поповым в московской бутырской пересыльной тюрьме Петр Васильевич узнал, что у него есть могучий соратник по божьему делу Лев Николаевич Толстой. Он прочел «Царство Божие внутри вас», переданное ему Львом Николаевичем и с тех пор начались у них письменные сношения.

Толстой, радостно пораженный известием о сожжении оружия и о всем движении Духоборцев на Кавказе, поручил мне исследовать это дело. Я поехал туда, собрал все сведения о совершившемся и впервые вывезенный мною материал, был напечатан в английской газете «Таймс», с послесловием Толстого. К Толстому присоединились квакеры и было организовано переселение.

В книге этой описана жизнь Духоборцев в Канаде, осо-

бенно оживившаяся с прибытием Петра Васильевича из далекой Сибирской ссылки после шестнадцатилетней разлуки.

Упомяну еще о том, что во всеподданнейшем докладе тифлисского губернатора Шервасидзе говорится, что по отзывам опрашиваемых им Духоборцев выяснилось, что в числе ходивших по рукам книг, были сочинения Сократа, Диогена и Эпиктета.

Веригин и его товарищи были сосланы в Архангельскую губернию, а потом и еще дальше, а эти рассказы о Сократе, Диогене и Эпиктете и много других изданий «Посредника», основанного Л. Н-чем Толстым, остались на Кавказе, а вернее в головах умных мужиков, чьи мозги не были вывернуты рассказами о «Троеручице» и т. п. Книжки эти тоже делали свое дело, подготавливали благодатную почву для восприятия благотворных семян правды и добра.

Так разными и многими невидимыми путями распространяется истина. Ни одно усилие людей, направленное на благо, не пропадает даром. И, соединившись, все эти, все более и более охватывающие людей, стремления к правде, как ручьи с разных сторон, соединяются в одну могучую реку.

В Сибири есть теперь земледельческая коммуна имени Толстого, их уже около тысячи человек, по лучшим стремлениям своей души они принадлежат к всемирному братству людей. Преодолевая великие трудности, они строят новую свободную жизнь без насилия. Их жертвы и труды на благо грядущих поколений не пропадут даром.

По всему миру, во всех странах, среди разных народов мы видим стремления людей освободиться от старого мира насилия. Число отказывающихся от воинской повинности увеличивается, молодые люди, не колеблясь, радостно идут в тюрьмы и на разные лишения. Уже не далеко время, когда начнутся подобно тому, как то сделали Духоборцы, то тут, то там коллективные, массовые отказы.

Мы узнаем из этой книги о многих бесстрашных борцах, положивших свою жизнь за божье дело, умиравших в тюрьмах и по этапному пути в диких, холодных, необитаемых местах

Сибири. Они первые прокладывали и указывали путь к истине для следующих поколений, которым уже легче будет идти по нему, потому что их будет больше и они не будут так безвестны...

Вечная память и вечная благодарность этим доблестным борцам!

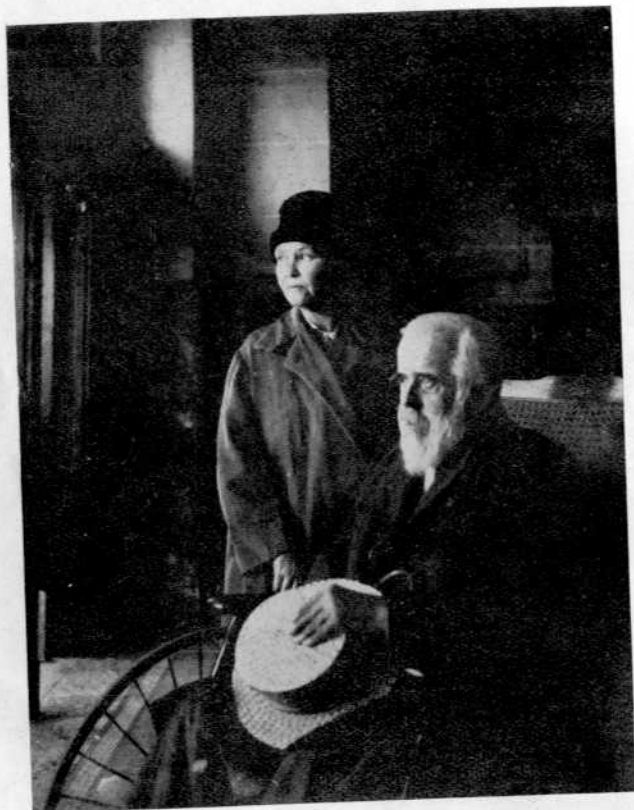
Павел Бирюков.

8 октября 1931 года.

Оне, Швейцария.

Когда дошла до Л. Н-ча Толстого весть о сожжении Духоборцами оружия, и о жестокости над ними правительства, он поручил П. И. Бирюкову съездить на Кавказ и разузнать все как было дело. П. И. разыскал и повидался там с Духоборцами и подробно разузнал обо всем происшедшем.

Возвратясь оттуда, он написал воззвание «Помогите», одобренное Л. Н-чем. Под ним подписались Чертков, Трегубов и Бирюков. Воззвание это было разослано царю и всем, стоящим близко у власти. За это Черткова выслали за границу, а Трегубова и Бирюкова в ссылку на пять лет, в маленький городок прибалтийских губерний, но через год Бирюкова также выслали за границу. Он горячо сочувствовал Духоборцам в их убеждении против всякого насилия, против войны и горел желанием послужить им, чем мог. Он принимал деятельное участие в их переселении в Канаду, жил с Духоборцами на Кипре, помогая там, чем мог. Писал также много статей о Духоборцах на русском и других языках, делал о них конференции. Последние годы своей жизни, он по приглашению П. П-ча Веригина поехал в Канаду, чтобы помочь наладить дело образования и чем мог, послужить им, но там, в Бриллианте его сразил сильный удар паралича, от которого, проболев три года, он умер в Швейцарии. Предисловие к этой книге написано им за два дня до смерти.

*П. П. Бирюков
на вокзале в Виннипеге
на возвратном пути из Канады*

ГЛАВА I.

Переселение из Таврической губернии за Кавказ.

Когда Духоборцы были высланы правительством из Таврической губ., что произошло в 1840 году, их поселили в Тифлисской губ. Ахалкалакского уезда, на так называемых Мокрых горах, в десяти верстах от Турецкой границы. Правительство их выслало из Таврической губ. за религиозные убеждения, и поселило на Турецкой границе, с целью ослабить дух их религии. Климат там был суровый, зимы продолжались долгие и морозные. По случаю весенних и осенних морозов пшеница совсем не созревала; ячмень - же созревал. Им, большею частию, и питались люди. Поживя там года два - три, малая часть Духоборцев выселилась в Елизаветпольскую губ., триста верст на восток. Наши родители были в числе этих выселившихся и были поселены в селе Славянке. Климат здесь был сносный: зимы были не так суровы и весь хлеб вызревал в самом лучшем виде.

Большая часть Духоборцев осталась на местах, т. е. на тех Мокрых горах. Они образовали там до десятка сел и, не смотря на суровость климата, стали обживаться там, и усердно принялись за труд по обработке земли. Земли были вольные и пустопорожние. Стали разводить скот, лошадей, и в скором времени жизнь стала улучшаться.

В селе Горелом был построен, так называемый, общественный Сиротский Дом, который существовал со времен предков. Духоборцы считали необходимым иметь его. Строился он общими силами, богатство материальное вносилось туда добровольными пожертвованиями. В этом доме находился и жил

руководитель Духоборцев; кроме него жили в нем старики, старухи и сироты, не имеющие себе приюта. Поэтому дом этот и получил название «Сиротского Дома». В мою жизнь и при моей памяти в этом Доме находилась управительница и руководительница Духоборцев Лукерья Васильевна Калмыкова. Дом этот принадлежал и переселившимся в Елизаветпольскую губ. Духоборцам, где у них также образовалось четыре села. Добровольные пожертвования вносились и ими. Пожертвования были более денежные, а также в среднем количестве ввозилась и пшеница, потому что на Мокрых горах ее не было.

Проживя лет сорок на этих местах, Духоборцы совсем обжились и стали жить зажиточными людьми. Сиротский Дом также наполнялся и за это время там скопилось денежного капитала до ста тысяч рублей. Сотни полторы было рогатого скота, с сотню было лошадей и тысячи две было отдельной заводской баранты. Таким хозяйством нужно было управлять благонадежному человеку, который избирался от Общества и был там за атамана; вел все хозяйственные дела. Где что мог решать, сам решал, а чего не мог, то обращался за советом к Лукерье Васильевне и она давала ему советы. Досматривали хозяйство больше из тех - же живущих там людей, а часто поступали и добровольно из Духоборцев же. Плата таковым назначалась 25 рублей в год на готовом содержании, и одежда. Правительство за это время мало беспокоило Духоборцев. Воинской повинности не подлежали не только Духоборцы, но и все население Закавказья, так как, кроме Духоборцев и могокан, оно было поголовно азиатское. Ввиду того, что население состояло из Мусульман, Армян и Грузин, ему была дана до времени льгота от воинской повинности.

Пока на этом я останавливаюсь и перехожу к писанию о Петре Васильевиче Верегине.

ГЛАВА II.

Петр Васильевич Веригин.

Петр Васильевич родился в Закавказьи, в Елизаветпольской губ. в селе Славянке, в 1858 году 29-го июня, в день Святых Апостолов Петра и Павла, в мирной и благочестивой семье Веригиных.

Это название происходит от слова «Вериги». Предок наш, Федорушка, из староверов, был носитель вериг. Насколько памятно, наше родословие берет начало от него. Он родился по познанию Христа вторым рождением свыше от духа свята, крещением во имя Отца и Сына и Святого Духа. Сын Федорушки - Прокофьюшка. Сын Прокофьюшки - Лукьянушка. Сын Лукьянушки - Васильюшка — это уже наш родитель. Мать наша Анастасия Васильевна происходила из рода Капустина. Веригин отец был строгого и справедливого характера, чужого не любил и на чужое не завидовал. Всегда и нам говорил: «Смотрите, дети, если желаете богатств, то достигайте этого честным и справедливым путем от своих личных трудов. Чужого ничего не желайте. Кольми паче не крадите. Если что лежит потерянное на дороге, саженой пять об'езжайте мимо, дабы не соблазниться. Если оно брошено человеком как ненужная вещь, то она и вам не нужна, если же человек по неосторожности уронил ее, он будет искать и найдет ее. И всегда он говорил: «Смотрите, дети, хоть человек гол, да прав. Пьянства обегайте яко ада».

В религиозном отношении он был истинный Духоборец. Переселение Духоборцев из Таврической губернии в Закавказье правительство делало с целью ослабить дух Духобор-

цев в познании истинного пути. Оно об'являло: если кто не пожелает переселяться, может оставаться, только тогда нужно принять православие. Такое предложение более относилось к богачам; это относилось и к Василию Лукьяновичу. У него был еще и отец Лукьян Прокофьевич. Они имели свои собственные земли, несколько десятков тысяч было породистой баранты под названием «шленка». Это великий плотский соблазн для мирского человека, но он не смутился духом, ничем не подорожил, ни о чем не жалел, лишь бы сохранить Духоборчество.

Мать - же была кроткого и мирного чувства и характера, относилась ко всему любовно; в семье вела распорядок христианский, всегда упоминала Бога и могущество его. Никогда нас не бранила, в особенности не била. Если когда мы ее и не слушали, и она делала какие либо над нами усилия, то это была ее кроткая просьба и молитва. Иногда мы и этого не слушались; в таком случае она нам говорила: а то я об этом вашем непослушании доложу вашему папаше. Слово «папаша» сильней действовало на нас и всегда мы усмирялись. Но это было, когда мы были еще маленькие и не знали, что значит не слушать свою же маму, а когда мы стали понимать, то всегда старались исполнять уже по ее личной просьбе, не дожидаясь от нее слова «папаши». Правду сказать, что и папаша нас никогда не бил, но был строг. Оба они, как отец, а также и мать, были плотного телосложения; в телесной красоте не имели недостатка, они были, как говорится, кровь с молоком. От этих родителей и произошел Петр Васильевич.

Всех детей у родителей было семь сыновей и две дочери. Старший был Иван, второй Федор, третья дочь Анна, четвертый Лукьян, пятый Прокофий, шестая Варвара, седьмой Василий, восьмой Петр, и девятый Григорий. Все были крепкого телосложения, но изо всех их Петр Васильевич выделялся стройностью тела, красотой лица, а также нравственно, духовно. С малолетства он имел большое усердие ко святой церкви, т. е. к молитвенному духовному собранию братий и сестер, изучал все важные духоборческие псалмы. Мы трое: Василий, Петр и Григорий обучались в школе; с нами обучался и Иван Евсеевич Конкин и другие. Всех было до десяти чело-

век. Школа была простая, деревенская, в нашем же доме. В науке Петр Васильевич также шел впереди; изустные уроки он сдавал лучше нас; рисование у него выходило правильней нашего и дяденька учитель почти всегда нам делал замечания и указывал на него: «Вы посмотрите какое прилежание имеет Петруша, как у него во всем выходит аккуратно и хорошо, а ты, Гриша, — говорил он мне, — тебе бы только брюшко набивать». За мое нерадение часто дядинька меня становил на колени и тому подобное. Арифметику изучили хорошо, а также читать и писать и только прошли грамматику, школа наша закончилась, т. е. мы перестали обучаться и вступили в хозяйственные дела.

Родители наши жили не так богато, но и не бедно; занимались хлебопашеством, имели баранты до трех тысяч, рогатого скота до ста штук, лошадей имели до семидесяти штук, имели водяную мельницу с двумя поставами, мануфактурную лавку. Смотри по возрасту лет, Петр Васильевич участвовал во всех делах: он пас телят, пас коров, пас баранту, пахал землю, управлял мельницей и некоторое время находился в лавке. И без преувеличивания скажу, что у него все выходило лучше, чем у всех других братьев. Это происходило оттого, что у него кроме способностей ко всякому делу, была большая охота и любовь к нему. Всегда он старался, чтобы у него было все в исправности и чтобы ни отец, ни которыйнибудь из старших братьев, когда посещали его, не могли сделать ему какое либо замечание.

За это время своего юношества с ним был один случай, угрожавший ему смертью. Это было во время Русско - Турецкой войны, под Карсом. Раненые на войне солдаты попали и в наше село Славянку и болели тифом. Его также постигла эта болезнь. Был сильный жар и он две недели находился в страшном сильном бреде. Его нельзя было оставлять без дозора: он мог уходить куда попало. Чтобы остановить хоть немного сильный жар, налаживали снег в мешочки и по очереди клали эти мешочки со снегом на голову. В таком состоянии он находился две недели. Потом силы его все ослабли и все казалось, было покончено с его жизнью. Читали уже заупокойные псалмы, вся одежда также готовилась — с мину-

ты на минуту ожидали смерти. Всем было невыносимо жалко и все со слезами искренно обращались с молитвою к Господу. Молитву ли нашу услышал Господь или ему не было суждено умереть, а суждено было совершить такой великий подвиг в своей жизни, но он победил смерть. Положение его понемногу стало улучшаться и он стал выздоравливать и через некоторое время совсем поправился. Ему было тогда шестнадцать лет.

Время шло и ему наступил двадцать первый год. Нужно было вступать в брак. Он вступил в брак с Авдотьей Григорьевной Котельниковой.

ГЛАВА III.

Жизнь и смерть Лукерьи Васильевны Калмыковой.

Приступаю к описанию посещения Духоборцев, живших в Елизаветпольской губернии, Лукерьей Васильевной Калмыковой.

Таких посещений я помню три. Лукерья Васильевна всегда останавливалась в доме Веригиных. Мать наша была родной теткой Петру Ларионовичу Калмыкову. Поэтому Лукерья Васильевна и заезжала как к тете своего покойного мужа. Первый ее приезд был, когда мы оба с Петром Васильевичем были еще дети. Помню, как она каждое утро приглашала нас в свою комнату, велела нам становиться рядом, сложить руки на груди. Это означало приготовление к чтению детских псалмов. И мы начинали читать их. Когда заканчивали, она нас благодарила и говорила: «Вот умные мальчики». И давала нам конфет и орехов. И мы кланялись ей за это в ноги и уходили с торжеством.

Второй приезд ее был, когда мы уже закончили школу. Она также призывала нас обоих к себе, заставляла нас читать книгу, писать, сделать арифметическое исчисление, рисовать и подобное. Искренно говоря, у Петра Васильевича все выходило лучше моего и он заслуживал больше одобрения, но она и меня не хотела обидеть, я был меньший и она говорила обоим: «как вы хорошо читаете, пишете, исчисление арифметики, а также и рисовка — все очень хорошо!». При отъезде ко двору, т. е. в село Горелое, все Духоборцы должны ее провожать до известного места. У ней была собственная крытая бричка, запряженная хорошим четвериком лошадей и,

когда бричка была подана, Лукерья Васильевна распрощалась со всею семьей Веригиных, села в бричку, велела садиться нашей матери, а также велела и нас обоих посадить. Меня посадили с кучером, а Петра Васильевича с собой. В общем она его больше любила, чем меня. Я был большой любитель лошадей и больше смотрел на них, но все же часто посматривал и на Лукерью Васильевну, на мать и брата. Они что то говорили тихим тоном, но все таки я мог расслышать и понять их разговор. Лукерья Васильевна говорит: «Настюша, — так она звала нашу маму, — вы Петрушу жалеите, любите, воспитывайте его в духе христианском, знайте, что он принадлежит мне. Придет время — я его возьму к себе. Он будет мне нужен для Божьего дела, только это должно быть в секрете». Я слышал это, но меня не так это интересовало, как лошади, — я опять люблюсь лошадьми. От этих двух посещений ничего больше у меня не осталось в памяти. Когда она приезжала в третий раз, Петр Васильевич уже был женат, а мне было восемнадцать лет.

Лукерью Васильевну все Духоборцы любили и уважали и в известной степени даже обожали. Она была их руководительницей. Она была женщина высокого роста, стройная. Лицо ее было неопикуемой красоты. Характера мягкого, жестоких мер никогда не принимала. Если когда либо Духоборцы уклонялись от справедливости и истины, то она всегда просила, раз'ясняла, увещевала и достигала своей цели. И еще повторяю, так ее Духоборцы любили, не только старички, старушки, взрослые, но и все дети ее любили. Во время ее посещения никто не оставался за домашнего присматривать дом. Известие о ее приезде с быстротой распространялось по всем селам, и все, кому только было возможно, спешили приехать в Славянку для встречи. Первая встреча делалась верст за тридцать. Впереди верховые на лошадях, человек двадцать, а затем все, кто мог, как из Славянки, так и из других сел, выезжали верст за восемь на границу своей земли. Встречали всегда с хлебом и солью и с пением духовного псалма, и когда за версту показывалась ее бричка, весь народ приходил в движение. С одной стороны радость, с другой стороны, чтобы все было по порядку. Я был за кучера у своих родителей. В лег-

кую бричку были впряжены темные гнедые жеребцы и я оставался в бричке, держал лошадей. Когда под'езжала бричка Лукерьи Васильевны, народ стоял по обе стороны и пел. Закончилось пение. Лукерья Васильевна, не слезая с брички, поздравлялась: «Как живете? Все ли здоровы? благополучны? Все громогласно отвечали:

«Слава Богу! С благополучным приездом вас, милости просим!».

Она немного поговорила, пригласила к себе в бричку нашу мать и велела трогать лошадей. Пришел родитель, сел в бричку, и также и мы заняли место вслед за ихней бричкой.

В нашем доме Лукерья Васильевна касалась разговора и о браке Петра Васильевича. Она так говорила родителям его: «Ведь я же вас раньше предупреждала, что я его возьму к себе, — для какого дела, — это вам не нужно знать, но я желала, чтобы он был ничем житейски не связан. Чтобы ничто не могло ему препятствовать при таком деле, для которого я его беру к себе. Даже он должен считать отца и мать второстепенным делом. Одним словом он должен себя пожертвовать Богу, т. е. служению ему. Относительно развода брака, это ваше личное дело: если с обеих сторон будет согласие, они могут разойтись». И так она, погостив некоторое время, распростиалась со всеми и уехала. И больше не приезжала в Славянку.

Начался развод. Он длился долгое время. Родители ее не давали согласия, но в конце концов она видит невозможность жизни, собрала все свое имение, одежду и другое и ушла совсем в родительский дом. Но этим дело не кончилось. Петр Васильевич предлагает ей один и тот же развод. У ней там в доме Котельниковых рождается мальчик; его назвали Петр.

Все таки пришел день, когда родители ее, а также и она сама подали согласие на развод, с уплатой ей пять сот рублей. Тогда Петр Васильевич заявил об этом в сельский волостной суд и в присутствии старшины, старосты и других выбранных членов, сделали законную разводную с приложением казенных печатей старшины и старосты, и тем брак был расторгнут.

29-го февраля 1882 года Петр Васильевич выезжает в село Горелое, в Сиротский Дом к Лукерье Васильевне Калмы-

ковой. Об его отъезде было доложено обществу. Вася Кабатов отпустил своего старшего сына Фадея, дал лошадь. А также и меня родители отпустили. Мы запрягли в легкую бричку тройку лошадей и на четвертый день были уже в селе Горелом. Заехали прямо в дом к Лукерье Васильевне. Она была очень рада Петру Васильевичу, а мы с Фадеем погостили там две недели и возвратились в село Славянку.

Во все время его пребывания там, Лукерья Васильевна уважала и любила его. В хозяйственные дела она посоветовала ему совсем не вмешиваться и он только находился при ней. Часто она посылала его по всем селам с каким либо поручением, часто он под ее диктовку писал письма к правительству или к Духоборцам. Если она куда либо отлучалась по делам или по селам в гости, то всегда он был при ней.

Видя такие хорошие отношения Лукерьи Васильевны к Петру Васильевичу, большинство Духоборцев также очень уважали его. Но чем больше она любила его, тем больше ненавидели его ее родные и приближенные. Они хранили это чувство внутри себя, а открыто ничего ему не говорили, потому что Лукерья Васильевна за каждое обидное слово к нему строго выговаривала им и говорила: «ведь у него есть отец, мать, братья, сестры — всех их он лишился ради призвания Божия, ради общего нашего блага, а вы так на него смотрите, даже готовы его обижать — нельзя этого делать». В таком хорошем расположении к нему Лукерья Васильевна он оставался вплоть до ее смерти.

За пятилетнее свое пребывание там, он только один раз приезжал к нам в Славянку. Это было 1886 года, в начале сентября. Лукерья Васильевна по болезни приезжала в Тифлис и оттуда послала его проведать родителей и всех родных. Получается телеграмма: «Прислать подводу на станцию Дзегам. Петр Веригин». Поехал старший брат Иван и взял меня с собою. Приезжаем на Дзегам. Петр Васильевич встретил, расцеловал нас обоих и в скором времени мы выехали и к вечеру были уже дома. Встреча с родителями и со всеми родными обошлась без слез от радости. На второй день он пожелал посмотреть все наше нажитие, прибавилось ли оно или убавилось после его отбытия. Все семь братьев подсадили лоша-

дей, а также с ними зять Иван Конкин и близкий друг детства Петра Васильевича Федор В. Конкин.

Все девять человек поехали на хутор. Нужно было проехать шесть верст до арендной земли, где у нас устроены были хутора для овец, лошадей и скота, а также там был дом для жилища. До нашего отъезда туда был послан человек, чтобы все это собрать к хутору.

Когда мы приехали туда, он пересмотрел все и говорит: «Это хорошо, что у вас такое богатство, но то не хорошо, что оно не вашими трудами наживается. Ведь вы тут как только распорядители, конечно и наблюдаете за всем этим, наблюдаете и за порядком, но трудятся больше вас ваши работники». Он указал нам на них. Работники были из татар, бедного сословия, были семейные, годовые и всякого рода. Их стояло человек двенадцать. В числе их были и женщины. Многие еще не забыли его и всем любопытно было посмотреть его. Он указывал на них и говорил им, что держать их в работниках нехорошо, неправильно, это не по христиански. Слово «христиане» происходит от слова «Христос». Вы веруете в него, но этого не достаточно, к вере нужно и дело применять. Христос говорил: «все люди одного отца Бога дети и между собой должны жить как братья. Христос говорил: голодного накорми, бедному помоги. Если имеешь две рубашки, отдай одну нищему. Христос призывал всех людей к равенству, чтобы не было бедных и не было богатых. Хотя вы им и платите условленную законную цену, но вместе с тем ваше положение и их положение представляет огромную разницу. Мое братское, искреннее желание, чтобы вы это поняли. Пусть будет вашего имения в половину меньше того, что я вижу сейчас здесь, но только чтобы вы по возможности делались христианами не на словах только, но и на деле в своей жизни. Это гораздо больше принесет вам пользы, духовная сторона важнее, чем материальная. Материальная сторона это временная, — духовная же вечная, и, если человек приобретет себе весь мир, а душе повредит, какая будет польза. И многое он еще говорил.

Все братья со вниманием слушали и кроме благодарности ему ничего не сказали. Сразу мы поняли, что он призы-

вает нас к исполнению учения Христа. С юности он сам вел эту же жизнь, даже одобрял ее, а теперь он воспринял духовную жизнь, к которой приглашал и нас. И для нас всех только теперь разрешился вопрос для чего его Лукерья Васильевна взяла к себе. Плотию он рожден от Веригиных, но духовное возрождение свыше, от духа святого он принял от Лукерьи Васильевны Калмыковой.

Еще третий день он пробыл с нами, а потом, как ему было назначено, распрощался со всеми нами и уехал в Тифлис.

Проживя на своем посту 23 года, Лукерья Васильевна не имела с правительством никаких столкновений и недоразумений. Она хорошо была известна Александру Николаевичу, близко была знакома с Михаилом Николаевичем, который занимал пост Главнокомандующего в Закавказье и жил в городе Тифлисе. Он с своей женой несколько раз был у Лукерьи Васильевны в гостях. И когда Лукерья Васильевна по какому либо общественному делу, посылала депутатов лично к императору в Петербург, то Михаил Николаевич делал доклад императору и депутаты имели с ним личное свидание и объясняли то, зачем были посланы и всегда возвращались с удовлетворительным ответом.

Когда началась Русско - Турецкая война под Карсом, в которой сам Михаил участвовал и когда необходимо потребовалась помощь в перевозке орудий и всего того, что производится в военном действии, Михаил сам приезжал к Лукерье Васильевне. Объяснял свое тяжелое положение и просил зайти в помощь. Лукерья Васильевна ставила ему на вид, что Духоборцы по учению Христа считают великим грехом принимать какое либо участие в военном действии. Михаил был близко знаком с ней и искренно уважал ее, и соглашался с этим. Но вместе с тем он просил Лукерью Васильевну зайти в его и в свое положение: «Ведь вы, Лукерья Васильевна, со своими Духоборцами первые станете мишенью в Турции и, если только турецкие войска на десять верст подвинутся вперед, то вы первые пострадаете. Ведь я не приглашаю вас брать ружья и вступать в ряды войска, ведь я прошу только фургоны для перевозки военной амуниции. Фронт и сражение там будут. Фургоны ваши будут от него на далеком расстоя-

нии и может случиться, что из Духоборцев никто не пострадает. А самое главное, что есть в вашем понятии учения Христа, — чтобы вами Духоборцами не был убит человек, то это уже не может случиться никогда».

В силу такой необходимости Лукерья Васильевна должна была уступить его просьбе. Немедленно она собрала съезд и предложила это дело для общего обсуждения всех Духоборцев.

И до четырех сот фургонов выехало в Александрополь, а оттуда, по требованию, выезжали и делали то, на что были приглашены.

Когда выезжали, сначала все должны были прибыть в село Горелое к Лукерье Васильевне. Она всех их напутствовала и давала необходимые советы. Она говорила: «Вы едете, хоть и косвенно, помогать военному действию. Предки наши от этого уклонялись, а в наше время мы и вовсе должны противостоять против этого. Но по известным причинам я, как женщина, сильно не настаиваю и не противодействую этому. Но предупреждаю вас, что это может быть, будет последний незаконный поступок в истории Духоборчества, это служение Ваалу. Прошу вас не забывайте этого и всегда помните о Боге. Памятовать о Боге значит не творить худых дел, которые могут причинить вред самим же вам. Первое, не упивайтесь вином, второе, будьте осторожны. Осторожность есть первый и надежный друг, она сохранит вас от несчастных случаев. Если кому из вас придется участвовать в подборании мертвых тел, будь это русские или турецкие и если окажется живой человек, помогите ему как можете только. Боже вас сохрани обыскивать карманы мертвых тел. Ни под каким видом этого не делайте: ведь люди жизнь свою положили, а вы, не думая об этом, станете обыскивать их карманы, соблазнившись рублем или двумя. К тому же во время такого вашего ужасного поступка может прилететь не известно откуда пуля и сразить тебя. Тогда что для тебя будет дороже: твоя жизнь или те два рубля? Прошу и предупреждаю вас, все сказанное мною сохраняйте в точности и будете благополучными. По сказанию Христа, и волос с головы вашей не упадет».

Поблагодарив за такие советы свою духовную руководи-

тельницу, все со слезами на глазах распрощались с нею и со всеми бывшими там и тронулись в путь.

Живя среди Духоборцев, Лукерья Васильевна время от времени ставила им на вид все их пороки как пьянство и другие, а также поднимала и ставила на вид вопрос о военном деле, так как время набора молодых людей для такого ужасного и нехорошего дела уже приближалось. Об этом она больше всего серьезно говорила с Петром Васильевичем и больше всего желала знать его мнение по этому делу.

Петр Васильевич с малолетства еще изучил всю историю Духоборчества, прочел все псалмы, в которых все это отрицается, а также прочел и Евангелие — жизнь и учение Иисуса Христа. В отказе от участия в военном деле Петр Васильевич видел служение Богу. Христос говорил: кто любит отца и мать более нежели меня, тот недостоин меня и так далее. Петру Васильевичу предстояло выбирать одно из двух: послушание правительству или служение Богу. Как всегда, он избрал второе, т. е. служение Богу. Лукерья Васильевна радовалась этому его выбору и вместе с тем сильно плакала.

Она иногда называла его Журошкой. Слово «Журошка» произошло оттого, что он иногда находился в печальном настроении. Это бывало наверно, тогда, когда у него происходила борьба своего тела с духом. Она плакала и говорила: «Что тебе предстоит впереди, это ведает один только Бог. Тебя могут посадить в тюрьму, ты будешь отлучен от родных и всех Духоборцев, ты будешь лишен телесной свободы. Меня тогда уже не будет чтобы пожалеть тебя, как это я сейчас делаю. Но твердо знай и помни, Журошка, что, если ты исполнишь волю Бога, он больше всех нас тебя пожалеет и поможет тебе. Он посетит тебя в тюрьме, он будет хранить твое благополучие, он будет помогать тебе везде и во всем. Только ты не отступай от него и всегда слушай его голоса, который будет исходить из твоей же души от разума. Да поможет тебе Отец Небесный одержать победу прежде всего над своим телом, т. е. подчинить тело духу. Потом легко уже будет тебе сразить князя тьмы мира сего, Когда победа будет закончена и ты будешь свободен, как приятно будешь тогда вспоминать меня и весь свой пройденный тяжелый путь к по-

беде. А в будущем мы с тобой встретимся. Там ожидает тебя Христос и поздравит тебя с великой победой, как славного борца за истину».

15 декабря 1886 года наступает кончина Лукерьи Васильевны. Со дня ее кончины происходит у Духоборцев большой переворот в жизни. О нем я сейчас и расскажу.

Большая часть Духоборцев пожелала, чтобы Петр Васильевич оставался в Сиротском Доме и был бы там управителем, как была покойная Лукерья Васильевна, которая занимала этот пост 23 года и скончалась на 47-м году. Но шестая или седьмая часть Духоборцев, в особенности ее родственники, не пожелали этого. У Лукерьи Васильевны был родной брат Михаил Губанов, две сестры Парасковья и Татьяна, был дядя Игнат Губанов. В то время старшиной был Алексей Зубков, занимавший эту должность уже 25 лет и все ближайшее правительство было ему знакомо. За атамана в то время был Иван Васильевич Батурин и все они были против Петра Васильевича. К ним примкнула небольшая часть народа.

И вот среди Духоборцев образовались две партии. Одна, к которой принадлежало большинство Духоборцев, законно настаивала, чтобы управителем Духоборцев был Петр Васильевич и требовала ему вручение всех дел. Она доказывала, что именно с этой целью он и был приглашен Лукерьей Васильевной в этот дом и прожив там честно пять лет, ознакомился со всеми порядками дома, да и в нравственном отношении он вполне заслуживает это место.

Другая же партия, к которой принадлежало меньшинство Духоборцев, из числа которых никто не имел таких заслуг перед обществом, имела корыстные виды. Она захватила в свои руки денежный капитал, обратилась за помощью к правительству, стала доносить всякие клеветы и неправду, говоря, что все это наследство принадлежит родственникам Лукерьи Васильевны. Правительство хорошо знало, что дом и все находящееся в нем имущество, принадлежит всем Духоборцам, а эти доносчики — посягатели на чужое, и не вмешивалось в это дело. Тогда они стали подкупать правительство с тем условием, чтобы оно принимало за правду всякие клеветы и не-

правду и держало бы их сторону всегда, когда это потребуется перед высшими властями.

Ахалкалакскому уездному исправнику князю Сумбату дали 10.000 рублей. По уходе с должности князя Сумбатова, заместитель его должности был Дьячков - Тарасов, — ему дали 5.000 рублей. Тифлисскому губернатору Зиссерману привели в подарок пару варонежских заводских жеребцов, рысаков, стоимостью в 2.000 рублей. После этого власти стали держать сторону всякой неправды и лжи в их доносах.

*Лукерья Васильевна Калмыкова
Руководительница Духоборцев
до Петра Васильевича Веригина*

ГЛАВА IV.

Арест Петра Васильевича и высылка его из Сиротского Дома.

26-го января 1887 года, по обычаю Духоборцев, был поминальный день в память Лукерьи Васильевны. В этот день все Духоборцы собирались у ее могилы и, когда кончилась литургия, все прибыли в Сиротский Дом, где она жила. Там готовился для всех обед и по окончании обеда Иван Фадеевич Махортов во всеуслышание предложил всем братьям и сестрам поблагодарить Господа по обряду духоборческому и раз'езжаться по домам...

Первый поклон сделали Господу Богу за текущую свою жизнь, второй поклон сделали за упокоение души Лукерьи Васильевны и принятие ее во царствие небесное, и третий поклон — пожелали Петру Васильевичу занимать в этом доме место Лукерьи Васильевны. Там находился и пристав князь Сумбатов, которого противоположная сторона нарочито пригласила на обед, чтобы он стоял за их неправду. Сумбатов видел, что ничего незаконного со стороны Петра Васильевича не было сделано и что, если его и уполномачивали, то это делало большинство народа. Но так как он был подкуплен и решил совершить арест, то он потребовал от Петра Васильевича паспорт, по которому он там жил. А паспорт у него был уж заранее похищен Марьей Тихоновой, служанкой Лукерьи Васильевны. И, когда паспорта не оказалось, Сумбатов предложил Петру Васильевичу выехать с ним вместе в Ахалкалакское Уездное Управление для расследования дела. И в тот же вечер они выехали из Сиротского Дома, куда он больше уже не возвратился. Пять лет он прожил в этом Доме, никогда ни-

кого не обидев и никому не сделав зла. И не было Лукерьи Васильевны, чтобы заступиться за него. Так бессердечно и несправедливо поступили с ним люди.

Отсюда начинаются мытарства двадцати восьми летнего юноши, ни в чем не повинного как перед Богом, так и перед людьми, которые стали гнать его, гнать ради зависти своей и с тем умыслом, чтобы все достояние попало в их руки, достояние, которое было жертвоприношением всех Духоборцев. А они за захват его готовы были даже предать смерти невинного человека.

В таком их лукавом поступке повторилась история Иисуса Христа. Его же близкие люди, из рода которых и он был, стали предавать его Пилату и требовать распятия Христа. Кроме того они теперь почувствовали, что первенство, т. е. место Лукерьи Васильевны падает на него, это им было не по вкусу, и они еще больше стали замышлять злое, как будто бы это первенство зависит от людей или того самого человека, кому оно предназначено.

Нельзя достигнуть человеку того, что для него не достижимо. Так было и в этом случае. На вид казалось, что эти люди, хоть и незаконно, но достигли чего хотели и завладели материальным первенством, но настоящее, духовное первенство осталось за тем, кого посетил Отец Небесный. И посещение таким божественным духом все мытарства пройдет и все грозящее на его пути переживет и в конце концов все таки покажет на самом себе силу Божества, которая не доступна каждому человеку.

Когда прибыли в Ахалкалакское Уездное Управление, уездный исправник Сумбатов продержал Петра Васильевича три дня, потом предложил ему выехать на место жительства в Славянку, поручил его полицейскому уряднику при пакете, урядник сопровождал его вплоть до Елизаветпольска, где представил его губернатору Накашидзе, который, рассмотрев дело, препроводил его на место жительства в Славянку. Петр Васильевич прибыл в родительский дом и там жил некоторое время. Большая часть Духоборцев ничего плохого за ним не находила и желала, чтобы он был заместителем в Сиротский Дом. Иногда делались и собрания. Противоположная же сто-

рона боялась, что он здесь произведет народное возмущение. Во главе этой небольшой партии были: Андрей Марков, бывший в то время старшиной, затем Евсей Конкин, Григорий Котельников, Василий Стреляев, Василий Агафонов и прочие. Они стали доносить, что Веригин и здесь угрожает большой опасностью. И здесь также деньги стали делать свое дело. Эти деньги пересылались из Сиротского Дома, из села Горелое.

Елизаветпольский губернатор Накашидзе, 5-го марта предписывает приставу Асак - беку представить в Елизаветполь как Петра Васильевича, так и отца его Василия Лукьяновича и там объявляет им, что они должны находиться здесь при городе и под надзором полиции. Известный знакомый Армянин Ефрем Нанасов берет их обоих на поруки и помещает в свой дом. Они прожили у него четыре месяца. Елизаветпольская губерния — место жаркое и Петр Васильевич обратился к помощнику главноначальствующего генералу Пещерову, указывая ему на несвычный климат и просил возвратить их обоих с родителем в Славянку. Генерал Пещеров принял эту просьбу во внимание, предписал губернатору Накашидзе освободить их из под надзора и отпустить в Славянку.

Когда они возвратились в Славянку, противоположная партия снова возмутилась и стала доносить на них разные клеветы правительству (приставу).

ГЛАВА V.

Ссылка его административным порядком в Архангельскую губернию на 5 лет.

1-го августа губернатор снова требует Петра Васильевича под конвоем в Елизаветполь. И по прибытии его туда губернатор без всяких допросов заключает его в тюрьму. 15-го августа Петр Васильевич был переведен в Тифлис и заключен в Мехетский замок в одиночное заключение. Допуска никому к нему не разрешалось. Приезжали родители, но все их хлопоты о свидании остались без последствий. 10-го сентября Петр Васильевич секретно был увезен из Мехетского замка. В 12 часов ночи под'ехала к замку крытая коляска, сопровождаемая двумя жандармами. Тюремная стража велела Петру Васильевичу одеться, объясняя, что его требует чиновник особых поручений в губернское управление для допроса. Ничего не подозревая, Петр Васильевич садится в коляску и коляска покатилась. Когда стали проезжать Губернское управление, у Петра Васильевича пробежал по телу страх и он спросил жандармов: «Куда вы меня везете, управление уже осталось позади и глухая полночь». Все таки чувствуя свой безчеловечный поступок, жандармы стали успокаивать его, говоря: «Успокойтесь, Петр Васильевич, с вами ничего плохого не может случиться: мы по распоряжению правительства только перевозим вас в Душечскую тюрьму, за три станции от Тифлиса». Петр Васильевич веря им, успокаивается. Прибыли на первую станцию, перепрягли лошадей и снова поехали; тогда Петр Васильевич вовсе успокоился. Привезли в Душечскую тюрьму. Жандармы попросили извинения, но в то же время оправдывали себя высшим правительством.

Такой секретный переворот встревожил всех родных и

Духоборцев, но в скором времени они напали на следы и посетили его там. В этой тюрьме было проще, смотритель был человек хорошей души, претензии к нему никакой не имел. Пробыл он там до десятого октября 1887 года, когда административным порядком был выслан в Архангельскую губернию, в уездный город Шенкурск, по этапу, через Владикавказ. Проводить его в такой далекий путь из'явил свое желание близкий родственник Иван Степанович Веригин. Петр Васильевич дал на это свое согласие. Второй человек, из'явивший свое неотложное желание проводить Петра Васильевича до назначенного правительством места жительства в ссылке, был Емельян Дмитриевич Дмитриев, православной секты, житель города Тифлиса и близкий знакомый Лукерьи Васильевны. Оба они, с согласия Духоборцев, отправились с ним в далекий путь. Эти два человека следовали вольно. Где можно было навещать его в тюрьмах и этапах, навещали. Во время пути пришлось Петру Васильевичу перебивать во многих тюрьмах и испытать все нехорошее как со стороны арестантов, так и со стороны конвоя солдат, которые, исполняя свою грубую насильственную и незаконную дисциплину, поступают безчеловечно с людьми. Испытал он также и всю нечистоту этапную. Только через 6 месяцев такого пути Петр Васильевич прибыл в Архангельск.

Архангельский губернатор назначил местом жительства уездный город Шенкурск. Чтобы попасть туда, нужно было снова воротиться обратно по той же дороге 400 верст. Петр Васильевич порешил поехать туда на почтовых. Губернатор этому не препятствовал и разрешил. За конвойного был назначен жандармский офицер, который по приезде сдал Петра Васильевича шенкурскому уездному исправнику, ведшему все время надзор за ним.

Два человека, провожавшие от Духоборцев, также прибыли в Шенкурск, но прожили там очень мало. Правительство не позволило им. Они распрощались с Петром Васильевичем, воротились на Кавказ и рассказали все подробно о пути этапном и о поселении Петра Васильевича в Шенкурске и как они там оставили его одного.

Родным, в особенности родителям, а также и всем Духо-

борцам, которые хорошо знали, что он безвинно страдает и разлучен с ними на такое большое расстояние, всем было грустно и тяжело. Но делать было нечего, нужно было покориться такой несправедливой участи и оставить себе надежду, что в будущем правительство все таки разберется в своей неправоте и возвратит его на родину.

Одновременно с Петром Васильевичем было выслано пять старичков из Холодного за то, что они законно отстаивали общественный капитал и все имущество. Первый — Иван Ф. Махортов семидесяти лет, второй — Федор Рыбин, таких же лет, третий — Игнатий Аргатов 65 лет, четвертый Николай Цибульский 67 лет и пятый Алексей Зубков. Этих всех отправили в Олонецкую губ., в город Пудож также административным порядком сроком на пять лет.

Живя в Шенкурске, Петр Васильевич писал родным и всем Духоборцам письма, в которых писал о здравии и благополучии своем и просил об нем чрезмерно не скорбеть и не печалиться потому: «Мне здесь пока живется хорошо, слава Богу, а впереди также надо всеми нами пусть будет воля Божия». Все письма его, а также и письма к нему, правительство просматривало и вело большой надзор. Родные и все Духоборцы также писали ему письма, посылали даже людей для проводки лично как к нему, а также и к старичкам, посылали им и денег. Духоборцы считали это обязательным, так как все старички и Петр Васильевич были высланы по общественному делу.

Закавказское правительство сначала не разрешало ездить и не давало паспортов. Но Духоборцы, хорошо зная, что оно легко поддается сребролюбию, давали вместо одного рубля сорок пять копеек — законная цена на годовой паспорт — давали 25 рублей и получали паспорт; давали по 50 рублей, давали по 100 рублей, а когда потребовался паспорт Ивану Конкину по делу ходатайства в Петербурге и на свидание к Петру Васильевичу, он дал 200 рублей. Шенкурское и Олонецкое правительство уже не притесняло посетителей.

Петр Васильевич в молодости был страстный охотник ездить верхом на лошади. Поэтому родители и родные его выслали ему из за Кавказа жеребца рысака темно гнедой масти,

стоимостью 500 рублей. Доставлял его туда старший брат Иван Васильевич. Это правительству не так понравилось.

Спустя некоторое время к нему поехала родная сестра Варвара Васильевна, по мужу Конкина и двоюродный брат и друг детства Федор Васильевич Кончин; они заручились паспортами чтобы можно было там немного пожить.

Были в Шенкурске и ссыльные политические: некто Николай Иванович Воронин и другие: с ними Петр Васильевич также знакомился. Хотя в области духовного разума у него с политическими общего ничего не было, но они имели один и тот же взгляд на несправедливости правительства.

И вот все это вместе взятое шенкурскому правительству не понравилось и оно стало доносить высшему правительству всякие клеветы для того, чтобы выслать Веригина в более отдаленное захолустное место. Высшее правительство исполнило их лукавое намерение. Министр внутренних дел предписал выслать Веригина в Колу.

ГЛАВА VI.

Перевод Петра Васильевича из Шенкурска на остров Колу. Продление ссылки на 5 лет. Возвращение в Шенкурск.

1890-го года в начале мая месяца было объявлено Петру Васильевичу шенкурским уездным исправником выехать в Колу.

В это время брат Василий и Конкин были в Петербурге по делу ходатайства и Петр Васильевич известил брата Василия телеграммой приехать немедленно в Шенкурск, сам же Петр Васильевич выехал почтовыми с жандармом от правительства до Архангельска. Из Архангельска же губернатор препроводил его на пароходе в Колу. Петра Васильевича это нисколько не смутило и он при прощании с шенкурскими властями, задает им вопрос:

— «Что бы это значило, что меня из ваших рук удаляют?».

Они сдергивают плечами и говорят:

«Мы ничего не знаем».

— «Если вы не знаете, кто же должен знать про это? Но это ничего: я здесь прожил три года и сам уже жаждал перемен, потому я молод и мне хочется видеть большие пространства и испытать в своей жизни как можно больше всего. Брат Василий, получив телеграмму, немедленно выехал в Шенкурск, где были сестра Варвара и Василий Об'едков, а также лошадь и все домашние вещи.

Федор Васильевич Конкин ранее этого возвратился в Закавказье, домой.

Уезжая из Шенкурска, Петр Васильевич поручил им до-

ждаться брата Василия и, взяв с собой лошадь и все необходимое, всем троим ехать в Колу. Так они и сделали. Когда приехали в Колу, Петр Васильевич встретил их на пристани и все вместе отправились на квартиру. Такому свиданию были много рады с обеих сторон.

В Коле полицейским, старшим чиновником оказался пожилой человек, лет 60, некто Александр Верцынский, который при разговоре и ознакомлении с Петром Васильевичем, оказался уроженец Закавказья и самый близкий приятель нашему папаше, Василию Лукьяновичу; он и к Петру Васильевичу отнесся не как имеющий власть, а как самый близкий приятель и хороший человек. Оно ведь и из полицейских есть хорошие люди, но они подчинены нехорошему закону. А когда, где это возможно, они этот закон отставят в сторону и получается хороший, даже душевный человек, с которым можно говорить даже о Боге и о всем добром, присущем человеку. Посетителей он также принял любезно и позволил им там жить сколько им угодно. Пожив там некоторое время, двое из них: брат Василий и сестра Варвара возвратились на родину, а Об'едков остался с Петром Васильевичем. Верцынский, если что и доносил высшему правительству о жизни и поведении Петра Васильевича, то доносил самое лучшее и справедливое. и Петр Васильевич, проживши в Коле два года, окончил свой срок. Последовало предписание возвратиться ему в Архангельск для выезда на родину.

По прибытии в Архангельск, губернатор задержал его на две недели, объясняя, «что еще из министерства бумаги не представлены в окончательной форме об отпуске тебя на родину». Эти две недели Петр Васильевич жил свободным человеком, в гостиннице Федосеевых. А когда получились бумаги, то в них предписывалось вместо отпуска на родину, продолжать ссылку еще на пять лет в Архангельской губернии.

Такое грубое и незаконное постановление ничем не объяснялось. То - ли правительству было так угодно, то - ли коснулась опять просьба незаконных посягателей на общественное достояние. Но делать было нечего. Нужно было покориться судьбе. Губернатор дал право Петру Васильевичу

отживать вновь назначенный срок где он сам пожелает. Он избрал свое прежнее жительство Шенкурск. И губернатор позволил ему ехать туда уже вольно. В Шенкурске, хотя с правительством и не ладилось, но зато там были друзья из сосланных, которые находились еще там же, а на правительство ведь мало можно обращать внимания.

Старички: Махортов, Рыбин, Цыбульский и Лебежиков находились все еще в Олонецкой губернии, им также снова прибавили по пяти лет. Только Аргатов с разрешения правительства ранее выехал в Астраханскую губ., так как он был больной и правительство уважило его просьбу, отпустило в теплое место. Там он волею Божьею и скончался.

По прибытии в Шенкурск, Петр Васильевич написал старичкам письмо, в котором писал им, что если они пожелают, то пусть ходатайствуют пред правительством, чтобы их всех переселили в Шенкурск. Они пожелали и правительство в скором времени отправило их в Шенкурск...

Теперь там образовалась цельная семья Духоборцев. Старички были уже престарелые, за ними требовался уход в приготовлении пищи и одежды. Старичков поместили по соседству на отдельной квартире, которая служила им спальней. Столовались же все вместе в квартире Петра Васильевича. Была нанята кухарка, затем были взяты две девочки сиротки, нищенки. Одной было 13 лет, другой 11 лет, обе родные сестры. Справили им одежду, обувь и все нужное и платили даже небольшое жалованье. Девочки больше присматривали за бельем и помогали кухарке. Семья стала прибавляться. Сочли уместным, купили три молочных коровы холмогорской породы, купили лошадь, которая служила за выездную и часто работала по хозяйству. Завели парники, в которых садили дыни и арбузы и огурцы. Все выросло хорошо очень. Над этими парниками больше всего трудился и работал сам Петр Васильевич. Такие вырастания для шенкурских жителей были большой новостью и все смотрели на это с удивлением и большим любопытством.

ГЛАВА VII.

Что случилось с Сиротским Домом. Разделение Духоборцев.

Капитал, Дом, и все общественное достояние, все имущество попало в руки Губановых и их участников. Большинство Духоборцев делало с'езд в этом Доме и по совести просило их не делать этого, так как это недобросовестно и нехорошо с их стороны завладеть несколькими личностями всем нажитием всего общества. Все просьбы не подействовали и они, ни на что не смотря, завладели всем тем, что было приобретено всеми Духоборцами.

Тогда Духоборцы остались недовольными и порешили передать дело в суд. Петр Васильевич с своей стороны не советовал Духоборцам передавать дело в суд. Это можно видеть из его первого письма всем Духоборцам с места ссылки. Помещаю его дословно здесь.

Первое письмо к Духоборцам большой партии.

1888 года, 6-го марта.

«Возлюбленным братцам и сестрицам духовным, всем селениям, живущим при граде Ерусалиме, помнящим Господа Бога нашего Иисуса Христа, ожидающим пришествие его на землю со святыми своими.

В первых строках сего письма низко и низко вам, милые братцы и сестрицы кланяюсь и желаю вам от Господа Бога всего хорошего и лучшего в мире как в сей жизни, так и в будущем веке. Призри и помилуй вас, Господи, всей щедрой

милостью своей, покрой и осени вас, Господи, лучом истинного света своего, ясною ризой и да пошлет вам Господ Бог наш Отец милосердный те мысли и желания идти без ропота по тому пути, где ворота усеяны тернистым и острым шиповником, и если вы чувствуете силу и крепость и с вами живет надежда, то пошли вам Господь более и более любви и терпения, защити и закрой от вас, Господи, те прелестные и обманчивые ворота, которых путь так широк и мягок, потому, что, други мои, конец такого пути есть тартар и бездна, где вечные и нескончаемые мучения, сохрани и помилуй вас, Господи от такого страшного и ужасного последствия загробной жизни. Но путь, который так труден и узок, но зато если пройти эти усеянные терновником врата, за ними растилаются чистые и гладкие поля, это поля, где ликует вечная и нескончаемая тихая и блаженная жизнь тех людей, которые прошли эти врата тесные и претерпели все, все ради Господа нашего славы и истинного пути на земле в скорбях и печалях. Там же они живут и наслаждаются вечным покоем, лицеизрением Господа Бога и приятным пением светоносных ангелов.

Возлюбленные други, может многие из вас страшатся того соблазнительного и обманчивого пути, которого конец так несчастен и скорее вы бы пожелали пройти земную жизнь по стальным иглам и перенести все, как переносили предки наши. Но только может, вы утратили сознание, какое было у предков наших и скажете: Господи, как мы различим эти пути и пойдем вратами, за которыми растилается поле вечного покоя и пресветлого царства Господнего. В этом, милые братцы и сестрицы, я вам скажу, что легко и свободно различить и знать каждому человеку, только нужно сильно и горячо и крепко веровать и любить Господа Бога нашего, который для спасения нашего не погнушался еси девического чрева и даже пострадал за нас. Почему же и нам не любить его Господа Бога нашего ото всей души и всем сердцем своим и любовь к нему еще будет обитать совершеннее, если в нас, милые, будет обитать мир, согласие и любовь друг ко другу.

Желаю и прошу вас, братцы и сестрицы, позаботиться об этом и если вы это сделаете, то сердце мое сильно и сильно будет радоваться о вас и восхвалит душа моя Отца моего

небесного от края земли и до края небес. Еще прошу вас, дорогие, не ссорьтесь и не обижайте обижающих вас, а молитесь за них Богу, потому что*они не ведают, что творят. И, Господи, наверно было суждено совершиться, чтобы Духоборцы разделились, хотя и страшно, други, и ужасно что делалось, но да будет на все воля Отца нашего небесного. Но я за многих из вас, братцы и сестрицы, боюсь и страшит меня ваш слабый и ходящий туда и сюда дух, и может, многим из вас еще придется поступить как поступила жена Лотова и опять скажу вам, други, может какого из вас, правда, колеблет дух сомнения, то желаю вам от души подкрепиться в вере в Отца непостижимого. Опять скажу вам, что в стаде отца словесных овец не было и не будет ничего насильного и может из вас каждый избирать путь по своему усмотрению, потому что теперь он может думать тайно, в сердце своем не веря, что ничего нет тайного, чтобы не сделалось явным. О сиротском имуществе, милые други, я и тогда еще сильно не желал, чтобы передать ему судилищу кесареву. Господи, верно всему этому быть и теперь подождите уже до конца, чем это кончится, а кроме еще ничего не начинайте. Пусть владеют пока которые дерзнули на такое святотатство. Положим, это не первый случай у Духоборцев, но верю и верю, други, что собранное ими серебро и золото да будет им в погибель.

Затем, милые братцы и сестрицы, посланную вами милостыню в память святых наших я все получил сполна, спаси и спаси вас, Господи Отец милосердный, за ваши великие и желанные гостинцы и прошу вас, что больше мне сюда ничего не присылайте, у меня всего много здесь и ежеминутно благодарю Господа Бога моего и всех добрых людей, спаси вас, Господи. Прощайте. Остаюсь жив и здоров, слава Богу.

Доброжелатель ваш и любящий вас навсегда

Петр Васильевич Веригин».

Но Духоборцы все таки порешили заявить в суд, чтобы подробнее познакомиться с законами правительства. Дом и все имущество было передано в окружный Тифлиский суд. В этом суде решили в пользу большинства Духоборцев. Малая

партия осталась недовольна и подала в палату. В палате решается дело в пользу Губановых. Тогда Духоборцы, видя и в этом большую несправедливость со стороны закона правительства, порешили прекратить всякие ходатайства по этому делу. А также и с правительством порешили как можно меньше иметь дело. Даже если их обижало где либо туземное население, то и тогда они старались не доносить об этом правительству, придерживаясь учения Христа: если кто у тебя взял верхнюю одежду, отдай ему и нижнюю и т. д.

Значит капиталом 100.000 рублей, домом и всем имуществом завладели Губановы и участники их. Ввиду их такого незаконного и недобросовестного захвата общего достояния с ними произошел полный раздел, порешили не иметь с ними никакого дела, не участвовать с ними в молитвенных собраниях. Не стали ходить одни к другим, как говорится, ни о чем, ни зачем. В таком разделении много было таких примеров: разделялись родители с детьми, мужья с женами, братья с сестрами и т. д. и получили разную кличку: большую часть, которая придерживалась правды, ее называли «большой», «писаной», «Веригинской» партией. Меньшую часть, так как она предала своих братьев из зависти и денежных расчетов называли «Зубковской» партией с добавлением «Жидами», так что и местное население, Армяне, Татары их так звали и на это они нисколько не огорчались — это было их законное звание.

ГЛАВА VIII.

Моя поездка в Шенкурск и совместная жизнь там.

Живущие в Шенкурске старички вместе с Петром Васильевичем, посоветовали ему пригласить с Закавказья женщину, которая была бы должна присматривать за старичками и по хозяйству. Приехать туда пало на долю жене Дмитрия Васильевича Лежебокова. Жена его Арина Васильевна, средних лет, бойкая, умная, трудящаяся, и по хозяйству и по всему понимала. Такую женщину туда и нужно было. Путь туда предстоял все таки дальний и женщине одной не так было удобно.

Петр Васильевич пишет письмо родителям и просит их, если будет возможно, то чтобы родители отпустили меня с этой женщиной как проводника и вместе с тем мы повидаемся, как родные братья. Родители отпустили меня с радостью и 12-го сентября мы распрощались со всеми и выехали в путь. До Тифлиса ехали по железной дороге. От Тифлиса до Владикавказа на фургоне. От Владикавказа взяли билет до Москвы по железной дороге. В Москве была пересадка и там снова билеты до Вологды. Из Вологды уже не было железной дороги и мы поехали почтовыми, на лошадях, триста верст. Проехали на колесном экипаже, где мы сильно измаялись, в особенности Арина Васильевна, как женщина. Вследствие болотистых мест, почти вся дорога устлана бревнами и к осени тряско и трудно. Сто верст не доезжая, выпал снежок и нас повезли на сани. Возле Шенкурска течет большая река Вага, через которую нас перевозили на карбусе. Шла уже

сильная шуга, так что отчасти опасно было ехать. Это было 29 сентября. При нас были вещи и мы, переехав благополучно через реку, остались на берегу ожидать подводы. Переезжавшие с нами через реку жители Шенкурска узнали из нашего разговора, что мы едем к Петру Васильевичу и тут же обещались нам: «как мы слезем с карбуса, сейчас же известим его».

Через некоторое время едет подвода, на которой сидит Дмитрий Васильевич, лично мне незнакомый: он был из Ахал-калакского уезда. Жена же его также не узнала. Он же не сознавался и только после некоторого разговора жена узнает в нем своего мужа. После этого расцеловали мы его, уложили вещи на сани и отправились на квартиру. Там Петр Васильевич и старички с большим торжеством встретили нас и были много рады такому свиданию. Во первых стали спрашивать о пути, как проехали, благополучно ли, затем перешли к разговору, как живут родители, родные и все братья и сестры духовные. Мы обо всем рассказали подробно. Он, также как и старички были много рады, что все здоровы и благополучны и что стали жить по христиански. И так мы зажили у них, проводя время в радости. Им всем, как видать, жилось хорошо. Они находились на двух квартирах, саженей в десяти одна от другой. Старички жили на одной квартире. Их население состояло из Махортова, у которого там была и старушка жена его, приехавшая с родины, Рыбина, Цыбулькина и еще с ними жил Николай Иванович Воронин с женой. Жена у него была премилая старушка Катерина Васильевна, и годами много была старше его. Сам Воронин был средних лет, полный, красивый мужчина из русских, был добряк и весельчак, средств имел мало и старички пригласили его на эту квартиру бесплатно, а столовался он отдельно, от себя. Он был сослан административно и принадлежал к политическим. Петр Васильевич с Лежебоковым жили на другой квартире. Здесь была кухня и столовая, столовались они все вместе со старичками. Была нанята кухарка, а также были две девочки сиротки, о которых я раньше писал, было два мальчика лет по шестнадцати: один присматривал лошадей, другой коров, которых было четыре, холмогорской породы. Были у них и гу-

си, штук до двадцати, за которыми присматривал дедушка Махортов. Он очень любил их и это и было для него как развлечение. Он так с ними ласково обходился. Был у него колокольчик, которым он их созывал на обед. Только зазвонит, а они гужом к нему. Даст им корму и если они начинали щипать друг друга, то он их урезонивал, что так не надо делать и они как бы слушались его, оставляли драку и протягивали шеи, делая знак повинovenья, что мы больше не будем драться. Гуси были породистые, крупные и очень смиренные. Иногда я подходил к нему и любовался как он с ними обращается. Один раз говорю ему: «дедушка, а вот этого нельзя ли, который все отстаёт, т. е. зарезать его, славная бы лапша была». Он отвечает: «полно - те, полно, пусть живут и веселятся во славу Божию, а мы обойдемся и без этого». Дедушка уже был в полном смысле вегетарианец.

Зимнее время, ночи длинные, делать было нечего и старичкам оставаться всегда на квартире нехорошо, поэтому каждое утро все ходили на прогулку часа на полтора или два и это было хорошо для здоровья, в особенности для старичков. После такой прогулки хорошо завтракали и на отдых на квартиру.

Вечерами же, после ужина, когда стряпухи уберут все со стола, и совсем управятся, Петр Васильевич, а также и все кроме Лежебокова идем к старичкам и там принимаемся за чтение Евангелия. Это было для всех, в особенности для старичков, так как они страдали за истину. Облегчало немного их тяжелое положение, когда они слушали как Христос говорил: «Гнали меня и будут гнать и вас. Не бойтесь убивающих тело ваше, души же не могущих коснуться. Иго мое благо и бремя мое легко есть. Научитесь от меня и не будете жить во тьме и т. д. Воронин уже безусловно участвовал при чтении. А также всегда приходил Иван Семенович Тихомиров, также из политических. Он был нравственно хорошей души человек и все таки, впоследствии, он оставил свое понимание, а присоединился к Христову учению. После чтения много было и бесед. Если какой текст из учения Христа был непонятен, то его обсуждали, разбирали всесторонне и все таки приходили к одному заключению, так просиживали часов до 11-ти.

Потом, пожелавши спокойной ночи, расходились по своим местам.

Был там еще и Василий Об'едков. Он всегда находился при Петре Васильевиче, как брат и верный слуга.

По воскресным же дням, хоть и не всегда, но часто запрягали лошадей и катались в санях. Лошадей запрягали по одиночке. В такой поездке участвовала вся семья, семья — это так назывались все, жившие в этих домах, включая кухарку, девочек и мальчиков. Так и было принято смотреть на них не как на отдельных людей, т. е. посторонних, а как на одну свою семью. Если кто и оставался дома, не ездил кататься, то оставался один Лежебоков, который присматривал за домами. Это был целый состав, трое саней, лошади все были рысаки, как картина; два были приведены из за Кавказа, одного прислали родители, другого привел Иван Иванович Пономарев. Это было его желание привести в подарок Петру Васильевичу жеребца рысака, а третьего приобрели там. И на такую поездку часто с завистью посматривала администрация: уездный исправник, жандармский и другие, ведь у них таких лошадей на погляд не было, не то, чтобы они катались на них. Иногда их это взрывало, что какие — то сосланные, отчасти им подвластные и так раз'езжают.

К примеру опишу здесь один случай. Жители там живут бедно, дети из окрестных сел часто приходят в Шенкурск нищенствовать во имя Христа. Петр Васильевич, а также и по совету старичков, порешил два раза в неделю готовить им обед с горячей пищей. Их стало приходить человек до сотни, а иногда и больше. Тут и разыгралась целая история. Ее возбудили попы. Они донесли исправнику, что наши православные дети ходят к сектантам на обед и сектанты под видом этого обеда всех их обратят в сектантов.

Исправник требует Петра Васильевича и предупреждает его, чтобы дети к нему не собирались и чтобы он не готовил им обеда. Петр Васильевич говорит: «Как же я могу отказать детям, которые просят во имя Христа и как же вы предупреждаете меня в таком деле, это же завет Христа, в которого наверно и вы веруете: просящему нужно дать. И потому такое предупреждение с вашей стороны неуместно.

Вы, если имеете власть, то можете поставить у моих ворот полицейского, который не допускал бы ко мне детей, а раз дети пришли во двор и просят есть, во имя Христа, то вы уж пожалуйста извините меня: в таком деле я вам не подчиненный и слушать в этом не буду вас больше, чем Христа». — «Тогда я об этом напишу министру». Исправник возвысил голос. Петр Васильевич отвечает: «Это дело ваше» и уходит.

Писал ли об этом исправник министру, или нет, но обед не могли воспретить готовить. Только, когда начинался детский обед, приходил на квартиру старший надзиратель и присматривался, как дети молятся перед обедом, и благодарят после обеда. Дети, хотя были еще маленькие, но уже так успели привыкнуть к иконам, что на первых порах даже не хотели молиться и благодарить. Тогда кухарка, которая была из православных же, но которая уже поняла от Петра Васильевича, что можно молиться Богу в Духе и истине, без всяких икон, сказала им: «Можно молиться и без икон, пусть один из вас читает молитву вслух, смотря на хлеб — соль, а остальные читайте втихомолку». Так они и стали делать. Надзиратель не мог придаться, что дети молятся и без икон, с чем приходил, с тем и уходил. На самом же деле ведь это была одна лишь глупая придирка со стороны попов и исправника. Дети, которые нищенствуют во имя Христа, хотят есть и просят насущного хлеба и таким детям не уместны никакие проповеди, а им пока нужен только хлеб. Со взрослыми, правда, Петр Васильевич часто, где это было возможно, говорил об учении Христа и всячески доказывал неправоту попов, которые из за житейских выгод, чтобы им жилось хорошо и легко, губят мир и искажают учение Христа. Они обманывают людей, а люди почему то легко поддаются их обману. Некоторые соглашались с раз'яснениями Петра Васильевича и четыре семьи перестали ходить в церковь и о них уже пошло тайное расследование, конечно заподозрили в этом Петра Васильевича. Назову из них одну семью Красниковых, состоявшую из мужа, жены и восемнадцатилетней дочери, которых я видел в гостях у Петра Васильевича.

Многие же собеседники соглашались с ним только на словах, приступать же к делу из за страха не решались, по-

тому что боялись страданий и ссылки. До тех пор, пока люди держатся более житейской стороны и расчетов, нельзя решаться на такое дело. Но когда люди поймут, что главное назначение человека заключается в духовной жизни, которая должна сливаться с безначальным бытием нашего существования, тогда им не страшны страдания за истину. Житейская сторона второстепенная, она заключается во времени. Сегодня мы живем, завтра не будет нас — это я говорю о плоти. Дух же безначальный не имеет конца времени и, когда люди это поймут, тогда не будут смущаться ни перед какими страданиями и страданиями. Пример и доказательство этому мы видим в жизни и смерти Иисуса Христа.

Жизнь в Шенкурске в доме Петра Васильевича и старичков проходила радостно и весело. Но меня все таки смущало одно. Петр Васильевич и все старички были уже в полном смысле слова вегетарьянцами и потому мясного в пищу ничего не готовилось как для себя, так и для приезжих гостей. Кто бы даже и пожелал есть мясное, там это не позволялось. Мне это было не по нраву и не по сердцу, так как дома я употреблял мясо. Хотя пища у них была очень даже хорошая и питательная: масла было достаточно, молока тоже, по утрам всегда подавался кофе со сливками и сдобными сухарями, часто готовились пирожки с сыром и картофелем, варился хороший борщ, хороший суп из разных круп, подавалась лапша, так что лучше такой пищи и желать нельзя. Но сердце у меня было не спокойно и мне хотелось есть мясо. Петр Васильевич все это видел и замечал. Однажды он у меня спрашивает: «Ну как тебе наша пища нравится? И можно ли жить без мяса?». Я отвечаю: «Пища очень даже хорошая, но без мяса жить нельзя».

Он рассмеялся, я же немного сконфузился и он, желая вывести меня из этого конфуза, говорит: «Что - то я замечаю, как будто бы ты стал слабеть телом». Я отвечаю: «Да, я здесь живу как в гостях и почти ничего не работаю, но чувствую, что я стал слабеть». Действительно, я стал слабеть, но это происходило не от пищи, а от неудовольствия и просто у меня было сердце неспокойно и не хватало разума по отношению к животным. Петр Васильевич пожалел меня, что я на-

чал слабеть, но делать было нечего: нужно было привыкать. Он говорил: «Мы обвыклись, но мне кажется даже, что в нашем столе есть излишек, от которого можно жиреть, не то что слабеть, и по моему можно бы даже немного сократить стол, только старичкам может это будет не под силу и они также по моему начнут слабеть; это много зависит от убеждения. Например, я теперь такого держусь убеждения, что все существующее на земном шаре существует для жизни, в том числе и человек. Человека можно понимать более разумным существом, чем других животных только тогда, когда он держится человечности. Например в пище он совсем существо не кровожадное. Это доказывает его тело, его организм: не дайте ему ножа или другого приспособления, какое он выдумал, и пустите его к быку или барашку, — что он им сделает?, — ровно ничего, а пустите к быку разъяренного льва или тигра или к барашку волка — и не успеете глазом глянуть, у них будет все готово. Человек удалился от природы и естественной законной пищи и такими жестокими поступками приводит себя на положение зверя; разве это хорошо и разумно со стороны человека, который создан даже по образу и подобию Божьему и, если в человеке действительно есть что -нибудь божьего, то он должен на все существующее смотреть любовно с восхищением и с состраданием и за такую полноту мира должен воздавать славу и благодарение Богу. Этим он и будет выделяться ото всей твари, как разумное существо; а таким кровожадным поступком, как употребление в пищу мяса, человек не выделяет себя нисколько от зверя и в угоду своего ненасытного мамона решается истреблять то, что сотворено Богом, и еще повторяю, что все это сотворено для жизни, а не для смерти. А если для смерти, то человека также можно бы откармливать, как человек иногда откармливает вола, корову или барашка, в особенности старых, какие уже не способны к физическому труду. Говорят — не знаю насколько это правда — человеческое мясо лучше и вкуснее всякого животного мяса и его можно бы употреблять как самим, так и в продажу. Пожалуй, тогда человек завопил бы и стал бы всячески доказывать, что это нехорошо, даже грешно и как можно это делать над человеком: ведь это по зверски, это

ужасно, и каких доказательств он бы не представил для того, чтобы сохранить и спасти свою собственную жизнь. И если так, с такими доказательствами будем охранять свою личную жизнь, то почему же не задуматься серьезно и над чужою жизнью, жизнью всей твари, может и они также вопиют и всячески доказывают, что нехорошо и грешно лишать их жизни и им хочется также жить как и человеку, но человек ихнего языка не понимает, а готовит покрепче веревки и оттачивает остро ножи. В таких случаях, где не понимаем языка друг друга, нужно бы понимать сердцем, душою; в особенности сердце человека должно разуметь, как хороший и быстрый аппарат телефона, который за несколько десятков или сот верст издает свой звук. Это изобретение человека и то так действует, а человек, в котором должна быть искра Божия со-страдания и любви, — а она безусловно есть, — он не чувствует этого. Иногда, когда повалят такое огромное животное, как вола, свяжут ему накрепко ноги, и он чувствует приближение смерти, часто роняет слезы, но ничто не помогает, — человек делает несвойственное себе дело. Разуметь об этом нужно бы сердцем, но где же такое сердце, когда все утрачено и человек во многом только стал считаться по фигуре человеком, а та искра Божества утрачена, и такое положение человека не завидное».

И многое он еще говорил по этому делу, так что у меня сразу стало появляться раздумье жаждал ли о мясе, и с тех пор к вегетарьянской пище я стал относиться разумнее, и немного погодя, куда девалась и слабость, — так меня Петр Васильевич пробрал в этом отношении. И справедливо: где является незаконная слабость, там нужно серьезное подкрепление.

ГЛАМА IX.

Поручение Петра Васильевича к Духоборцам с Иваном Евсеев. Конкиным.

Спустя некоторое время в Шенкурск прибыл Иван Евсеевич Конкин. Он прибыл с Дальнего Востока Сибири. Был в Акилинской области, в Иркутске, во Владивостоке, на Амуре, на острове Сахалине. Виделся с генерал - губернатором. Командирован он был Петром Васильевичем осмотреть свободные подходящие земли. Если найдутся подходящие земли, то может обстоятельства сложились бы так, что Духоборцы могли бы туда переселиться. С ним был и товарищ Евгений Иванович Авсинский, из поляков. Он выжил в Шенкурске назначенный срок ссылки и был свободен. Он был близко знаком с Петром Васильевичем и по его просьбе, поехал вместе с Конкиным, так как понимал дело по земельной части, был хороший агроном. Планы Петра Васильевича были такие: они должны были побывать в Енисейской губ., в Красноярске и так дальше. Тогда железной дороги еще не было, был один прямой почтовый тракт и они должны были, где это возможно, проехать от этого тракта в сторону на юг сот пять верст, разузнать где есть кабинетские земли и хорошенько осмотреть их. В сторону им на такое расстояние не удалось проехать по многим, даже уважительным причинам и они воротились, не узнав об этом ничего. Тем и закончилась их поездка.

Иван Евсеевич пожил здесь недели две, вегетарьянская пища ему сразу понравилась и он принял убеждение питаться безубойной пищей. Петр Васильевич посоветовал ему

ехать в Закавказье, на родину навестить своих родителей, а также у него была жена и больная дочь. Петр Васильевич дал ему важное поручение ко всем Духоборцам. Эти поручения он делал в присутствии всех старичков: Махортова, Рыбина, Цибулькина, Лежебокова, Об'едкова, а также участвовал и я.

Петр Васильевич начал так: «Ты поедешь, Ванюша, к Духоборцам. По возможности навести их всех. Первым делом передай всем братьям и сестрам духовным, в числе которых и родные, как мои, так и всех этих старичков, — братский сердечный поклон и доброе пожелание на всю их жизнь; скажи всем, что мы, живя здесь, уже утомились, в особенности вот эти старички соскучились по своему родству и по всем братьям и сестрам духовным, и им нужно бы уже освобождения. Я также соскучился, скажи это всем Духоборцам, но я еще бодр. Духовное общение с Богом поддерживает меня и дает мне силы на будущее. Всех этих старичков искренно прошу не слабеть духовно. Нам предстоит еще борьба с милитаризмом и чтобы наши страдания не прошли бесследно, мы должны совершить ее. Предки наши много страдали за освобождение себя и потомков своих от ложных толкователей истинного Божьего пути, — это от попов и всех церковных обрядностей. Их также ссылали, как и нас, но еще в более отдаленные и худшие места: в Колу, Камчатку, заточали их в каменные столбы, где они выдерживали до двенадцати лет и умирали. Вырезывали из спины ремни и всякого рода причиняли им мучения, но они проходили свое поприще, не оглядываясь назад, заканчивая телесной смертью. За это дело можно бы и легче делать наказания, но в то время люди совсем были не просвещенными духом истины, сердце их не чувствовало чужой боли, рука их не дрогала ни при чем.

В наше время прямой долг предстоит всем Духоборцам освободить, как себя, а равно и потомство свое от милитаризма, т. е. не идти в солдаты. За мной предстоит долг сказать об этом всем Духоборцам, за этот вопрос я обещался и давал слово покойной Лукерье Васильевне. И не отложно должен привести его в исполнение, она со слезами на глазах радовалась этому и благословила меня даже если потребуется и отдать себя в жертву. При вступлении моем на пост я должен

был бы с этого начать, но междуусобные недоразумения Духоборцев оттянули время до сих пор. Но это ничего. Мы за это время многому научились, и искренно поняли весь смысл этого греховного дела. Бог нам в помощь. Это я только объяснил вам, сказал Петр Васильевич, но приступать к этому время будет впереди, а теперь мы должны подготовить себя к этому, и подготовить искренно, сознательно сознание личное каждого в отдельности, должно воспитать в себе любовь к Богу и отвращение ко всему тому, что служит против любви. Об этом ясно говорится в Моисеевых заповедях. Христос же сокращает их и излагает две заповеди: первая, возлюби Господа своего всем сердцем своим, всею душою своею и всем разумением своим, и вторая, возлюби ближнего своего как самого себя, не желай того другому, чего не хочешь себе. В этом весь закон и пророки». И так, дорогой Ванюша, разумею все это надо не словом только, а нужно приложить и дело. Бога любить, которого Духоборцы искони и до днесь признают в духе, которого телесными очами нельзя видеть, а нужно это проникнуть сердцем, душою и разумением. Это и есть по слову Христа второе рождение свыше, от Духа Свята; кто же не родится свыше, от Духа Свята, не войдет в Царствие Небесной жизни, но он должен стремиться и попадать в область вечного бытия, которое достигается совершенством, усилием, милосердием, состраданием и неограниченной любовью, не только к человеку, но и ко всему живущему на земле. Все видимое нами на земле можно применить к великолепному мундеку, которым зрители должны восхищаться и возносить славу и благодарение к создателю всего этого. Скажи всем Духоборцам от меня, пусть они проникаются совершенством и любовью к достижению царствия небесного, а остальное все приложится к ним. Работать и трудиться надо, сказано: в поте лица твоего будешь доставать себе пропитание от земли. Но труд этот должен быть честный и справедливый, заимствовать труд от другого человека и пользоваться им несправедливо, даже предосудительно, например христианину иметь у себя работника из своих же братьев или постороннего — это безразлично, хотя бы и платить ему известное жалованье. Ведь если этот человек — работник будет вырабатывать только себе жалова-

ные, тогда хозяину нет никакого расчета держать его; следовательно, работник этот должен вырабатывать не только себе жалованье, но он должен такую же долю или в два раза больше выработать хозяину, а это уже не совместимо с христианством. Сюда можно поместить слова Христа: если хочешь сть, то работай, трудись: трудящийся достоин пропитания. Это относится к каждому человеку в отдельности, — богатей ли или нищий, это безразлично. Если человек бедный, а ты христианин, то удели из своего богатства нищему, если у тебя две рубашки, отдай одну нищему одной рубашки. Таким родом среди христиан не будет ни богатых, ни бедных. Передай это всем Духоборцам от меня и раз'ясни им, что это мой добровольный совет и кто применит его, тот не будет держать работников у себя. Если есть лишнее имение, можно поделиться с нищим, если богатые давали в долг бедным деньги, то пусть простят им, бедные же пусть отнесутся с благодарением ко Христу, жившему девятнадцать веков тому назад, это он принес такое святое учение, через него и водворилось бы Царство Божие и на земле, и на Небе.

От человека разговор переходит ко всему созданию Божьему на земле. Всякое создание получило начало своей жизни от той силы, от которой получил и человек и следовательно, каждое отдельное творение имеет полное и законное право жить, ни от кого независимо, и истреблять это создание в угоду мамоне предосудительно и не свойственно человеку. Об этом также поясни всем от меня. А также употребление спиртных напитков, алкоголя и курение табаку. Ведь это не только не свойственно христианам употреблять эти вредные вещества в свой организм, но это делать даже неприлично и всякому несознательному человеку, который не признает нравственного закона, но который все же должен признавать и понимать вред причиняемый его телу. А будучи мало мальски христианином и понимающим закон природы, то этого делать ни в каком случае нельзя, потому этим человек делает вред себе самому. Есть сказание: не упивайтесь вином, в нем есть блуд, вред и порок, пьянство. Яко а да избегайте, воздержные живут здраво и хорошо, от невоздержания рождается болезнь, от болезни смерть. Предки наши этого не употребля-

ли, а мы постепенно понемного ввели это в привычку, о которой наши предки сказали: «Привычка к худому — опасней того нет». А мы, потомки их, не только стали опасаться этой привычки, но ввели даже в обычай и поставили ее на высокое место, при трапезе пищи. Нужно бы начинать с хлеба - соли, а мы начинаем с этого яду, выпить по рюмочке, чтобы возбудить аппетит, а потом еще и еще, и трапеза еще не отошла, все уже пьяные, которым море становится по колено и им можно делать всякие безобразия.

А о курении табаку и причинении им вреда не нужно и объяснять. Это самая низкая степень в человеке, и если человек этого не понимает, то какой же это человек? Я сознаю, что это незаконные привычки, их ни в каком случае не нужно бы допускать человеку, а раз человек допустил их и они с течением времени укоренились, даже стали иметь силу, а потому и на это нужно усилие и только употребляющий усилие, достигнет победы.

И мое искреннее и добровольное желание чтобы духоборцы вразумились и оставили это раз навсегда. Скажи это всем Духоборцам.

Хозяйственное дело надо вести так, чтобы оно было ограничено. Каждый домохозяин чтобы имел то, что ему нужно и что ему приносит существенную пользу в его жизни. Ведь мне с малолетства известна вся деревенская жизнь. Например: они водят баранту, — и какой же они получают доход? — Решительно ничего: как жил бы работник и вырабатывал только себе жалованье. Мне хорошо известно, когда я жил у родителей с братьями, мы имели до трех тысяч баранты и, когда приходил годовой отчет, то еле еле приход покрывал расход. А сколько хлопот и беспокойства! и это все даром.

Пахота земли — впрягаете пар пять - шесть волов в плуг и какая же это утомительная пахота! Почему не иметь три - четыре пары хороших лошадей: ведь это будет в два или три раза быстрее происходить работа, чем на волах. Ведь это работа наших дедов, — мы же должны совершенствоваться, как духовно, а также и хозяйственно и выбирать полезное.

Затем говорил по отношению жизни мужа с женой, для

схождения их совместной жизни высказывал свое мнение.

Я понимаю, говорил Петр Васильевич, что если люди сходятся для совместной жизни, так это для того, чтобы подерживался род человеческий на земле — это самое главное, а иначе люди могли бы прекратиться, хотя в нынешние времена людей так много, хоть даже отбавляй, не то, что бояться как бы не прекратился род человеческий. В этом также человечество зашло далеко и решительно не понимает своего назначения и жизнь проводит хуже всякой твари. Это я говорю по отношению мужа с женой, как разумных существ. От такого непонимания само человечество страдает и притесняет все остальное творение Божие, которое создано тем же Богом, и имеет законную долю жить на земле. От незаконного размножения людей человек живет там, где ему совсем не должно жить, где и жизнь ему не свойственна и трудна; он должен бы жить в умеренных странах, но не в жарких и суровых, а при нынешнем времени не только заняты человеком все эти умеренные страны, но переполняются уже жаркие и суровые, куда он приходит и не стесняясь никого, выживает всех живущих там от природы и поселяется сам, как будто законный владелец. Удивительно: лев, тигр, и есть еще сильные животные, но и те избегают встречи с человеком, значит человек, хотя и безсилен, но жестокостью превышает всех этих зверей. Совместное схождение мы видим во всем окружающем нас мире, будем говорить хоть о скоте, как будто это низкое творение в глазах человека.

По требованию времени сама самка приводит самца для того, чтобы оставить по себе потомство, когда чувствует, что зародыш есть, тогда оставляют всякие сношения и живут покойно до того времени, пока самка освобождается и производит потомство в жизнь. После этого через некоторое время повторяется снова. Самка приводит самца. Но это дитя самка кормит и смотрит за ним. Иногда она готова лишиться жизни за него. Но когда время отходит ее воспитания, она его оставляет. Будь это в диком состоянии, будь это в руках человека, мы видим, что когда мать оставляет свое дитя, не дает ему молока, значит время уже вышло и она сделала все, что нужно было сделать и теперь уже

дитя должно заботиться само о себе: если хочешь кушать, то находи для себя корм и т. д. Как мать освобождается от дитяти, также и дети освобождаются от матери, но в человечестве мы видим совсем наоборот. Муж с женой, повторяю, часто даже не понимают своего назначения, для чего они сходятся; большею частью говорят: от этого происходят в жизнь дети. Не проходит два года, у них уже появляются снова дети, затем еще и еще. Первое дитя просит: мама, дай мне хлеба, так как на полке она сама еще не достанет, второе дитя говорит: убери меня, надень мне платье, третье дитя просит ссадить его, указывая на землю пальцем — говорить оно еще не знает, четвертое дитя лежит в люльке, ничего не знает и сильно плачет. Спрашивается: что мама должна делать и куда поспевать? все дети еще ничего не понимают и только не удовлетвори ихнее желание в свое время, они все раскричатся, мать бросается туда и сюда, так как ей детей жалко, но нигде ничего не исправляет. А всякий из нас знает, что если дети раскапризничают, то их удовлетворить трудно, мать выходит из себя, ожесточается и начинает всех их беспощадно дуть, чем попало. Это ли разумно? И в такой суете должна проходить жизнь человеческая. Если уж в материальном родители не дают порядка детям, а если и дают, то это делается — как выше сказано с великим трудом, даже с боем, то могут ли думать родители о духовной божественной жизни, могут ли научить и показать им хоть первые ступени божественного закона. А ведь это же обязанность родителей. И после такого боя, где же ты будешь вталкивать детям закон Божий, который заключается в любви, смирении, кротости и тому подобное, когда на деле сама же мать поступает иначе и не держится такого Божьего установления. Повторяю, это неразумно со стороны человека. Это также от меня передайте, как мой братский желательный добровольный совет.

И еще скажу. Плотское сношение, деторождение я советую на время прекратить, потому время близится: Духоборцы должны вступить в борьбу с князем тьмы и борьба может произойти ужасная, и дети, которые должны родиться на славу Божию, на радость родителям, — в это время, которое приближается, — могут служить препятствием Божьему де-

лу. Потому что непосильно будет родителям и они могут через это даже отстать от Божьего дела, которое выпало на их долю от отца всех веков, и которое они должны совершить в полной силе, для славы Божией и грядущего своего поколения. Об этом говори, не стесняйся, только объясняй это разумно и понятно, что это временно и облегчение для самих себя и, повторяю, кто может вместить, пусть да вместит. И таковые будут свободны идти вперед, не оглядываясь вспять.

А также поручаю тебе, Конкин, доведи до сведения высшего начальства, вплоть до министров, начиная с приставов, все их незаконные поступки, чинимые над нами. Тебе ведь хорошо известно, что меня сослали только через взятки, деньги. Надо мной ведь никакого суда не производилось, потому что не за что было и я не подлежал суду, а после меня и вас всех притесняют высшие правительства. Например о паспортах. Когда вы хотели отлучиться по делу ходатайства и вам не разрешались паспорта, но когда вы вместо одного рубля срока пяти копеек — законная цена — давали пятьдесят или сто рублей, вам выдавали паспорта. За твой паспорт ты уплатил 200 рублей — разве это закон? Нужно это довести до сведения министров. Смотри лишнего не прибавляй, а то только испортишь дело, а правду говори, не стесняйся и не бойся ничего, если бы даже пришлось тебе и пострадать за это, это ничего, этим ты больше разоблачишь их неправду, и многие люди даже поймут и скажут тебе, что Конкин страдает за истину, ведь за истину не каждый может страдать, а только мужественный и любящий ее».

Когда Петр Васильевич делал это поручение, излагал свой завет, все старички сидели, Конкин же стоял на вытяжку, более внимательно воспринимал в свой мозговой аппарат, для передачи дословно всем братьям и сестрам Духоборцам. Сам Петр Васильевич за все время передачи также не садился и когда разговор касался более серьезного дела, то он в экстазе духовном ходил по комнате и говорил серьезно. Иногда он переспрашивал Конкина, понял ли он все, чтобы мог передать Духоборцам не только слова, но чтобы и смысл каждого отдельного дела мог пояснить, чтобы не уклониться от истин-

ного смысла его передач. Если он что не понял, то он повторял ему.

Прошло с неделю времени, как будто отдыха от дальнего пути и после Конкин со всеми распростился и выехал к Духоборцам. Это было 10-го декабря 1893 года. Конкин должен был попасть в Славянку к Рождеству Христову. С ним выехал и Василий Об'едков, как товарищ в пути. Об'едков выехал для свидания с родными и через некоторое время он должен попасть обратно в Шенкурск.

ГЛАВА X.

Передача поручения и исполнение его Духоборцами.

Ссылка Ив. Евс. Конкина.

Конкин и Об'едков оба прибыли в Славянку Елизаветпольской губ. Все им были рады как родные, так и все братья и сестры духовные. Приезжали к ним на свиданье из других сел в Славянку, а также и их приглашали к себе, они ездили и вели беседы обо всем. Конкин начинал разговор с передачи поручения Петра Васильевича. И тогда, когда все в точности передавал, то также и он переспрашивал иногда Духоборцев: поняли ли они то, что он им говорил от Петра Васильевича. Они просили подтверждения и он пояснял им все дословно, что было передано Петром Васильевичем. Духоборцы благодарили Петра Васильевича за все его искреннее желание быть им истинными христианами, исполнять учение Иисуса Христа, за которое его распяли на горе Голгофе на кресте. Конкин разумный человек, вел себя честно и благородно. Когда вел беседу после передачи от Петра Васильевича, то говорил основательно; речь его настолько смягчала сердца людей, что они в это время плакали. Он при разговоре не стеснялся никого, даже присутствие правительства его не стесняло, правительства, которому всякие Божественные проповеди противны, потому что они разрушают весь строй ихней жизни. Конечно, он говорил более из учения Христа и его примерной жизни и это его не стесняло, он не страшился никаких страданий, предоставляя все воле и проведению Божественной силы. Правительство все таки свое дело делало и вело

над ним секретный надзор. Когда они вместе с Об'едковым решили поехать в Карскую область, то правительство ему не разрешило ехать, в крайнем случае, предупредило его, что если он поедет без ведома правительства, то его арестуют и посадят в тюрьму. Об'едков выехал один. Конкин же остался дома. С Об'едковым он передал, чтобы из Карской области, а также и из Ахалкалакского уезда прибыли в Славянку по три человека почетных старичков, для передачи поручения Петра Васильевича. Они это исполнили и Конкин все дословно им передал.

И вот все Духоборцы, во всех трех губерниях после многих собеседований и толкований стали подходить к той жизни, которой учил Христос и о которой теперь им напоминает Петр Васильевич. Во первых уплатили все долги, если были некоторые должны своим же братьям, то те порешили не взыскивать, а некоторые были должны другим нациям, то добровольно собрали деньги, кто сколько пожелает и таким родом выплатили везде все долги. После этого богатые стали давать бедным лошадей, волов, коров, фургоны и все то, кто в чем нуждался. Другие нации: молокане, армяне и мусульмане, видя такое поделение, также обращались за помощью; их также снабжали, кто чем мог. Я знаю: молоканам просящим давали пару хороших волов, фургон, который насыпали полон хлеба, т. е. пшеницы и человек со всем этим отправлялся домой к своему бедному семейству, воздавая славу и благодарение Иисусу Христу. Это было в Карской области.

После этого было порешено Духоборцами совсем оставить пить водку и курить табак как ненужные две вещи, бесполезные, даже вредные. Такая привычка была более усвоена старичками, которым отчасти трудно пришлось искоренять ее. Но все таки Духоборцы мужественно победили эти две худые привычки. Хорошо и сделали.

После этого Конкин написал раз'яснительное письмо министру внутренних дел, в котором изложил все подробно о взятках за паспорта и других незаконных поступках и отправил по почте. Это длилось некоторое время. И потом министр предписывает Елизаветпольскому губернатору немедленно арестовать Конкина и посадить в тюрьму. Для этого был при-

слан губернатором отдельный курьер, вроде пристава, который сейчас же налагает арест и препровождает его в Елизаветполь. Там его заключают в тюрьму до особого распоряжения. Спустя несколько времени производится над ним дознание. Дознание производилось местной же администрацией, уездным исправником, который сам же замешан по этому делу. Исправник вычитывает Конкину его письмо к министру и спрашивает: «это ты писал?» Конкин отвечает: «да, я писал». — «И можешь еще подтвердить о чем писал?» — «С удовольствием подтверждаю, что все здесь написанное мною — сущая правда. Такому - то столько дал, тому - то столько, а вам вот столько - то дал, помните, или может и об этом еще будете справки наводить?». Исправнику было больше нечего делать, он больше не стал допрашивать, это было бы крайне бессовестно с его стороны и он начал предлагать Конкину свой совет. «Я советую тебе, Конкин, лучше всего откажись от этого письма и тебе будет лучше, тебя в скором времени освободят из тюрьмы и ты будешь на свободе, а если ты будешь подтверждать свое письмо, то тебя могут сослать даже дальше, куда сослали Петра Веригина». Конкин отказался от его предложения и настаивал на своем. После этого его продержали в тюрьме еще два месяца и выслали по этапу административным порядком на пять лет в Архангельскую губернию, в город Мезень. Это было 1894 года 20-го сентября. И так Конкин за справедливость несет пятилетнее наказание, удаление от родины и родных. Вот что творится на белом свете и в Божьем мире. Где же правда, где же справедливость? Правда страдает, справедливость несет тяжелые кандалы, а ложь торжествует. Как же тогда в общем людям будет житься хорошо?

Оставление Духоборцами мясоедения было в день Великого праздника Михаила Архангела 8-го ноября 1894 года.

ГЛАВА XI.

Новая ссылка Петра Васильевича в Обдорск Тобольской губ. на пять лет. Поездка в Шенкурск к Петру Васильевичу Василья Гр. Верещагина и брата Василья Васильевича и передача с ними поручения Духоборцам.

За Петром Васильевичем уже были подозрения со стороны попов в соращении от православия упомянутых мною четырех семей. Кроме этого была еще и другая причина гонения правительством Петра Васильевича. Об ней он писал своим родителям: «Причина моего перевода из Шенкурса в Обдорск та, что несколько раз я получал предупреждения не кормить нищих, а также не помогать неимущим. На что я в последнее время окончательно ответил, что не могу слушаться вас более, чем Господа Иисуса Христа; потому я это делаю, что он призывает поступать так. Второе же: пред этим я послал министру просьбу, в которой указывал на грубое взыскание закавказских чиновников, откуда он родиной». Петр Васильевич об этом переводе известил родных и всех Духоборцев и просил, чтобы выехали два человека для свидания в Вологду, в Москву и т. д. В Вологде, он предполагал, можно будет повидаться.

Получив такое известие, родные и все Духоборцы немедленно избрали два человека, которые стали ходатайствовать о паспортах. В то время Духоборцам не разрешали давать паспорта. Назначили к поездке Василия Гавриловича Верещагина и брата моего Василия, оба из Карской области.

Верещагин был личностью известной ближайшему правительству. Все его хорошо знали, даже губернатор Томич был

близко знаком ему, и очень уважал его. Когда Верещагин обратился в канцелярию за паспортами в Карсе, уездный исправник Шагубов отказал ему, объяснив, что главно - начальствующим Шереметьевым воспрещено давать Духоборцам паспорта. Верещагин обратился к губернатору и просил его телеграфировать об этом главно - начальствующему с ответом на счет Верещагина. Часа через три получается ответ: выдать паспорта Духоборцам. Паспорта получили и в скором времени оба выехали до определенного места Вологды. Прибыли в Вологду, осведомились в пересыльной тюрьме, не проходил ли этапным порядком Петр Веригин в Шенкурск. Ответ получили: Веригин еще в Шенкурске и вы можете приехать сюда. Они приезжают в Шенкурск и там застают Петра Васильевича.

Пишу со слов Верещагина и брата Василия о том, почему он оставался там так долго. Им говорил сам Петр Васильевич. «По объявлению министерства о переводе, мне сразу было предложено поехать на свои средства, на что я и дал согласие. Жандармский шенкурский ротмистр, узнав об этом, стал доносить, что такого опасного человека, как Веригин, ни в каком случае нельзя отправить с одним провожатым, а надо с двумя и непременно даже с жандармами, и по этому делу целый месяц велась переписка, и вдруг мне объявили, что нужно внести деньги за двух проводников туда и обратно, и поедут еще жандармы. Конечно, меня это поставило в крайнее недоумение: неужели министр мог изменить своему слову. И когда я узнал, что действительно он так поступил, то я наотрез отказался ехать на свои средства, тем более и материально выходила громадная разница. По первой смете до Тобольска мне нужно было взнести 220 рублей с одним проводником и мы могли захватить еще осеннего пути, т. е. на пароходах. По второму же предложению нужно было уплатить 450 рублей. Опасаясь оказаться сребролюбцем в этом частном случае, я купил на 450 рублей катанок и одежды и раздал нищим Шенкурского участка, а сам порешил идти по этапу, и благодарю Господа, что так случилось. Я пригласил вас приехать сюда по важному делу, которое я должен передать с вами, чтобы вы все это передали всем Духоборцам».

Верещагин и брат Василий прожили две недели. Правительство их не стесняло и они жили вместе с Петром Васильевичем, где и вели разговоры обо всем. Во время их пребывания там потребовалась со всего народа присяга Николаю Александровичу Романову в верноподданстве. Эта присяга коснулась Петра Васильевича и всех старичков. И все они, на основании учения Иисуса Христа, отказались принять ее. Первый разговор Петра Васильевича со старичками был поднят о присяге. Он начал с того, что «это не хорошо было бы нам, как христианам, принимать присягу смертному человеку. Христос в своем учении воспрещает давать присягу и мы, если верим в него, то должны это доказывать, и в таких случаях, если бы это только потребовалось, мы должны жертвовать собою. Вот хоть такой переход, как назначили мне. Это будет тысяч несколько верст и пройти нужно этапным порядком в зимнее время и пребывать в нескольких тюрьмах, — вы, конечно, эти тюрьмы - этапы и какое там обращение, не испытывали и не знаете, но я уже познакомился с ними. Обращение везде очень плохое и с арестантами большею частью обращаются не как с людьми, а как с животными, и от такого обращения можно заболеть и умереть, я все это допускаю и иначе не могу допустить, Христа послушиваться очень не хорошо, он пострадал и умер на горе Голгофе, на кресте, возмещая людям истину и правду Божию, чрез что люди обрящут спасение. Ведь тут дело идет о присяге, которую Христос в своем учении воспрещает, говоря: не клянитесь ни небом, ни землею, ни Иерусалимом, даже головою своею не клянитесь, потому, одного волоса не можете сделать белым или черным, а будет слово ваше: да, да, или нет, нет, а что свыше, то будет от лукавого. В подтверждение или соглашение на какое либо дело можно закончить двумя словами: да или нет, как учит Христос. В присяге же, при которой требовалась наша подпись там не два слова, а может сто два или того еще больше, и все слова против учения Христа — тогда можно ли соглашаться на такую подпись? Это и вышло бы людей себе подобных, слушать больше, чем Христа. Повторяю: за такое дело, хотя мне и раньше этого уже назначен перевод в уездный город Березов, а

чрез это только добавляют в Обдорск, то значит, не только не нужно обращать внимания на такие переходы, как назначили мне и на все вместе взятое, но нужно даже жертвовать самими собою, как и поступил Христос».

После этого разговор перешел на вопрос о военной службе. Петр Васильевич стал порицать такое заблуждение: Люди, идя на военную службу, большею частью говорят, что они зачисляются в Христолюбивое воинство. Это учение попов и самый большой обман со стороны их, которым они живут. Такой обман, особенно в наше время, неуместный в христианстве и всякий человек, хоть немного знающий жизнь и учение Христа, не должен бы соглашаться с этим обманом, но люди и нынешнего времени так легко поддаются этому и принимают за правильное учение. Тогда как Христос в своем учении обличал и разрушал военщину, которая служит лишь для одного насилия, и за это его только такие же солдаты распяли и предали смерти. И в нынешнее время, если бы тот же Христос пришел и благовествовал тот же мир, и теперь, я уверен, также бы поступили с ним, как поступили 1900 лет тому назад. И это можно считать за христолюбивое воинство? Скорее всего это можно считать воинством Николая и походит оно на большую шайку разбойников, во главе которой стоит Николай, и на сколько возможно—так я понимаю жизнь и учение Христа—нужно освободиться от такого заблуждения и не участвовать в таких делах. И уместно было бы Духоборцам, как христианам нынешнего времени, совсем отказаться от военной службы. Я считаю своею обязанностью сказать им это, потому что я всецело состою передним человеком в Духоборческом обществе и, не сказав им этого должного — я могу отвечать за это перед Богом и потому прямой мой долг пред Богом и Духоборцами сказать им это, чтобы они, согласно учению Иисуса Христа и моего личного совета отказались от военного действия, — не идти в солдаты и не участвовать ни в каких военных действиях, хотя бы косвенно. Оружие какое есть у Духоборцев, например ружья, револьверы, сабли, кинжалы, которые приобрели они, удаляясь от учения Христа, все собрать в одно место и в знак непротивления злу злом, и в исполнение заповеди: не убий, предать все

это сожжению, огню, памятуя слова Христа: взявший меч, от меча должен и погибнуть».

День для сожжения оружия одновременно во всех трех губерниях был назначен на 29 июня 1895 года в день святых апостолов Петра и Павла, в 12 часов ночи. Этот день был днем рождения Петра Васильевича.

«Которые же сейчас, говорил Петр Васильевич, находятся в разрядах войска, я советую им сдать все оружие по принадлежности даже до мундира и объявить себя, что они христиане и им все это не приличествует, и с этого дня, они более не могут участвовать ни в каких насильственных делах военной армии; всему этому противоречит их собственная совесть и учение Иисуса Христа.

Такой законный и справедливый отказ от господствующей власти сто восьмидесяти миллионного населения должен быть и мужественным. Он может навлечь гонения, страдания, даже смерть, как это сделали над Христом и всеми истинными последователями его. Все это они должны принять к сведению и здраво, серьезно обсудить в своих сердцах, чтобы прийти к этому заключению. Еще повторяю, вы должны им разъяснить мое крайнее убеждение и понимание о Христе. Сейчас они находятся на службе, — это они служат Николаю и подвластны ему как грешному и смертному человеку, у которого с Христом общего дела по жизни никакого нет и, следовательно, если бы они поняли и захотели перейти от служения Николаю к служению Христу, они должны переменить жизнь. Они, может быть, уже приняли нрав гордости, так как вся дисциплина на этом основана. Если так, то они должны оставить гордость и быть кроткими и смиренными, как показал нам Христос и, самое главное, быть довольными своим положением, что бы с ними не случилось; на все это они должны смотреть как на временное, это самое главное в таком повороте ихней жизни. Это мой им братский совет. Вы передайте им: если они примут и поступят согласно моему братскому совету, в котором заключается учение Христа, то пусть начинают без всякого страха, памятуя слова Христа: тела наши убьют, но души не могут коснуться и надежду пусть полагают на Бо-

га, так как это дело Божие и в немощах нужно обращаться к нему, он и поможет всем нам выйти на стезю правды и истины, т. е. облегчит наше тяжелое положение и даст покой душам нашим».

День им был назначен на первый день Пасхи 1895 года; в этот день должен хоть один из них сделать это, а остальные могут постепенно.

Такое неожиданное поручение Петра Васильевича Верещагину и брату Василию смутило их, потому что они не были подготовлены к этому, и они не знали что делать, принимать ли это поручение на себя или отказываться. Это был момент борьбы духа с плотью и плоть ихняя стала беспокоиться за себя, потому что тем, кому они передадут поручение, когда что будет или нет, а им первым должно быть. И плоть лично сама стала задавать себе вопросы, а также сама и решать их, что за это должно быть. Так они оставались некоторое время в нерешимости. Петр Васильевич сейчас же заметил их слабость духа и говорит им: «Я вижу, что вы смущаетесь». И они в силу справедливости должны были сказать то, что у них происходило в сердце их и сказали: «Да, это верно». Петр Васильевич говорит им тогда: «Я не могу с вами делать таких поручений. Поручая это, я во первых должен быть уверен с кем это я делаю это поручение, и, во вторых, я должен быть в надежде, что вы все дословно передадите всем Духоборцам, что я поручаю с вами, а иначе, я повторяю, я не могу с вами делать этого поручения. Даю вам отсрочку на один день, за который вы можете решить себе да или нет. Только в решении вы не забываете самого главного. При возбуждении плотских вопросов вы давайте больше места делать решения Духу, живущему в вас и тогда, я уверен, что вы победите в себе плотские ваши немощи и с радостью вы должны будете принять мое поручение». И он отпустил их. Они вышли. Такое решение нельзя было откладывать на сутки: когда открывается победа духа над плотью — это продолжается только момент, экстаз духовный, в котором все совершается. И они через два часа пришли бодрыми и веселыми и за такие поручения они готовы теперь были смотреть в глаза самой смерти, не иметь

никакого страха, а иметь только торжество духа. Петр Васильевич был этому очень рад и снова стал им повторять свое поручение, которое они уже принимали и записывалось это у них на скрижалях сердец ихних.

ГЛАВА XI.

Этапный путь Петра Васильевича в Обдорск, Тобольской губ.

Назначенный день для отхода этапа наступил и Петр Васильевич распростился со всеми друзьями и всеми шенкурскими жителями. Даже много было из ближайших сел братий и сестер, которые нарочито пришли проводить и сказать последний раз: «Добрый час вам, Петр Васильевич, и благословит вас Господь Бог благополучием на все дни жизни вашей. Вы по себе оставляете добрую память, которую мы никогда не забудем. Вы утешали нас в скудности и бедноте нашей не словом только, но и делом». Говоря это, многие плакали.

Наконец пришел час и момент; конвойные подали сигнал: «Арестанты, стройтесь для проверки и отходу!». И Петр Васильевич стал в ряды воров и убийц. И исполнилось слово Христово, что причли меня к злодеям и всем, делающим беззаконие. Но такое причисление несколько не унижало его и он был, как агнец Божий, перед народом. Все, которые были с добрым сердцем, сожалели об нем, также как сожалели Христа, когда его распинали. Другой помощи они ему не могли оказать, потому что они были бессильны и только сожалели и плакали. Которые же его не знали, часто поражались его взором и были в недоумении и начинали толковать между собой: «а этого же человека за что же смешали в эту партию, кажись он своим взором не заслуживает этого». Такие простые люди понимали все это сердцем своим, но ожесточенные власти этого не предчувствовали. Если иногда сердце их доказывало им невинность Петра Васильевича, они всегда сни-

мали с себя ответственность, объясняя тем, что на это есть верховные власти и мы только делаем то, что они нам предписывают.

Этап тронулся и Петр Васильевич из толпы последний раз сказал: «Прощайте, братья и сестры, не поминайте меня худом». Все со слезами ответили: «Добрый час, да благословит вас Господь благополучием».

Это было 5-го ноября 1895 года. Стояли сильные морозы. Снег был довольно глубокий и идти пешком было очень тяжело и трудно. Этапные помещения были всегда холодны. И как только приходили туда арестанты, они начинали сами о себе заботиться: топили печки, приготавливали пищу или кипятку для чаю. Конвой был назначен из Шенкурска до первого уездного города Вельска. Конвой не сменялся и было поручено ему из Шенкурска, чтобы за Петром Васильевичем наблюдали отдельно и не допускали с ним никаких свиданий, что конвой и делал вплоть до Вельска. Верещагин, брат Василий и Об'едков наняли себе подводу и ехали вслед за этапом. Когда прибыли в Вельск, конвой сменился, заступил другой конвой. Тогда стало во всем просто. Придя на этап, Верещагин и брат Василий оставались там подолгу и находились в солдатском помещении. Конвой несколько не притеснял их, они могли свободно разговаривать обо всем. Всегда они ему приносили покушать бутылочку молочка и хлеба и другое чего либо. Так они свободно проехали до Вологды. Петр Васильевич нигде ни разу не садился на подводу. Верещагин и брат Василий предлагали ему садиться на подводу и конвой разрешал, но Петр Васильевич на их предложение сказал; «я в этом дал слово Богу, что пройду весь путь пешком». И больше они уже не беспокоили его в этом. От тяжелого и несвального пути у Петра Васильевича появлялись мозоли на ногах и страшно его мучили. Мозоли были кровяные, никто не знал чем помочь ему. В одном селе была дневка. По приглашению Верещагина и брата Василия в этап пришли две женщины русские, понимающие в этом деле. Конвой разрешил им зайти и одна из них принялась за это дело. Взяла иголку с ниткой, наложила нитку углем и продела иглой мозоль, продернула насквозь нитку, сошла кровь и боль прекратилась и

с тех пор, за все время пути боль эта не возобновлялась. Петр Васильевич остался им сердечно благодарен и дал им, что нужно было дать. Они также поблагодарили и ушли. И так прибыли благополучно до Вологды. На Петре Васильевиче несколько не отразился пеший путь. Он был всегда бодрым и веселым.

В Вологде, в тюрьме Петр Васильевич пробыл четыре дня, и этап отправился по железной дороге до Ярославля. В Ярославле также оставался четверо суток.

В Москву прибыл вечером и поместили его в центрально - пересыльную Бутырскую тюрьму. Пробыл там пять дней и брат Василий навещал его, когда был допуск. При первом посещении в то время как Василий Васильевич разговаривал с Петром Васильевичем, тут же рядом через двойную общую решетку разговаривал вольный толстовец, кажется с Изюмченком, с которым Петр Васильевич успел познакомиться в тюрьме и при прощании Петр Васильевич сказал брату: «ты с этим толстовцем познакомься и поговори с ним без стеснения обо всем подробно». Этот толстовец был Евгений Иванович Попов, с которым и прошли мы вплоть до моей гостиницы. Потом он пошел ко Льву Николаевичу и сказал ему, что «был на допуске и там же рядом был брат Петра Васильевича, говорил с ним. Петра Васильевича я лично видел, а также и он меня видел и он сказал брату познакомиться со мной, что мы и сделали. Я брата Петра Васильевича приглашал к вам, но он отказался, говоря, что находится в гостинице «Петербург», близ Красных ворот. У меня там, сказал он, есть два товарища: Василий Григорьевич Верещагин и Василий Иванович Об'едков, которые ожидают меня, а вы, если желаете видеться с нами, то пожалуйста к нам». После этих слов Лев Николаевич присылает к нам Павла Ивановича Бирюкова и Евгения Ивановича, пригласить нас к себе. В таком приглашении Льва Николаевича мы не должны бы были отказать, но так как мы уже были с поручением от Петра Васильевича ко всем Духоборцам, то мы просто побоялись, что чрез такое свидание нас могут арестовать здесь и отказали им в их приглашении. Они, уходя, просили нас назначить время, когда им придти к

нам. Мы назначили им завтрешний день в четыре часа после обеда. Это было 8-го декабря.

К этому времени пришли к нам несколько человек во главе со Львом Николаевичем. Мы всех их любезно встретили и Лев Николаевич стал спрашивать нас о нашей жизни. На большую часть вопросов Льва Николаевича, по поводу насилия, собственности, церкви и вегетарианства, мы отвечали полным согласием. Лев Николаевич коснулся вопроса о Петре Васильевиче и мы вкратце ему сказали, что он уже седьмой год находится в ссылке: сначала был поселен в Шенкурске, прожил там три года и был переведен в Колу. Там пробыл два года, оттуда он прибыл в Архангельск; предполагая, что назначенный срок окончил и будет освобожден выехать на родину. Но здесь, в Архангельске губернатор ему объявил, что министерство его задерживает здесь еще на пять лет. И опять Петр Васильевич пожелал поселиться в Шенкурске, отбыть там назначенный срок, и теперь снова пребывание его в Шенкурске нашли опасным, пересылают его на житье в Сибирь. Поговорили с ними часа полтора. Они передали нам книгу: «Царство Божие внутри вас», сочинение Льва Николаевича Толстого, распрощались и ушли. На завтрешний день 9-го числа был назначен отход этапа на Тулу, в котором следовал и Петр Васильевич. К этому времени, как был назначен отход этапа, в девять часов вечера приходил и Лев Николаевич на вокзал, думал, может придется увидеть его лично, хоть издали и сказать хоть слово. Но когда прошло девять часов, мы узнали, что этап будет отходить в одиннадцать часов и поэтому Лев Николаевич порешил идти домой, передал мне ящик, принесенный с собой для Петра Васильевича, мы распрощались с ним и он ушел.

Поезд с этапом вышел из Москвы в одиннадцать часов ночи, на нем и мы все трое выехали до Тулы. Петр Васильевич пробыл там в тюрьме четыре дня, а потом выехал в Рязанскую губ., где мы окончательно распрощались с Петром Васильевичем и Об'едковым. Ихний поезд отошел в Сибирь, а наш в Закавказье, на родину. Это было 15-го числа.

Об'едков следовал за этапом вплоть до Обдорска вольно. В Обдорск прибыли благополучно. Путь продолжался шесть

месяцев и там, проживя вместе в Обдорске два месяца, Петр Васильевич порешил возвратить Об'едкова на родину, к его родным. Сам же остался один и все время своего нахождения в Обдорске жил один, имел небольшую квартиру, смотря по времени, занимался работой. У него был столярный верстак, который он сам же сделал, был необходимый инструмент. Он делал отделки для домов, делал двери, рамы и тому подобное. Занимался кладением печей, а во время лета собирались три или четыре человека в компанию, косили сено и ставили стога, с чего выручали хорошие деньги. Он имел у себя лодку, на которой часто гуляли с компанией, близкими друзьями по реке. Название лодки: «Свободная яхта».

Родным и всем братьям и сестрам хотя редко, но все таки писал письма. Все письма его, а также и к нему контролировались правительством, потому он писал всегда коротко, извещал только о своем здоровье и благополучии. И такое извещение все таки много поддерживало его родных, в особенности отца и мать, которые сильно сожалели о нем. Если при проверке писем правительство находило что - нибудь подозрительное, то направляло их в министерство. Петр Васильевич, зная это, иногда писал письма большого содержания, порицал и обличал правительство, где это было уместно и отпирал, зная, что они должны дойти и до министра. За это ему ничего не было, только местная администрация относилась к нему вежливей, имея ввиду, что он и на них может все написать, никого не стесняясь. На этом я пока и останавливаюсь. Петр Васильевич остается до назначенного срока в Обдорске.

Старичков за непринятие присяги также выслали из Шенкурска. Махортова и Лежебокова в город Мезень, Рыбина в Олонек, где он в скором времени и скончался. Цибульский по болезни оставался в Шенкурской больнице, и когда выздоровел, то его сын, приехавший из Закавказья Ахалкалакского уезда, взял его уже на родину, в село Богдановку.

ГЛАВА XIII.

Исполнение поручения. Письмо Василия Васильевича к Духоборцам. Отказ Духоборцев от военной службы. Заключение в тюрьму Василия В. и Верещагина.

Василий Григорьевич Верещагин и брат Василий Васильевич возвратились из поездки домой благополучно, слава Богу. Все Духоборцы их с нетерпением ожидали. Когда прибыли, были большие с'езды и собрания, где они говорили подробно о своей поездке, говорили о здравии и благополучии Петра Васильевича, подробно объясняли за что его переводят на такое большое расстояние и в такое захолустное место, как Обдорск. Конечно, такой перевод, в котором было много страданий, всех печалил, но дело и жизнь поступала совсем в иную форму. Передавали от Петра Васильевича привет и благопожелания, а также не стесняясь говорили какой он совет предлагал к жизни всем Духоборцам, относительно сожжения оружия и отказа от военной службы и тому подобное. Чрез некоторое время они поехали в Елизаветпольскую губ. в Славянку и другие села. Там также со всеми повиделись и передали все то, что было нужно.

Оттуда поехали в Ахалкалакский уезд, где жило большинство Духоборцев. Там также они по всем селам проехали благополучно и что нужно было, обо всем переговорили. Но за ними уже по пятам следовала полиция, и дай они немного оплошность, их там уже могли бы арестовать и посадить в тюрьму. Но они от этого благополучно отделались, памятуя слова Христа: будьте мудры, яко змеи, целы будете яко го-

луби; благополучно возвратились домой, т. е. в село Терпение, Карской области. Узнав, что они передавали советы Петра Васильевича, полиция там затревожилась. Алексей Воробьев, считавшийся до этого близким другом, даже братом Петра Васильевича: название братьями они получили от покойной Лукерьи Васильевны — он то теперь с небольшой частью Духоборцев из за страха наказания от правительства усумнился. Эта часть Духоборцев, во главе которой он стоял, не приняла совет Петра Васильевича. Они не оставили употребление мяса, не участвовали в сожжении оружия и в отказе от военной службы. Не приняли участия в этом и ладно бы, но они не оставались в покое, стали доносить правительству, что такие то раз'езжают по селам и делают в народе разного рода смуты. Истинны слова Христа, которые сбываются и в наше время. Он сказал: кто не со мной, тот против меня. Но пусть это остается пред ними, а мы будем делать Божие дело. Из дома Верещагин и брат Василий попросили родных, чтобы они поехали к находящимся на службе в солдатах, повиделись и предложили бы им совет Петра Васильевича. Брат Василий передал с ними письмо для них лично, где раз'яснена суть дела. Это письмо было озаглавлено так, я его помещаю здесь дословно.

«Возлюбленный братец в Господе Иисусе Христе, желаю побеседовать с тобою, дорогой братец, в чем заключается моя вера. Исповедаю закон Господа моего Иисуса Христа и понимаю в нем не внешне, а внутренно. Когда мы живем в воле Отца, Господа Бога нашего, то и Господь живет в нас, оживотворяя нас, просвещает лучезарным светом разум наш. Желаяющие исполнять волю Отца Небесного, должны покорить сердца свои под власть Господа. Господь глаголет нам: вы куплены дорогою ценою, не делайтесь рабами человеков. Познайте истину и истина освободит вас.

Принимаясь за это великое дело, мы вполне должны сознать, что наша искренность может быть подвергнута жестоким испытаниям. Эта задача наша может навлечь на нас оскорбления, обиды, страдания, даже смерть. Нас ожидает непонимание, ложное толкование, клевета. Против нас должна

подняться буря: гордость, фарисейство, честолюбие, жестокие правители, власти — все это может соединиться, чтобы уничтожить нас. Таким образом поступили с нашим Господом Богом, Иисусом Христом, которому мы стремимся подражать, по мере сил своих. Но нас не должны пугать эти ужасы. Мы надеемся не на людей, а на всемогущего Господа. Если мы откажемся от человеческого заступничества, что же может поддержать нас, как не одна вера, побеждающая весь мир? Мы не будем удивляться тем испытаниям, которым мы подвергнуты, будем радоваться тому, что удостоились разделить страдания Господа нашего Иисуса Христа. Вследствие всего этого мы передаем души свои Богу и верим тому, что сказано, что тот, кто оставит дом свой, братьев и сестер, отца или мать, или детей, или нажитие свое ради Господа, тот получит во сто раз больше и во царствии Небесном наследует жизнь вечную. Итак, твердо веруя, не смотря на все то, что может вооружиться против нас, в несомненное торжество правды, мы надеемся на разум и совесть человечества, а более всего на силу Божию, которой должны вручить себя. Христианину обещаться в повиновении людям или законам людским, все равно как нанявшийся к хозяину работник, обещался бы вместе с тем исполнять все, то, что ему прикажут еще и чужие люди. Нельзя служить двум господам. Христианин освобождается от человеческой власти тем, что признает над собою одну власть Бога и закон, который ему открыт Господом Иисусом Христом. Он сознает его в самом себе и подчиняется только ему. Жизнь человеческая заключается в том, чтобы творить не свою волю, а волю Бога. Христианин может быть подвергнут внешнему насилию и может быть лишен телесной свободы и вместе с тем может быть свободен от своих страстей. Делаящий грех, есть раб греха. Христианин смирен и кроток, ни с кем не спорит, ни на кого не нападает, ни против кого не употребляет насилия, а напротив того, сам непрекословно переносит насилие и тем побеждает зло».

Василий Васильевич Веригин.

Они поехали, повиделись и так сделали свое дело аккуратно, что желающим отказаться от военной службы был на-

значен даже день, как я пояснил выше: если они серьезно подумают и придут в такое сознание, то они это должны сделать на первый день Пасхи, хоть не все, но начин должен быть именно тогда, в этот день, когда командир роты приходит и поздравляет своих солдат с великим в мире праздником, говоря: «Христос Воскресе». Солдаты должны ответить: «Во истинных людях Христос Воскрес» и в подтверждение этого, кому положит Бог на сердце, сказать командиру, что я на деле поверовал во Христа и буду ему служить, а ваш весь насильственный строй отвергаю и поэтому прошу вас принять от меня как ружье, так и все ваши ненужные для меня принадлежности, которые противоречат моей совести и духовному чувству души.

Это первый сделал Тимофей Васильевич Лебедев, такой действительно смелый поступок которого в один миг облетел весь полк и все заговорили: что с ним? Одни говорили: он с ума сошел; другие говорили с осторожностью, что он прав в своем поступке. Его ужасно били, мучили, арестовали и посадили в карцер, не давая никакой пищи, кроме хлеба и воды. Затем стало повторяться, и другие стали делать то же и в скором времени все Духоборцы во всех трех губерниях находящиеся в строю, сдали ружья и все солдатские принадлежности. Всех их арестовали, били, всячески мучили и держали под строгим наблюдением от других солдат. Но ничего не помогало. И потом всех их отправили в дисциплинарный батальон, Екатериноградскую крепость, для более жестоких наказаний. Всех их было тридцать три человека.

Когда вышеупомянутые братья сдали оружие и все принадлежности правительству, оно тем не удовлетворилось, а стало дознавать и отыскивать, почему и от кого это произошло, и хотя в смутном брожении, но все таки пало это на Василия Григорьевича Верещагина, брата Василия, и почему то на меня.

10-го июля 1895 год мы все трое были потребованы жандармским офицером Астафьевым и товарищем прокурора Степановым на станцию Аргено. Сами же выше упомянутые личности по другой дороге выехали к нам в село с чапарами, т. е.

всадниками и стали в наших домах производить тщательный обыск. Ничего там не нашли подозрительного, возвратились и приступили к допросу нас. И так как прямых улик на нас не было для того, чтобы они могли нас арестовать и посадить в тюрьму, то стали спрашивать о наших убеждениях, и как мы признаем государя и все существующие власти. Мы, не стесняясь, отвечали им о своих убеждениях; государя признаем за государя, власти за власти, но подчиняться ихнему требованию, если что будет против закона Божьего ни в каком смысле мы не можем. Мы глубоко верим в Господа Иисуса Христа, пришедшего в мир и искупившего грех прародителей и впредь он дал всему роду человеческому заповедь и положил завет не согрешать и не беззаконствовать. Основа его учения состоит в том, во первых, возлюбить Бога своего всем сердцем своим, всею душою своею и всем разумением своим. Во вторых, возлюбить ближнего своего как самого себя. На этом основан весь закон и пророки. Еще от Матфея в Евангелии сказано в 5-й главе, 38-м стихе: «Говорит Христос народу: вы слышали, что в древнем законе сказано: око за око и зуб за зуб, а я говорю вам: не противьтесь злему, но кто тебя ударит в правую щеку, обрати к нему и левую и кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. А также в Моисеевом законе 6-я заповедь говорит: «не убий». И мы на основании всего этого не только убивать человека, но мы должны даже, по сказанию Христа, любить своих врагов. И таковые слова Господа нашего Иисуса Христа, которые он осуществил на деле будучи сыном Божиим, но был гоним и судим, претерпел всякого рода гонения, страдания и крестную смерть. Он оставил таковой пример последователям своим, которых также мучили и сейчас мучают. Итак верующие в него, должны принять и учение его, т. е. осуществлять его в жизни на деле, а без дела одна вера сама по себе мертва есть. Дела же от нас требуются: быть смиренными, кроткими и любовными не только к человеку, но и ко всему существующему на земном шаре, быть сострадательными и не отомщать за зло злом, но побеждать зло добром».

Из этих высказанных нами слов, жандармский офицер и товарищ прокурора поняли, что мы как бы уже не принадле-

жим к ним и говорят: «Значит, вы не будете подчиняться законам государя?». — «Да, ежели уставы государя сопряжены с убийством и насилием, то ни в каком случае участвовать в них мы не можем». После этого сейчас же составили на нас протокол и объявили нам, что «вы теперь уже арестованы и завтра будете отправлены в Карскую тюрьму Карадах». Брат Василий обратился к ним с таковыми словами: «Так как у нас родители престарелые, жены не могут управлять хозяйством, а дети очень малы, нельзя ли будет освободить меньшего брата впредь до особого распоряжения, чтобы он мог присматривать старых родителей и малых детей. Они на это согласились, только с поручительством в 500 рублей. Тут же поручился за меня Иван Иванович Усачев и утром меня освободили. Я поехал домой, а брата и Верещагина в этот же день отправили в Карск под строгим конвоем и заключили в тюрьму Карадах в одиночное заключение. Об них было донесено главноначальствующему Шереметьеву, который наложил резолюцию: обоих их предать военно - полевому суду, чтобы этим устроить и остальных, в доказательство чего и привожу выдержки из писем Трегубова и брата Василия. «Одно время разнесся слух, что некоторых Духоборцев хотят приговорить к смертной казни через повешение или расстрел. Об этом было сообщено и Духоборцам, их друзьями. Они ответили на это следующим, полным достоинства письмом, из которого мы приведем здесь выдержку». «Сегодня мы получили письмо от Ивана Михайлова Трегубова, в котором он приветствует нас братским пожеланием и поклоном, спаси его Господи. Он пишет, что нас с Верещагиным якобы приговорили к повешению; пишет, что он с Владимиром Григорьевичем Чертковым написали главно - начальствующему Кавказа, Шереметьеву о помиловании нас. Я не знаю, откуда до них такой слух дошел, мы этого пока не слышим, может и на самом деле так замышляют против нас, такое зло. Это дело их, наше дело — выполнять дела Господа, даровавшего нам жизнь и свет; за это мы, конечно, благодарны братьям, что они от избытка любви в сердце своем о нас заботятся. Спаси их, Господи, но по нашему разумению это для христианина есть несвойственно усугублять волю свою пред человеками и просить поми-

лования» (Из письма Василия Веригина к Дмитрию Александровичу Хилкову).

Кроме Трегубова и Чертова об этом писал Шереметьеву Георгий Александрович Дадияни, который раньше этого был адъютантом при Шереметьеве, но впоследствии все чины и заслуги сдал по принадлежности и стал христианином.

Георгий Александрович, потомственный князь из рода Грузин, год тому назад был адъютантом при Шереметьеве, с ним брат Василий Васильевич был уже лично знаком. Георгий Александрович был толстолиц. И когда эта резолюция дошла до сведения его, то он сейчас же написал письмо Шереметьеву, в котором говорил так: «До меня дошло ужасное известие, что вы наложили резолюцию на Верещагина и Веригина предать их обоих военно полевому суду, дело остается только за вашей подписью. Как это ужасно. Как это безнравственно. Как это низко. Разве эти времена не прошли. Мы переживаем 20-й век от рождения и ужасной смерти великого учителя истины Иисуса Христа, желавшего всему человечеству братской мирной жизни, посредством чего водворилось бы царствие Божие на земле, как и на небе. И вы за это святое учение решаетесь публично расстрелять этих невинных пред вами людей. Тем более, что вы и сами верите в это учение, вы считаетесь христианином. Вы думаете таким жестоким поступком как пролитием крови невинных людей, вы устрасите людей, исполняющих волю Божию, выраженную Иисусом Христом, за которую он пал жертвой и это завещал последователям своим. И может вы думаете таким путем устрасить этих двух борцов за истину. Говорю вам как другу прошлого времени — (ныне я стою в рядах Христа) — вы этим только наложите пятно невинной крови не только на себя, но и на всю страну русского народа. Большая часть этого народа так или иначе верит во Христа, а вы этих людей умертвите за Христа. Что же касается Верещагина и Веригина, то как я лично знаю Василия Васильевича, они вам не уступят и с радостью пойдут на вашу Резолюцию. А остальные духоборцы, которые уже приняли дух Христа, не только устрасятся, но даже больше одухотворятся. Потому что этих людей, которых вы казните, они причтут к святым. И действительно эти люди заслужива-

ют этого имени, потому что умирают за учение Христа и за общее братское всенародное дело. И сами пойдут на вашу резолюцию.

Так писал Георгий Александрович Дадияни, с подлинным верно. Конечно, таковые люди имеют большую силу в деле Божием, может это и послужило к спасению, и их оставили не казненными.

ГЛАВА XIV.

Сожжение оружия в трех губерниях и сдача запасных билетов

Для сожжения оружия, как уже известно читателю, день был назначен Петра и Пвла, 29-го июня 1895 года. В этот день во всех трех губерниях Духоборцы, желающие исполнить совет Петра Васильевича, должны были предать все свое оружие огню. Об этом дне всем Духоборцам не было известно, где оно будет сжигаться и в какой день, а лишь бы они толковали и серьезно решали, а тогда известят их. Знали об этом дне только не более двух - трех человек надежных в каждом селе. Это делалось так потому, чтобы правительство прежде времени об этом не узнало бы, а то, если оно узнало бы, то положило бы все меры не допустить до этого, хотя это оружие и не принадлежало ему, но оно хорошо знает, что этим подрывается их власть.

День сожжения оружия приближался и Духоборцы, даже каждый в отдельности, решал серьезно свою судьбу, как он должен поступить. Когда настал этот вечер, всем было объявлено: кто желает сжечь свое оружие, должны все сносить в одно указанное место. Но где оно будет сжигаться, опять никто не знал, кроме трех - четырех человек, которые ранее уже заготовили дрова, уголь и керосин. Заготовка происходила на глазах всех людей, но никто об этом не удумливал. Когда по селам снесли все оружие, его наложили на фургоны и немедленно отправили на то место, где оно должно было сжигаться. И все это делалось одновременно и успешно, дорожа временем, чтобы правительство не узнало и не помешало та-

кому великому делу. Находясь на свободе, я также участвовал в этом. Вдруг со всех сел представили дрова, уголь, керосин и все оружие. Сначала началась кладка дров, затем фургона два угля, смочили керосином и стали укладывать ружья, револьверы, сабли, кинжалы, одним словом все то, что у кого было. Все это делалось под управлением известного по христианской жизни старичка Ивана Ивановича Усачова, которому тогда было 65 лет. Сначала положили, как фундамент, ружье Петра Васильевича, которое он прислал из Шенкурска, собственно для этой цели, стоимостью 250 рублей, центрального боя. И к двенадцати часам ночи все было управлено и еще облито керосином. Керосину было тридцать пудов. Эта кладка представляла из себя большое здание в высоту и ширину и, когда пробил двенадцатый час ночи, вышеупомянутый Иван Иванович Усачев зажег факел и поджег этот громадный, как большое здание, костер из оружия, выдуманного злом для уничтожения людей. Как вспыхнул этот костер, — какое было ужасное и вместе с тем радостное зрелище! Он был устроен на верху большой горы, находящейся близ реки Карсины, откуда на большое расстояние было видно. Когда костер совсем разгорелся, то многие из окрестных аулов мусульман и армян, видя такое зарево, ужасались, и поутру многие приходили посмотреть, что здесь происходило. И увидели большую кучу сильного жару и расплавленное железо. В этот день там было устроено большое собрание, из всех сел много было братьев и сестер, которые после сожжения оружия, после двенадцати часов ночи, стали на молитву при чтении и пении псалмов, что продолжалось до двенадцати часов дня. После этого много разговаривали и беседовали по этому делу. Духоборцы на самом деле в своем понимании совсем теперь переходили в новую Христову жизнь. До этого времени они отчасти защищались от дикого туземного населения и с этой целью приобретали оружие. Теперь же все это оружие предали огню и из него образовался один пепел и слиток железа. Теперь Духоборцы решили искать спасения и защиты у более могущественного существа, т. е. все надежды свои возлагать на Бога. Конечно, надежда на такое спасение основательнее, только тогда нужно и жить согласно воле Бо-

га. Беседа такая продолжалась до вечера, потом распростились и разошлись все по селам в веселом настроении Божественного Духа.

Тем и закончилось сожжение оружия в Карской области.

В скором времени после этого началась сдача запасных солдатских билетов. В сдаче этих билетов также ничего особенного не произошло, а все делалось с Божьей помощью без всякого шума. Это выходило так потому, что участковый пристав, который нами заведовал, по фамилии Байраков, был хорошей души человек. Память о нем должна оставаться среди нас на долгое время. Пошли ему, Боже, всех благ в жизни, на долгие лета за его примерный и человеческий поступок в то время. Сдатчики билетов к нему, как к ближайшему правителю обращались, сдавая свои билеты. Билеты он принимал без всякого шума или оскорбления, записывал все имена и фамилии и отпускал домой, а билеты отправлял в Карс в воинское управление. С первыми, сдававшими ему билеты, он много говорил, спрашивал почему и для чего они это делают. Ему объясняли, что основываются на учении Христа. Потом он говорил: «Вы можете идти домой. Билеты ваши я отправлю по принадлежности. А вам, как порешат, так пусть и будет. Я же не вправе вас осуждать или наказывать за такой благородный поступок. Если вы искренно так сознаете, то и слава Богу».

Этот Байраков был очень хороший человек, какого в то время было трудно встретить среди полиции. Я привожу здесь один его поступок, который заслуживает внимания. В то время, как и всегда, Духоборцы нисколько не боялись тюрем, страданий и ссылки и все, каких арестовывали, шли на это с радостью, с веселым настроением духа, как на пир, приглашенные Христом. Один братец из нашей среды не подлежал к отбытию воинской повинности и у него не было билета, что бы сдавать его, за что, конечно, сажали в тюрьмы, но ему жалелось страдания и он хотел, чтобы его непременно посадили в тюрьму. Однажды он приходит к этому Байракову и заявляет: «барин, я не хочу признавать государя и все его власти и не буду подчиняться им». Он все это выслушал и спрашивает: «А еще что больше?». — «Ничего». — «Ну иди

себе с Богом домой». Он уходит в надежде, что его чрез неделю будут требовать в тюрьму, как это делали за сдачу билетов. Проходит неделя, другая, — его не требуют. Он снова является. Теперь он уже знакомый Байракову и он спрашивает: «Ты зачем опять пришел?». — «Да я пришел, барин, заявить вам, что я не буду подчиняться государю и властям его». — «Да ведь ты уже заявлял об этом мне», рассмеялся и снова его отправил домой, предупреждая, чтобы он жил спокойно. И тем все его страдания закончились, в тюрьму он так и не попал. Это был Семен Черненков. Всех, которые сдали билеты, арестовали и заключили в карскую тюрьму, до особого распоряжения.

В Елизаветпольской губернии в селе Славянке, сожжение оружия и сдача билетов происходили совсем в другой форме, потому что там, кроме ожесточенного правительства, много было предателей со стороны бывших ранее своих братьев; как три брата Котельниковых и другие, которые немилосердно всячески клеветали правительству и чем оно жесточай поступало, тем больше их это удовлетворяло и приводило в известную сатанинскую радость.

Когда приближался день сожжения оружия, эти нехорошие люди знали уже, что на такое то число что - то должно произойти, но что именно, не знали. Поэтому донесли правительству. И из Елизаветполя к этому времени прибыли в Славянку жандармский полковник Суратов, товарищ прокурора Стрелков и местный пристав с несколькими десятками казаков и чапар.

В Славянке место сожжения оружия было назначено версты за две от села. Там в роще есть насаженные издавна фруктовые деревья. Роща эта была хорошо обгорожена и наблюдалась Духоборцами в порядке. Туда в летнее время часто выезжали все Духоборцы, совершали там божественную литургию и делали обеды, так что эта роща была как священная роща. Возле этой то рощи, саженой в двести в сторону и был сооружен этот костер. Все это делалось тихо и аккуратно, не смотря на то, что были поставлены и сторожа для того, чтобы скорее донести правительству, если что случится. Мимо этих сторожей везли на фургонах дрова, уголья,

керосин и оружие и они никто на это не обращали внимания. Когда все было готово, также в двенадцать часов ночи, костер был зажжен. Сразу вспыхнуло огромное пламя, которое стало видать в Славянке. Там всполошилось вышеупомянутое правительство. И со всадниками и этими недобросовестными людьми стремглав поехали на место этого освещения. По пути туда шло много народу, братьев и сестер для божественной литургии. Жандармский офицер и товарищ прокурора останавливали их с тем, чтобы они воротились обратно в свои дома. На это никто не обращал внимания, продолжали идти. С пути было арестовано три человека: Федор Голубов, Иван Аниютушкин и Федор Веригин, отправлены с чапарами в Славянку и посажены в холодную. Когда прибыли на место сожжения оружия, Суратов и Стрелков стали в недоумении, что им нужно делать. При них было 50 человек чапар, кроме того им усердно прислуживали выше упомянутые Котельниковы и сторонники их. Несколько человек было послано в Славянку за кочергами, чтобы растаскивать оружие. Но все это было напрасно. Костер так разгорелся, саженой на 50 охраняя сам себя, не пуская никакого вмешательства в свою жертву, поглощая все сам. Правительство огорчилось, что не успело спасти ненужное никому оружие и стало вымещать накопившееся зло в более жестокой форме. Стало производить большие аресты и страшно било арестованных. Многие оставались без чувств, их отливали и приводили в чувство холодной водой. Участвовали в таком безчеловечном поступке сам Суратов, Стрелков, пристав и был еще негодный правительственный старшина Скляр, который больше всех метался как сумасшедший зверь, думая этим все дело поправить. Но чем более жестоко они поступали, тем сторонники справедливости более и более пылко приступали к этому святому делу и стали сдавать запасные билеты. Это их еще больше стало рвать, как подлитый керосин в огонь и все они, подобно разъяренным зверям, приступили со зла даже к кулачному бою. Сам жандармский прокурор лично бил людей, выказывая и охраняя свое безчеловечное достоинство. Были арестованы и старички, 23 человека, хотя они не принадлежали к отбыванию воинской повинности. Их арестовали по указанию противопо-

ложной стороны, как подстрекателей этого движения. В числе их были четыре брата Веригиных: Иван, Федор, Лукьян и Прокофий. Затем Михайло Петрович Попов, Николай Потапьевич Малов, Василий Никифорович Щербаков, Василий Михайлович Конкин, два брата Федор и Василий Ивановичи Голубовы, два брата Василий и Арефий Ивановичи Ареховы (Веригины), Петр Федорович Дымовский, Николай Тимофеевич Чернов, Василий Федорович Семенов, Михаил Алексеевич Шишкин и Василий Ник. Зыбин. Из села Троицкого: Осип Федорович Новокшенов, два брата Николай и Иван Дергоусовы, Ларион Федорович Терехов. Из села Горелова: Николай Тимофеевич Гончаров. Из села Спаского: Федор Салыкин. Человек 80 молодых было арестовано за сдачу билетов. Всех их отправили в Елизаветпольскую тюрьму.

Так закончилось сожжение оружия и сдача запасных билетов. Кроме Славянски в этом участвовало три села: Троицкое, Горелое и Новоспасское.

ГЛАВА XV.

Сожжение оружия в Ахалкалакском уезде и зверская расправа правительства.

Теперь перейду к описанию Духоборцев, живших в Ахалкалакском уезде Тифлисской губ.

Когда они собирались на сожжение оружия, предательская сторона, Горельцы, зная за собой вину захвата Сиротского Дома и всего капитала, пала в подозрение, что большая половина Духоборцев собирается с оружием в руках, силою отобрать у них Сиротский Дом, а их всех выгнать. Об этом донесли губернатору Накашидзе в Тифлис и просили немедленной защиты. Губернатор принял это за правду, телеграммой вызвал из Кагымсана, уездного города Карской области, две сотни казаков, а также из Александрополя вызвал две роты солдат и сам выехал в село Горелое. Казаки и солдаты успели прибыть ко времени и в эту ночь оцепили все Горелое строгим караулом, с часу на час ожидая нашествия.

Это все послужило к лучшему. Духоборцы спокойно делали свое дело, им никто в этом не мешал. Все оружие вывезли к «Пещерам» и, когда все было приготовлено, также в 12 часов ночи, зажгли костер.

У Духоборцев был принят обычай в этот день Петра и Павла собираться к этим «Пещерам». Здесь совершали Божественную литургию и праздновали. Теперь также изо всех сел собрались братья и сестры. Народу было около двух тысяч человек.

Когда Горельцы увидели разгорающийся костер, они

пришли в недоумение и решили узнать, что там происходит. Когда узнали, что там сжигают оружие, они, чтобы не оказаться лгунами в требовании губернатора и войск, стали также с умыслом лгать губернатору, что друзья Веригина, будто бы, видя свою немощь и бессилие против войска, убоялись этого и со злости сожгли свое оружие, а не будь бы войска, они бы всех нас перебили бы. Губернатор и этому верит. Посылает казаков с приказанием, чтобы явились к нему в Горелое домохозяева из каждого села. Большинство домохозяев было в «Пещерах». Туда также приехали казаки с приказом. Но им объяснили: когда окончим литургию пред Богом, тогда сейчас же и пойдем к губернатору. Такой простой и справедливый ответ взорвал губернатора и он, как имеющий власть, не смотря, что люди находятся при молитве к Богу, немедленно посылает обе сотни казаков под предводительством сотенного, фамилия Прага, и велит, чтобы всех гнали плетьюми, не разбирая муштин и женщин. Прага и все казаки, пользуясь таким жестоким зверским приказанием, стремглав полетели к «Пещерам», до которых было около пяти верст. Не доезжая до народа сажень двести, остановились, сделали передышку лошадям и после трубач подал сигнал к наступлению. Все казаки набросились на это собрание, которое стояло со смирением на литургии, при чтении и пении псалмов. Желая разбить собрание на части, казаки делали сильный натиск. Но собрание так сплотилось, что ничего не могли сделать. Прага отдал приказ подать сигнал к отбою и, когда был подан сигнал, все казаки снова отъехали сажень на сто и потом снова был подан сигнал к наступлению. Казаки пришли в неописанную ярость, били лошадей, чтобы они прямо бросались в народ, но животные, наверно, были умнее всадников; добежав до народу, взвивались на дыбы и не шли в народ. После такой неудачи, все казаки приступили к нагайкам, т. е. плетям и немилосердно били, где попало и кого попало, не разбирая мужчин и женщин. Кровь лилась почти из всех и в таком виде все двухтысячное собрание погнало к губернатору. По пути казаки издевались над женщинами: с разбежки на лошади подбежит, схватит за волосы и тащит несколько сажень. На головах у женщин были шелковые платки; многие казаки

схватывали их и совали себе в карманы, как это бывает на поле битвы с неприятелем. Тем более они это делали, что этот неприятель оказался таким бессильным, что даже и не защищался от нападающих. При таком обстоятельстве они и вздумали выказать всю храбрость русского воина и гнали их так до села Богдановки. Завидели казаки, что едет губернатор, остановили народ и стали отдавать приказы, чтобы все муштинны скидали шапки. На это им отвечали: «пока нет никого, для чего же скидать шапки?». Казаки настаивали на своем и били плетьюми. Здесь одного старичка смяли лошаадьми и поломали три ребра. Из села Богдановки также вышли люди для встречи губернатора и стояли отдельно. Эта партия, так называемая Воробьевская, которая не участвовала в сожжении оружия и, следовательно, выделяла себя, чтобы не пострадать в общем со всеми. Губернатор прежде всего обратился к ним. Потом обращается к нам и говорит: «А вы как живете?». Ответ был: «Как видите». Снова губернатор говорит: «Вы будете подчиняться правительству, как подчиняются все народы и вот эта, воробьевская партия?» — «За что? За то, что отобрали все имущество, капитал, Сиротский Дом, и сослали безвинно нескольких наших братьев в суровую Сибирь, без всякого суда?». И тут же, в знак неповиновения несколько человек из молодых, подают ему запасные билеты. Губернатор принял, наверно предполагал, что это будет просьба, развернул. Увидев, что это запасные билеты, бросил их с ожесточением на землю. Еще подошли человек пять с билетами, которых он уже не принял и они бросили их ему под ноги. Губернатор разгорячился, велел дать тревогу. Казакам был подан сигнал зарядить ружья и стрелять. Казаки готовились исполнить такое приказание и оставался только момент сказать: «Пли!», чтобы они стали стрелять.

При таком незаконном действии губернатора был правительственный старшина, князь Коспинский. Видя несправедливость губернатора, которую он выказывает в горячности, забывая о всех законах, он обнажил саблю, поднял ее кверху и во всеуслышание закричал: «Нет таких законов, чтобы стрелять в этих людей, которые не заслуживают этого!». Тогда было остановлено это приказание и губернатор, садясь в ко-

ляску, подозвал сотенного Прагу и говорит: «Я поручаю тебе, ты будь хозяином в этих селах, в особенности в Богдановке. Можешь делать по своему усмотрению все, что найдешь необходимым, чтобы подчинить себе всех Духоборцев». Он забыл, что и ему они не подчинились. «При встрече, говорит губернатор, чтобы скидывали шапки и низко кланялись. Кто окажет в этом противление, то наказывай, как знаешь».

И не успел еще губернатор от'ехать, как Прага уже торжественно объявляет все, что губернатор ему поручил. И тут же снова началась зверская расправа из за нескидывания шапок и из за непоклонения. Конечно, такое нахальство со стороны Праги было не уместно и люди этому не подчинялись и отстаивали свое достоинство, не смотря ни на какую порку. Правда, такое упорство нам со стороны кажется не уместно: отчего бы не скинуть шапки и не поклониться — этим ведь и выказывается человечество; но ведь это пред человечеством. А если человек обратился в зверя и нахально требует такого незаслуженного подчинения, было бы нехорошо со стороны разумеющих выполнять все прихоти и капризы сумасшедшего человека и хорошо делали люди, которые отстаивали свое достоинство. О таких людях будет переходить добрая память из поколения в поколение. Прага по своему жестокосердию, сумасшествию много делал безобразия, ужасу подобных поступков, многих он бил за непоклонение до безчувствия. В одну ночь он даже осмелился, по указанию Воробьевской партии произвести насильственную экзекуцию над женщинами и девушками. Такой недобросовестный поступок со стороны его — верх всякого сумасшествия и он может принадлежать только дикому жестокому зверю, а не человеку. Резал скот и вполне производил надо всеми военную экзекуцию.

ГЛАВА XVI.

Раззорение всего хозяйства и имущества и расселение по туземному населению.

Губернатор, наверно с общего согласия с главнокомандующим, порешили разослать всех, не подчинившихся правительству, по туземным населениям и назначили самые плохие места, по климату жаркие. Был прислан приказ от губернатора, чтобы немедленно все выезжали. В указе было распределено на партии. Первая партия из каждого села по пяти домов, должна сейчас же выехать с семьями. Вторая — таким же порядком должна выезжать через три дня после первой, и так до последней. Дома продавать воспрещалось. Остальное нажитие: лошади, скот, баранта, фургоны и все также отдать было некуда. Многие из окрестных жителей желали бы купить, но казаки не допускали их. Не знаем, виновато ли в этом правительство, или это была коварная цель остававшихся братьев, которые, руководясь наживой, чтобы все это досталось им, наверно попросили казаков не допускать посторонних покупателей. Они же сами если и покупали что, то за самую ничтожную цену. Например лошадь, стоящую 100 рублей, брали за 50 и того меньше, так и остальное, а многое осталось без всякой цены. Они не брали, потому что знали, что оно и так должно попасть в их руки. И действительно, когда выслали, там сейчас же находился хозяин всему оставшемуся. Тем, которых выселяли, пришлось только взять на семью один фургон с четвериком лошадей, на нем помещались люди и платья. Многое же оставалось, хотя и было жалко, потому

что все это приобреталось десятками лет и с большим трудом. Но делать было нечего, все осталось. В указе ничего не говорилось, куда их отправляют, далеко или близко и они тронулись в путь, сами не зная куда. С ними были провожатые от правительства, которые препровождали их до назначенного правительством места. Их поселили по грузинам и иммеритинам, по пяти домов в каждый аул. Уезды назначили самые жаркие: Горийский, Тиганетский и Душетский, где они, по несвычке к такому жаркому климату, стали болеть лихорадкой и много их умерло. Там были случаи, что из десяти душ семьи, оставался только один человек, а остальные все умирали.

Так закончилось сожжение оружия в Ахалкалакском уезде Тифлисской губ. Вот при таком то распадении ихнего материального богатства и при таком то их страдании посыпались на них укоризненные упреки не только со стороны Горельцев, так называемых Халдеев, но и со стороны Воробьевской партии, которые недавно с ними действовали заодно. Теперь же они стали говорить, будто бы жалея своих страдающих братьев: «Вот вас все это к чему довело, к полному разбору и как вы после всего этого думаете жить, ведь это же недалеко и до смерти, тогда как все люди, окружающие нас, живут мирно и покойно, наслаждаются жизнью, подчиняются правительству во всем, а вы вздумали итти против правительства такой небольшой численностью, ведь это же как капля в море, и подумайте, что же вы этой каплей сделаете, только навлекете сами на себя разорение. Ведь это все советует вам Веригин, ему там хорошо излагать такие советы, а ведь тут все нужно это переносить». Так говорили и упрекали оставшиеся братья и сестры на старых местах, на Холодном.

Преподавая такие добровольные братские советы, Петр Васильевич зная, что, если люди примут их, то с ними должно совершиться все то, что выше описано. Он предполагал даже, что за отказ от военной службы, не только подвергнут такому наказанию, но могут человек двадцать повесить или расстрелять военно - полевым судом, — для сохранения узаконенного порядка и страха для других.

Но, если Духоборцы веруют во Христа и желают быть христианами, то это не должно их смущать и страшить, это будет лучшее дело их, если даже и будут такие жертвы, а оставаться в таком положении и жить, как они жили, — это будет худшая участь для них и потомков их. Христос об этом говорит так: «кто погубит жизнь свою ради меня, тот обретет ее, а кто сохранит жизнь свою, тот погубит ее». На основании этого Петр Васильевич преподавал такие советы. И действительно Духоборцы за последнее время в своей жизни в некоторых случаях удалились от Христа и его учения. И следовательно, если должен быть возврат к христовой божественной жизни, то должны быть и жертвы, потому Духоборцы сами и заслуживают их и сами должны отвечать за это. И неужели уместно бы было думать, чтобы чьи то со стороны жертвы пали, или бы снова пришел Христос, как это было девятнадцать веков тому назад и взял бы все грехи наши на себя. Это было бы недобросовестно со стороны людей и каждое, особенно великое дело, делается один раз и все человечество должно быть благодарно Христу за такой его примерный поступок в роде человеческом, жертвой самим собой. И мы, если верим Христу, что он желал нам блага и мирной братской жизни на земле, чрез что и восстановилось бы царство Божие на земле, как и на небе, тогда должны жить согласно его учению. А если иногда уклоняемся от этого и потом желаем возврата, что зависит от нашей доброй воли и нашего разумения, тогда должны быть и жертвы наши же. И хорошо правительство так отнеслось к нам, что не производило таких наказаний, может это так вышло потому, что Духоборцы не так удалились от Бога и он покровительствовал им. Петр Васильевич хорошо знал, что все нажитое Духоборцами достояние должно расхищаться. Оно отчасти и наживалось неправдами, и теперь, когда был возврат к Духовной Божественной жизни, то по словам Христа: «нельзя служить двум господам: Богу и мамоне», т. е. богатству. И такой спасительный совет Петра Васильевича имеет большое значение и основание пред Богом и народом, понимающим Христа. Христос говорит в притче: «молодое вино не вливают в старые меха, а иначе мехи пропадут и вино выльется. Молодое вино нужно вливать

в новые меха, и сохранится как то, так и другое». Так и в нашей жизни. Посредством материального богатства мы утратили свое отношение к Богу, а когда последовал возврат, тогда нужно было все это утратить. Христос по поводу этого говорит: «Ищите прежде царствия небесного и правды его, а остальное все приложится вам», что мы и видим: материальное богатство возрастает быстро, его мы берем как из кладовой от Бога, прилагая свой труд. Только не нужно бы нам зазнаваться, а употреблять разумно, по возможности даже для Божьего дела. Из этого моего небольшого описания со стороны, люди могут понять жизнь Петра Васильевича и его значение среди Духоборцев, могут понять, что он идет вперед, всецело жертвует самим собою для Божьего дела, и подает к этому совет всем людям, если они желают. Если же нет, то на основании божественного предела, силою ничего не производится. Всемогуший Бог, Бог всей вселенной, по милости которого все миры существуют, предоставляет всем полную свободу на основании лишь того, что он и сам свободен в своем творении, независим ни от кого и творит то, что ему угодно... Петр Васильевич, желая быть сыном всемогущего Творца, что присуще всем, как же бы стал силою устанавливать свои советы? Если иные люди иногда так думают, там это они ошибаются, не понимая его. На это есть много доказательств и в наше время, что силою ничего не производится. Хоть взять пример из тех же Духоборцев. В данное время они разделились даже на три части и никого из них Петр Васильевич не заставлял слушать его, решительно никого. И, те, которые уклонились от его братского совета и будут искренни, могут подтвердить это.

ГЛАВА XVII.

Мой арест и жизнь в тюрьмах.

На свободе я находился до 22-го сентября, а затем снова последовал приказ от того же Астафьева и товарища прокурора явиться мне к ним в Карс на 22 сентября. По прибытии туда к ним, они арестуют меня и препровождают в тюрьму, где содержались Верещагин и брат Василий. Со мной были арестованы также: Николай Худяков, Федор Рыльков и Ларион Таранов. Всех нас поместили в одну камеру, где уже было человек 20 арестантов, разных сословий: мусульман, армян и крутин. Камера наша казалась нам без привычки неприятной и угрюмой: теснота, нечистота и нехватка даже божьего воздуха. Тюрьма эта находилась в крепости. Когда она была под владением Мухтар - паши, турецкого Карского генерал - губернатора, то это был пороховой склад, где сохранялся порох. Когда же этой крепостью завладели русские, тогда для пороха сделали отдельный склад, а этот склад определили на тюрьму. Кругом ее был окоп, много выше самой тюрьмы, так что из нее ничего не увидишь, даже и света в камере мало, полутемно. Дворик был небольшой, туда нас выпускали на прогулку на полчаса в день. С двора также ничего не видать, кроме неба. И так сразу мы попали как в подземелье. Брат Василий и Верещагин находились в одиночных заключениях, нас к ним не допускали. Одежду в тюрьме разрешалось иметь свою. Одно только для нас было удовольствие и развлечение: каждую субботу нам и всем арестантам разрешалось ходить в баню, мыться, конечно под строгим

конвоем. Бая от тюрьмы была с версту, если не больше, туда и обратно значит, две версты — это хороший моцион. Кроме того, за это время мы взглянем на Божий свет, на жизнь людей, на поля, подышим свежим воздухом; да к тому же еще смотришь по пути, не встретишь ли где либо своих братьев, поговоришь с ними, расспросишь, все ли родные здоровы, благополучны. Хотя конвой строго запрещает это, но этот запрет только для нас, как арестованных, а вольному конвой ничего не может сделать, и, если встретится расторопный человек, то он тебе за это время целную историю расскажет, идя, конечно стороной, саженой пятнадцать, почти вплоть до тюрьмы. Конвой не предвидит опасности, а на разговор он не обращает внимания, ничего ему не делает. И в это время, хоть и подневольный человек, который лишен свободы, почувствует себя как будто бы хоть немного побывал на свободе.

На первых порах было немного скучновато, но с течением времени мы стали привыкать к тюремной жизни и ее распорядкам. Пища для нас готовилась отдельно, так как мы не употребляли в пищу мяса, то нам разрешалось самим готовить, только из своей провизии. И так мы прожили там до 16-го ноября, а 16-го ноября были отправлены через Дилежань в Тифлис все упомянутые здесь шесть человек. Препровождали нас очень строго. Конвойные были из солдат, как вообще всегда назначаются. Но для препровождения нас, сверх того были назначены еще три всадника с урядником на лошадях. Мы проходили мимо наших родных сел. Сердца наших родных как отцов, матерей, жен, детей и всех близких нам людей, как бы уже предчувствовали наше удаление от родины и родных, если не навсегда, то все таки на долгое время. Они выходили к нам на встречу, провожали со слезами. Солдаты кричали на них: «Не подходить близко!». И угрожали ружьями: «Будем в вас стрелять!». В селе Спасском, центре наших сел, собралось народу со всех шести сел тысячи две, если не больше. Все они вышли повидаться и проститься, может быть в последний раз, так как никому не было известно куда и насколько времени нас отправляют. А телесная смерть это обычное дело и может со всяким случиться,

так что все мы, а также и те, которые вышли нас проводить, прощались как в последний раз, многие плакали. Конвойный офицер, по просьбе наших родных, велел остановиться конвою, приостановить этап. Нам велел выделиться от арестантов и позволил проститься как с родными, а также и со всеми братьями и сестрами. Такой благородный поступок офицера для всех был по душе. Как должно быть, со Спасского этап тронулся. Прибыли на станцию Аргено, где и ночевали. Утром все родные, а также много братий и сестер прибыли нас проводить. Это было уже последнее прощание с ними. Мы могли только сказать им: «Прощайте, оставайтесь с милостью Божией и живым упованием на его святую волю, не забывайте и про нас». Эти слова встревожили всех наших родных и все со слезами отвечали нам: «Да благословит вас Господь, вы также не забывайте про нас». И этап тронулся.

Путь наш продолжался пешью до Астафы, благополучно, слава Богу. По пути, когда мы шли через молоканское село Никитино, молокане устроили для нас обед в доме одного из своих настоятелей Василия Вас-ча Морозова, который во главе с несколькими старичками, попросил позволения конвойного офицера пригласить нас к себе. Конвойный офицер разрешил. Мы зашли к ним в дом вместе с ними. Они нас приняли как братьев по вере во Христа, подкрепили наши телесные силы и пожелавши нам терпения и счастливого пути, распрощались с нами, а мы с ними.

В Дилежане, где большею частью живут молокане, был ночлег. Этапный двор был с версту от села и нам пришлось вечером, по приглашению молокан, побывать на их собрании. Не смотря на то, что мы считались государственными преступниками, конвойный офицер, по фамилии Гришин, разрешил нам пойти и сам с нами пошел, не взяв никого из солдат. Нас было трое: Худяков, Таранов и я. Когда мы вошли на собрание, народу было очень много, братий и сестер. Как раз на этом собрании, три молодые человека из молокан, которым выпал жребий идти на военную службу, прощались. При прощании почти все плакали, в особенности женщины. Смотря на это, мы в присутствии офицера вступили с ними в беседу. Говорил больше Николай Худяков относительно во-

енной службы и всячески им доказывал из учения Христа, что незаконно и несправедливо оставлять такое общество родителей, может у них есть и жены, — и добровольно идти на такое нехорошее и убийственное дело. При возбуждении такого неожиданного вопроса все собрание умолкло и наступило полное молчание, только почти все собрание смотрело то на нас, то на сидящего возле нас офицера, который сидел рядом с нами при погонах, т. е. в военном мундире. И они не знали, что делать, возражать ли или оправдывать наш разговор и настоятель ихний стал возражать, говорить: как же наши отцы это делали и сам Господь позволил быть Самуилу царем. Это сказано в Библии. Мы говорим, что время Библии уже отошло и Библия теперь служит препойей человеческому разуму. И неужели до вас еще не дошло учение Христа, провозглашенное 19 веков тому назад. Христос, как сын Бога живого, провозгласил полную свободу и равенство всех людей, отменил всю эту библейскую историю и заменил Новым Заветом, Евангелием. «В старом завете было сказано: око за око и зуб за зуб, а я говорю вам: не противьтесь злему, но кто тебя ударит в правую щеку, обрати к нему и левую». Клятву также отменил. Вам ведь хорошо известно, что все то, что не приносит людям единения и любви он заменил миром, согласием и любовью, чтобы люди царство Божие осуществляли внутри себя. Для этого Христос предлагает второе рождение свыше от духа свята, а кто не примет таковое рождение, тот не войдет во царствие небесное и следовательно всем верующим во Христа необходимо нужно иметь рождение свыше, которое соединяет человека с вечностью бытия отца безначального Духа. А вы собираетесь куда то идти на военную службу, в которой человек телом и душой ожесточается и развращается. И разве вам не известно, что во время войны все эти люди служат пушечным мясом. Значит возмездие свое и получают: взявшие меч, от меча и погибают.

И так на этом беседа наша с ними закончилась. Не знаем, принесла она им пользу или нет, но офицер настояще одобрил наше толкование и понимание и вполне стал соглашаться с этим.

Из Астафы нас уже посадили в вагон и повезли по же-

лезной дороге до Тифлиса. В Тифлис прибыли 5-го декабря. С вокзала нас препроводили в губернскую пересыльную тюрьму, где нам выдали изорванную арестанскую одежду, в которой приходилось страдать от холода. Нашу же отобрали и снесли в цехауз.

На третий день нашего прибытия, вечером, уже после проверки, вызывают всех нас в канцелярию смотрителя. Там мы увидели двух человек, убранных в богатые одежды. Это были: один — учитель духовной семинарии, а другой, по выражению его, был духовный отец, т. е. пастырь православного народа. После обычного здравствования, они стали нас спрашивать, кто мы такие и зачем находимся в тюрьме. Они наверно уже знали нашу историю и пришли нас увещевать. Учитель семинарии первый повел речь — о двух колосьях, растущих вместе, один из них рос прямо вверх, другой же наклонившись колосом вниз и был ниже того. Первый гордился над тем, что стоял выше. Ну впоследствии оказалось: гордящийся своей высотой, оказался пустым и ни на что не достойным, как только на сожжение. Наклонившийся же книзу колос оказался полон зерен и достоин сбережения. Мы спрашиваем его: что означает колос пустой и колос, наклонившийся вниз? Он раз'ясняет: «Колос пустой означает гордость, многознание, высокомерие, сребролюбие, ненависть, зависть и т. п... Колос же наклонившийся книзу, означает смирение, кротость, любовь, терпение, милосердие, воздержание и т.п.». Затем мы спрашиваем: «Вы к какому колосу принадлежите, и что же заставляет вас мучить людей, которые приняли от Господа смирение, кротость и любовь, как не гордость и многознание. Вы хвалитесь своим учением и знанием, но разве не знаете, что таковое ваше знание происходит от князя века сего, и князя века сего владеют народом. Но Христос сказал: «Между вами да не будет так, но кто из вас хочет быть старшим, то будь всем слугою». Сребролюбия и зависти разве нет у вас? Если нет, то откуда у вас находятся в банках капиталы по несколько десятков тысяч?, как не от сребролюбия и зависти? Разве вы не знаете слова Спасителя, которые он говорил ученикам своим: «Даром получили, даром и давайте». Но в сущности вы не даром получили таковое знание:

покамест вы приобрели его, вам наверно стоило израсходовать больших денег и затем говорите, что якобы вы получили такую мудрость от Бога. Но в сущности здесь Божьего ничего нет и таковая мудрость ваша пред Богом ничтожна есть».

В этом разговоре участвовал учитель семинарии, духовное же лицо сидело на стуле. Разговор немного как бы прекратился. Мы обращаемся к духовному лицу и спрашиваем: «Ты на каком основании называешь себя духовным отцом? Разве ты не знаешь Христово учение, которое записано в Евангелии, где Христос строго воспрещает людям называться отцом или учителем. Об этом говорится от матфея в 23-ей главе». От этого вопроса он сконфузился и говорит в оправдание свое, что не сам он называется отцом, но называют его так люди. «Почему же тебе не раз'яснить этим людям, что такое название противоречит учению Христа и что ты не отвечаешь такому имени?». Тем беседа и закончилась. Собеседники наши посмотрели в часы и говорят: «Нам больше нет времени с вами беседовать». Но при выходе обещались еще нас посещать, но таковое ихнее обещание осталось без выполнения. Проживя в Тифлисе около двух лет, мы их больше не видали.

В губернской тюрьме нас не долго содержали и 13-го числа того же месяца препроводили в Тифлисский Метехский замок, по предписанию правительства, чтобы нас содержать в замке в одиночных заключениях. Но так как в замке не оказалось одиночных незанятых, а все были заняты, то нас и разместили, всех шестерых по общим казематам, т. е. камерам, только всех порознь и строго содержали, чтобы мы не могли видаться друг с другом. Здесь также нас, как новичков, нарядили в такую же одежду, как и в пересыльной.

В тюрьмах везде было заведено, что вновь явившемуся арестанту выдают тюремный билет, на котором означается имя арестанта, кем арестован и за какое дело. Также и нам на второй день выдали билеты, на которых было написано, что мы арестованы за распространение тайно религиозно - политической пропаганды. Таковые билеты мы не приняли и сказали, что таковой вины мы за собой не признаем, и тайного у

нас ничего нет. Мы арестованы за выполнение закона Божьего, о чем и говорим пред всеми, не стесняясь никого. Ежели так напишите, то тогда мы примем билеты. Они этого не могли написать, а мы ихнее не приняли. И так все время находились без билетов.

Жизнь в тюрьмах, стесненная и лишенная всех удовольствий, которыми человек пользовался, живя на свободе, на первых порах ему кажется даже и невыносимой. Но малу по малу он осматривается, обвыкает и ко всему даже привыкает. Мне пришлось попасть в камеру кандалщиков, которые были уже осуждены в каторгу от десяти и до двадцати лет. Всех их было тридцать человек и все они были в кандалах. Они были разных сословий: Грузины, Имеритины, Армяне, Мусульмане и был один бедняжка Еврей, Фридман, золотых дел мастер, осуждался в убийстве одного еврея, продавца разных бриллиантов, за что был осужден на двадцать лет в каторгу. Камера небольшая, по обе стороны нары, посередине проход. Когда мы ложимся спать, проход также занимается людьми. Кроме нар ложатся и на полу. В камере очень тесно, иногда даже не хватает воздуха, чем подышать. Каждому арестанту выдается тюфяк, головная подушка и одеяло. Тюфяк и подушка когда то были набиты сеном, но теперь в них одна труха и пыль — так истерлось это сено. Утром, как только рассветает, дежурный отворяет дверь, велит выносить парашку и всю постель на крыльцо, там аккуратно складывается постель и арестанты идут к кранам для умыванья. Затем всех загоняют в камеру. Подается кипяток и под замок. У кого есть на что, может пить чай; у всех есть родные, которые все таки заботятся и присылают хоть на чай. Затем в одиннадцать часов получка хлеба и раздача обеда. После обеда во двор на прогулку. Каждая камера отдельно, по очереди, на полчаса, или четверть часа, как позволяет время, а все остальное время сиди под замком. Вечером также дается кипяток. После внесения постели в девять часов проверка, — и на покой... Хочешь — не хочешь ложись спать, лампа не тушится всю ночь, дежурный ходит по коридору и наблюдает в форточку, которая находится в дверях. Конечно вся такая история угрюма, печальна и часто бывают случаи, что человек сходит с

ума или получает болезнь, чахотку и тем кончается его жизнь. А многие из арестантов ожесточаются, ничего не страшатся и могут идти на всякие, даже худшие поступки, чем те, за которые они посажены в тюрьму. Мы провели время хорошо, зная за собой, что мы плохого ничего не совершили, за что бы при таком стеснении плоти могла бы мучить и совесть. Божий дух всегда в нас торжествовал и плоть не могла уже роптать, что она в стеснении. Иногда нас навещали родные, в особенности Павел Васильевич Планидин, всегда приходил к нам на допуск. И если что было нового, то он сообщал нам. С ним велась и тайная переписка с дежурным, то есть с надзирателем тюрьмы.

Однажды пришел нас навестить Георгий Александрович Дадияни, бывший адъютант при главнокомандующем Шереметьеве. Познавши жизнь и учение Христа, он сдал все заслуги и чины по принадлежности, уволился от службы, стал жить христианином. Таковые люди служат большим примером и дают большую поддержку в духовной жизни. Это очень милый человек, одет по простому. Допуск ему к нам не разрешили. Но когда в третьем этаже в окошке показался брат Василий — он был лично знаком с ним, — он, завидя его, возвысил голос, говорит: «Василий Васильевич! Христос с вами, Христос с вами!». Брат поблагодарил его за посещение и он ушел.

В скором времени после нашего заключения был у нас в замке Скворцов. Он приехал из Петербурга, как член, раззнать все подробно по духоборческому делу. Он был во всех губерниях Духоборческих селений, затем побывал и у нас. Хотя он был послан из Петербурга как разумный человек, чтобы узнать подробно убеждения Духоборцев, коснуться даже их религии и на каком основании они так поступают, но он этим не интересовался, не старался разузнать. Появляясь в духоборческих селах, он играл роль большого человека, разговаривая с Духоборцами. Если он замечал, что люди его немного страшатся, то начинал их всячески пугать и угрожать далекой ссылкой в Сибирь. В селе Спасском, Карской области Иван Вас-ч Подавинников, при беседе поговорил с ним серьезно об отношении к государю и всем властям, на что он не

мог дать правильного ответа. Уходя он записал его имя и фамилию и что же! Через несколько времени Подавинников был выслан в Зангизурский уезд, Елизаветпольской губ., в самое худшее место по климату в Закавказьи.

Нас также, когда потребовал в канцелярию, спрашивает, возвышая свой голос: «Вы не хотите подчиняться государю и властям его?». Мы отвечаем: «Подчиняться будем, только ежели не будет его требование против закона Божьяго. Закон Божий требует от каждого человека чистую совесть непорочную, чего себе не хочешь, того не должен желать и другому».

Затем он обратился к брату Василию с таковым советом: «Тебя, как я вижу, — ты представительное лицо и мог бы быть полезным человеком для государства, занимать должность правительственного старшины и жить преспокойно». Брат ему отвечает: «Твой совет, по твоему разумению кажется тебе очень хорошим, но для меня он совсем бесполезен. Во первых я желаю быть полезным тому, кто послал меня в эту жизнь, чтобы исполнять волю его. Во вторых, какое может быть спокойствие? И под словом спокойствие что нужно разуместь? Чистую совесть или же угождение мамоне, чтобы я в угождение своих плотских прихотей раззорял бы несколько тысяч душ невинных людей, которых вопли и слезы доходят до Бога, что и делается сейчас над Духоборцами, в Карской области и Елизаветпольской губ. К ним, в каждое село поставлены эти варвары, кровопийцы. За неимение у них денег в уплату им жалованья, они среди белого дня делают насилие, берут дойных коров и забирают последние зерна настоящего хлеба и отдают все это за бесценнок, продают с аукционного торга. Они делаются распорядителями в нажитии бедных, беззащитных людей, которым нажитие это досталось, может быть, не трудами пота, но трудами крови. В Елизаветпольской губ. в селе Славянке недавно за это дело посадили в тюрьму шесть женщин и тридцать человек мужчин, которые просьбой отстаивали свое имущество, и это приписали бунту. И ты таковое варварство считаешь спокойною жизнью? Разве в этом заключается спокойствие и назначение человека, сотворенного по образу Божьему!».

После этих его слов наш собеседник не стал больше разговаривать, велел подать пальто, которое он снял при входе в канцелярию. Когда он выходил, мы просили его, чтобы он разъяснил государю по нашему делу и за что нас мучают. Он обещался и ушел.

Находясь в замке, мы некоторое время не пользовались горячей пищей, потому что мы не употребляли мясного. Мы получали только хлеб, 2 с половиной фунта. Мы просили, чтобы нам к хлебу добавили масла взамен мяса и не могли бы мы готовить для себя отдельно. Но нам это отказали. Говорили об этом директору тюрьмы, но он также указал нам на общий котел. Без горячей пищи мы пробыли три месяца и это стало отражаться слабостью на теле. На одном допуске пришлось переговорить об этом с Павлом Вас-чем Планидиным, который большею частью жил в Тифлисе, посещал нас, а также посещал и братьев в губернской пересыльной тюрьме, которых было там триста человек. Все они были из Карской области и все арестованы за сдачу запасных билетов. Вот Павел Васильевич и стал ходатайствовать о разрешении готовить нам самим горячую пищу. Он обратился к жандармскому полковнику, который и дал разрешение готовить нам самим из своей провизии. Казенной пищи, кроме хлеба, ничего не давали. После такого разрешения, наши братья назначили меня за повара, и я все время готовил пищу.

Однажды наша камера, т. е. все каторжане решились на подкоп тюрьмы, чтобы всем тридцати человекам убежать. Достали секретно всякие инструменты: большой нож, железный ломик, аршина в полтора и приступили к делу, т. е. выламывать стену. Я с утра и до вечера почти, находился в кухне. Когда вечером я пришел, они известили меня об этом и спросили не буду ли я препятствовать им в этом деле. План их уже был готов и я хорошо знал, что препятствовать им в этом деле никак нельзя, а то они могут сейчас же накинуть на голову одеяло и кончить жизнь. С другой стороны дело это меня ничуть не смущало, чтобы они освободились из тюрьмы, и от десяти и двадцати лет каторги. Это такое ужасное положение человека, что можно решиться на все. Я согласился с

этим и сказал: если вы все согласны, то и я также не прочь и никогда не выдам вас.

План их был составлен так: когда они выломают стену из своей камеры, — а стена была кирпичная, — тогда они должны попасть в коридор, ведущий на кухню. На кухне всегда находился дежурный, присматривал, чтобы не случился пожар или что другое. Этот дежурный большой опасности не предвидит и почти всегда спит. По ихнему плану, они должны его застать спящим, наброситься и задушить его, потом одному из арестантов надеть его мундир, взять ключи, отворить дверь и выйти на больничный двор. Ночь была темная. Там в воротах также стоит дежурный, он ничего не будет подозревать, будет думать, что это идет к нему товарищ. Поровнявшись с ним, арестант должен наброситься на него. В это время и другие арестанты должны подоспеть и также убить дежурного. Тогда из этих ворот они уже прямо должны попасть на свободу.

Ломать стену ночью никак нельзя было, потому что в камере тишина и дежурный то и дело посматривает в форточку. Нужно было ломать стену часа за два до проверки. В это время дежурные суеются, загоняют арестантов, запирают камеры и смотрят, чтобы где нибудь не остался какой арестант. В это то время кандалы начинают ходить по камере и заглушать звоном кандалов ломанье стены, стену ломают два человека по очереди. На всех лицах было выражение не то радостное, не то печальное. Наверно, они уже мечтали, что вот скоро они избавятся от всего этого и снимутся с них шестифунтовые кандалы, которые так им надоели, что и сказать нельзя. В то же время они думали: а что, если это им не удастся, для них тогда все пропало и отношение к ним смотрителя и всех дежурных ухудшится. Так и вышло. Старший ключник Пильсекевич, идя из кухни по коридору, услышал небольшой стук в стену, остановился, прислушался и узнал, что ломают стену. Сейчас же известил смотрителя и не дождавшись времени для проверки, еще за час до нее вскричал проверку. Когда начинается проверка, старший ключник выходит на средину двора и во всеуслышание кричит: «Провер-

ка!». Этим он подает сигнал к приготовлению и все камеры слышат, начинают готовиться, даже становиться в ряд.

Эта несвоевременная проверка как гром поразила всю нашу камеру, все почувствовали что то неловкое и по всем пробежал страх. Те, которые ломали стену, сейчас же вылезли из под нар и также стали в ряды для проверки. Все поглядывали друг на друга, но никто ничего не говорил. Только все чувствовали, что план их открыт и что им теперь делать, никто из них не знал. Наконец в наши двери дежурный вложил ключ в замок, повернул его на право, ключ вынул и двери растворились. Скорыми шагами вошли в камеру смотритель, старший ключник и двое дежурных. Лица у всех были беспокойные, этим уж выражалось неблагополучие. Наскоро они пересчитали нас и ушли в другие камеры. Дежурный стал строго приказывать, чтобы все ложились спать. Когда проверили все камеры, снова потихонько пришли к нашим дверям и сразу дверь отворилась, как будто бы она и не была заперта. Снова вбежали прямо через народ смотритель, ключник, дежурные. А в дверях уже стоял конвой солдат с ружьями. Они бросились на место преступления, чтобы застать там самих преступников, под нары, но там никого не было. Лежали только лом, нож да несколько десятков выломанных кирпичей.

Смотритель неистово закричал: «Встать!». «И все в коридор!». Там со всех сторон окружил нас конвой солдат, держа штыки прямо нам в груди. Началась жестокая расправа. Заводили по одному обратно в нашу камеру и производили дознание: кто именно это первый устроил, отдудова взяли лом и нож. Но арестанты в таких случаях не выдают друг друга. За это их немилосердно бьют и отправляют в холодный карцер и отправляют туда только в нижнем белье. Время было зимнее, стояли ужасные холода. Такую расправу учинили над четырьмя арестантами. Конвойный офицер Белянский, услышав о таком истязании, пришел в камеру и серьезно заявил смотрителю, что он этого не имеет права делать. Арестанты каторжники в своем поступке правы и всегда могут это делать. Ихнее дело бежать, наше дело караулить и недопускать до побегу. Раз им не удалось убежать, значит на нашей стороне выигрыш, так за что же их еще бить? У них и так не-

удача». Он велел всех освободить из карцера и дать одежду. В наказание всех нас разместили по другим камерам, как полк, потерявший свое знамя. Тем и закончился побег каторжан.

Я попал к брату Василию, на самый верхний этаж. Там народу было меньше и в камере было просторнее. Но несмотря на все эти удобства, я долгое время никак не мог привыкнуть и долго скучал по своему обществу, с которым я прожил год.

Нас здесь в метехском замке, если читатель не забыл моего ареста, находилось шесть человек, а остальные из Карской области до трех сот человек находилось в губернской пересыльной тюрьме, в Тифлисе же.

В Тифлисской пересыльной тюрьме не было больницы, а потому заболевших там представляли в Метехский замок, где их и лечили. Здесь из наших братьев умерло 3 человека. Первый — Григорий А. Дорофеев 50 лет. Он не подлежал к отбытию воинской повинности, а был арестован как подстрекатель в этом деле. Двое же из братьев подлежали к отбытию воинской повинности. Первый из них умер Данила Барабанов, второй — Василий Иванович Дорофеев. Все трое похоронены в Тифлисе, на молоканском общем кладбище.

Елизаветпольские братья были сначала посажены в Елизаветпольскую тюрьму, а затем были 24 человека из них переведены в Нухинскую тюрьму. Это были старички, как будто бы подстрекатели этого дела; а остальные все, до двух сот человек, которые были арестованы за сдачу запасных красных билетов были отправлены в казацкую тюрьму на Астафу. Это местность очень жаркая, даже лихорадочная: почти никто из них не обошелся, чтобы не болеть лихорадкой. Некоторым не суждено было выйти из этой тюрьмы на Божий свет и они умерли там плотию, как мученики за Божие дело. Память о примерной их жизни будет переходить из рода в род.

Продержав в тюрьмах около двух лет как Карских, так и Елизаветпольских, правительство разослало их по туземному населению по два человека в каждый аул. Карских разослали по Елизаветпольской губернии, часть попала даже в Бакинскую губ., а Елизаветпольских разослали по Эриванской губ., где они влачили свою жизнь в бедности и страданиях. Много

бедствий приняли они. Некоторые не имели даже денного пропитания. В такое положение они были поставлены правительством. Пристава предупредила всех старшин, чтобы Духоборцев, разселенных по аулам, никуда из аулов не выпускали, даже на заработки для пропитания, что они и исполнили, как должностные лица. Поэтому им там и пришлось чрезмерно даже много пострадать. Упомяну о некоторых, которые умерли там: Иван В. Конкин, 50 лет. Григорий Астафуров, 50 лет и Петр М. Морозов, 30 лет. У первых двух не было запасных билетов, но они попали сюда как подстрекатели, они находились в одном ауле... Это были люди здорового телосложения, природа их ничем не обидела. Время и окружающая жизнь воспитала героев плоти и эти люди ни пред чем не задумывались, ничего не боялись, особенно Иван Васильевич. Он часто, где это вызывал случай, шел на десять человек Мусульман с большим поленом в руках и все от него убегали, боясь подпасть под его удар. Еще повторяю, до известного времени это был герой плоти. Но когда Господь посетил его душу, вызвал в нем сострадание не только к человеку, но и ко всей окружающей природе и он всецело отдался такому Божьему призыву, то за это он был арестован и попал в этот аул. В одно и то же время постигла их обоих тяжелая болезнь. Присматривать за ними было некому. Если и приходили иногда братья из соседних аулов, то их препровождали обратно, даже с боем. Они болели долго, не могли даже вставать. Кроме болезни их страшно мучили насекомые, это так называемые вши, которых между татарами чего больше. Один из них умер. Было разрешено похоронить тело нашим братьям из ближайших аулов. Пришли мой родной племянник Иван А-ч Аниотушкин с другими братьями. Они все и рассказали, что там происходило. Они уже не жалели о том, который умер, он уже отстрадал и теперь тело его лежит безчувственным, на него было страшно смотреть, так оно было покрыто всякой нечистотой. Иван Васильевич еще был жив, но находился в бесчувственном состоянии. Они сначала принялись за него. Татары принесли котел, согрели теплой воды, сняли все платье; тюфяк и что было, выкинули прочь, скупали тело теплой водой, переменили белье и принесли другую постель. Уложи-

ли и тогда он понемного стал приходить в чувство. После этого обмыли мертвое тело, надели белье, выкопали могилу и похоронили тело.

Когда Иван Васильевич пришел в сознание, он много говорил о своем положении. Он говорил так: «Нам все таки было хорошо, пока мы оба не заболели слёглой болезнью. Мы оба помогали друг другу, подашь воды, утолишь жажду. Иногда пойдешь к татарам, попросишь хлеба, принесешь товарищу. Так мы попеременно служили друг другу. Но вот недели две уж как мы слегли оба и за все это время почти никто нас не навещал. Если иногда и приходил какой татарин, то, посмотрев на нашу болезнь, брезговал и уходил скорей обратно. Часто нас мучила жажда и нам некому было подать стакан воды, чтобы хоть немного утолить жажду. Во время такого нашего тяжелого мучения приходилось вспоминать всех своих родных. Но такое воспоминание не облегчало нашего положения и не приносило нам отрады, а еще более растранивало наше сердце и больное тело. Мы говорили друг другу: лучше не будем вспоминать о своих близких, и милых, и родных, ведь они очень далеко и помощи нами нисколько не окажут, пусть лучше мы будем бодрствовать духом, призывать Господа и со спокойной душой ожидать своей участи. О, милые братья, но сколько бы ни крепились, дух бодр, но плоть немощна. Сейчас вы подкрепили мою душу и тело и я нахожусь в отрадном положении и готов даже к смерти. Были счастливые минуты для нас только тогда, когда мы находились в бессознательном положении, тогда мы не чувствовали ни боли, ни жажды, ни сырости вокруг себя. Это было счастливое время для нас. Но когда мы снова приходили в себя, опять пред нами полутемная неприятная и угрюмая сакля, кругом сырость, отвратительный запах. Наконец товарищ мой стал помирать. Сначала он застонал. Я спросил его: «ты что же, милый друг, все кряхтишь, время бы нам уже оправляться». Он говорит: «я помираю, может ты останешься в живых и увидишь моих родных, передай им всем от меня поклон и скажи им, что пусть не горюют обо мне. Если нам и пришлось пострадать за дело Божие, то это временно, и какие бы ни были наши тяжелые страдания, все они прошли и теперь

я несколько не чувствую их. Жалею о всех родных, но это тоже напрасно, они тоже временные, один Бог вечен, к нему мы и должны стремиться». Чрез некоторое время он умер и татары пошли известить вас». Переночевали они там еще ночь, просились еще остаться на время, присмотреть за больным. Но старшина настоял и препроводил их. «Мы распрощались с Иваном Васильевичем, рассказывали они, окончательно, так как видать было, что он не останется в живых. При прощании он заплакал, бедняжка, мы также плакали и успокаивали его, говоря, что с тобой опасного ничего не будет. Он как бы верил этому, но все таки просил: передайте от меня моим родным поклон, даже расцелуйте всех за меня и, если я помру, то вы не все им рассказывайте о нашей тяжелой участи и нашем положении, это ведь не поможет, а им только больше горя будет». И так мы распрощались с ним и ушли. На четвертый день извещают нас, что «ваш товарищ скончался». Мы снова пошли, похоронили тело и ушли.

Отчасти все таки жестоко вышло со стороны правительства, которое и само верит в учение Иисуса Христа. Хотя в проживаемое нами время, нет таких жестоких казней, как были раньше. Но по рассказам этих братьев, которые погребали их тела, при омывке их тела, они видели у обоих раны от лежания и от насекомых: это такое мучение, хуже и жесточе всяких казней и люди переживали такие жестокие и мучительные дни. Слыша обо всем этом, что должны делать родные? Действительно, в людях была вера и вера спасала их. Вера живая в Бога, вера в бессмертие души, в слова Христа: «Не бойтесь убивающих тело, вашей души не могущих коснуться». Все это вместе взятое, спасало родных и родные после такой жестокой смерти оставались спокойными и переносили все это без ропоту.

Так скончались наши страдальцы и мученики за Божье дело. Помяни их, Господи, во царствии своем небесном.

Еще в дополнение списка мучеников за Божье дело скажу об умерших в тюрьмах. В Елизаветпольской тюрьме умерло три человека. Первый умер Федор Федорович Веригин. Второй Андрей Алексеевич Репин. Оба подлежали отбытию воинской повинности. Третий умер Василий Елецкий, 50-ти

лет. Арестован был как подстрекатель. Похоронены там же, на арестантском кладбище.

В Астафинской казарской тюрьме умерло три человека. Первый Михаил Яковлевич Половников. Второй Иван Калмыков. Третий Антон Федорович Веригин (Арехов). Похоронены там же на арестантском кладбище.

В Нухинской тюрьме умер Федор Иванович Голубев 50 лет. Арестован был за подстрекательство. И там же похоронен.

Помяни их, Господи, во царствии своем Небесном.

ГЛАВА XVIII.

Истязания в дисциплинарном Екатериноградском батальоне

Привожу здесь полностью рассказ лично бывшего в этом истязании Ивана Васильевича Малахова.

В 1894 году я призывался на военную службу. Брал жребий в городе Ахалкалаке и взял жребий № 6, по которому я должен идти на действительную службу. После сего вызвали меня в приемную делать осмотр. Я был совсем здоров и принят на службу. Определили меня в Ахалкалакскую местную команду. Служба началась в первых числах октября. Сначала было трудно, как всегда бывает с новобранства. Отдают строгие приказания, требуют чинопочитание, в три - четыре часа надо вставать на уборку, чистить сапоги и мундир, становиться на смотр, строго осматривают, хорошо ли почищено все. Проходит дядька по строю и часто слышится щелканье по щекам вместе с криком почему не чисто. По окончании смотра начинается гимнастика: нагибание головы, выбрасывание рук, поворачивание корпуса и так выламывают весь корпус солдата, что с новобранства кажется очень затруднительно. Эти все гимнастические упражнения проделываются до рассвета. Днем проделываем ружейные приемы и маршировку — это до обеда. После обеда занимаются словесностью до ужина. После ужина также сажают на словесность до поверки. В 9 часов бывает поверка. После поверки начинают спрашивать как кого величать, начиная с низшего чина и до генерала. И это продолжается до 12 часов ночи. На другой день тоже в три часа утра нужно вставать и опять тоже самое по-

вторять, и каждый день, и все пять месяцев с новобранства, и всю службу проводят только в этом надоедном, совершенно бесполезном и губительном для всего человечества деле. По окончании пяти месячного обучения стали приводить нас к присяге. Но так как Духоборцев мало было в местной команде, то ротный командир не стал нас принуждать к присяге. И так мы служили до пасхи. Спустя малое время после пасхи, ротный командир Назаров созвал нас всех в свою канцелярию и объявил нам: «Вы слышали: ваши Духоборцы, которые служили в Елизаветпольском Асландурском резервном батальоне, на первый день пасхи отказались нести военную службу и бросили ружья?». Мы отвечали: «Мы не слышали об этом!». Потом он стал объяснять нам, что за это назначили им военно - полевой суд, а полевой суд судит и в 24 часа приговаривает к повешению или расстрелу и их теперь осудили. Одиннадцать человек к расстрелу. И погонят их на Александровскую площадь и там будут их расстреливать. Вот я и собрал вас, чтобы предупредить, может кто из вас вздумает также отказываться от службы, то вы должны знать, что вы будете подлежать военно - полевому суду, а мне вас жаль, вы молодые люди и вам надо жить и радоваться своей жизни. А ваши родители, они отжили свой век и стали чего то затевать и вас научают». Мы на это ответили, говоря: «Как же вы нас жалеете, когда вы каждый день обучаете нас, чтобы ловчее убивать человека и называете врагами людей, которых мы еще не видали? Также и ту сторону, тех, которых вы называете врагами, их также обучают убивать врагов. И во время войны сводят обе стороны и стараются с обеих сторон как можно больше убивать. Разве вы нас этим жалеете? Если бы вы нас учили любить врагов, как Христос учил, тогда бы вы нас жалели». Он нам ответил: «Вы, может, и не увидите войны и отслужите в мирное время». Но у нас совсем не то было на уме, чтобы служить. Во первых потому, что когда нас родители провожали, то советовали нам: «Хотя вы идете на службу, но убивать людей никак нельзя, потому убийство есть грех великий и Христос говорит: убийцы не наследуют жизни вечной. Второе дело, что и мы сами теперь поняли всю эту дисциплину, что она не согласуется с законами Бога, че-

рез учение Христа. И мы теперь уже подыскивали случай, чтобы также как сделали наши братья, сдать ружья. 28-го июня был инспекторский смотр. Приехал бригадный генерал Кишимов и стал производить смотр... Просмотрел всю роту и стал спрашивать словесность. К первому подходит и спрашивает: «Ты из Духоборцев?» — «Так точно». Это был мой товарищ Дмитрий Астафуров. Бригадный спрашивает: «Когда часовой стоит у дверей арестантской камеры, что он должен делать?». Астафуров отвечает: «Часовой должен строго и точно наблюдать за всеми движениями и предупреждать, чтобы не производили беспорядков». Бригадный спрашивает: «А если они не слушают, тогда что часовой должен делать?». Астафуров отвечает: «Часовой должен передавать голосом или свистком или чрез проходящих людей, дабы это дошло до караульного начальства». Бригадный: «А если караульный начальник не слышит?». Астафуров: «Часовой должен дать один выстрел вверх». Бригадный: «А если арестант побегал, тогда часовой что должен делать?». Астафуров на это молчал. Бригадный повторил еще и еще несколько раз. Астафуров вынужден был сказать: «Солдат должен стрелять». «А ты будешь стрелять?». — «Никак нет». Генерал обратился к ротному: «А еще есть Духоборцы?». Ротный указал на меня. Генерал спрашивает: «А ты будешь стрелять?». — «Никак нет». Он снова повторил до трех раз свой вопрос и ответ получался: «Никак нет». Потом генерал говорит ротному командиру: «Обрати на них особое внимание», а остальных наших товарищей Чутскова, Рылькова и Василия Шерстобитого не стал допрашивать, ушел.

После чего все солдаты, унтер - офицеры и фельдфебель приступили к нам и с удивлением спрашивали: «Неужели вы отказываетесь служить государю?». Мы на это ответили: «Вы же слышали сами». Они говорят: «Как вы смели лично говорить генералу?». А мы говорим: «А что такое генерал?». — «А генерал вас сейчас может расстрелять». Мы отвечали: «в мирное время он не имеет права расстреливать». «Как не имеет? Вы очень большое дело нарушили, еще никто на свете этого не делал, только вы нашлись, не желаете государю нашему служить». — «Как же ему служить, если он поучает лю-

дей убивать, а шестая заповедь говорит: «не убий». Кроме того Христос также предупреждает: кто возьмет меч, от меча погибнет». Этим и закончился разговор. Все разошлись.

В 12 часов ночи последовал приказ, чтобы усилить караул в тюрьму. И стали нас назначать всех пятерых. Мы окончательно отказались от этого. После чего нас сейчас же арестовали и до утра никуда не пускали. Утром в 10 часов нас созвали в столовую, поставили кругом нас конвой. Спустя несколько времени пришел поручик в страшном сильном волнении и всячески ругал нас. Конвою приказывает: если они только шевельнутся, то даю вам право колоть их штыками на смерть. Они не хотят нашему государю служить, мы с ними справимся. И тут же назначил двух конвойных приводить нас по одному в его палатку для допроса. Первого вызвал меня и спрашивает: «Почему вы не желаете служить императору?» Ответ: «Желал бы я исполнить волю императора, а он поучает убивать людей, а моя душа того не желает». — «А почему не желает?». — Ответ: «Потому что Спаситель заповедал, т. е. запретил убивать людей, а я верую во Спасителя и исполняю волю Божию». — «Ты кто такой?». — «Я христианин». — «Почему ты христианин?». — «По познанию слова Христова. В христианине дух живущий не может и не будет делать дел ваших». И так же допросил всех и под строгим конвоем всех нас отправил в тюрьму, где мы и находились три месяца. В течение этого времени приходил к нам в тюрьму следователь, снял подробное дознание и ушел. В конце сентября нас отправили из Ахалкалака в Тифлис, поместили в военную половину и мы были преданы военно - полевому окружному суду. Находились там четыре месяца и за это время над нами было назначено два суда. Первый суд мы не приняли по ложному приказанию свидетелей и свидетели не прибыли, суд был прекращен. Во второй раз были вызваны свидетели и суд состоялся. Нас присудили выслать в Екатеринбургский дисциплинарный батальон, для исправления на два года с половиной.

8-го февраля 1895 года нас всех отправили из Тифлиса через Батум в Новороссийск, в дисциплинарный батальон. Когда мы прибыли туда, нас разместили по отдельным ро-

там. Я и Рыльков были назначены в четвертую роту, Чутсков и Шерстобитов в третью, Астафуров во вторую. По приказанию полковника, фельдфебель повел нас в канцелярию, где делали тщательный осмотр всех вещей и под строгим приказанием предупредили: если у кого есть деньги, должны здесь сдать. В крепости не полагается иметь при себе ни одной копейки. Если у кого найдется пять копеек, за это дадут ему тридцать ударов. После всех нас отправили в крепость и разместили по ротам. В этот же день после поверки мы повидались со своими братьями, которые раньше нас прибыли сюда из Елизаветполя, за отказ от военной службы. Их было четырнадцать человек. По принятому обычаю мы с ними поздоровались и стали спрашивать «как вы здесь живете». Они говорят: «Пока слава Богу, живы, а впереди будет над нами милость Божия». — «А почему вы нам кажетесь такими истощенными?». Они говорят: «Здесь мы терпим большие недостатки в пище. Мясную пищу мы не употребляем, а особых приварков нам не дают, хлеба дают очень мало и едим только один хлеб, соль и святую воду. Кроме того, нас здесь подвергают жестоким испытаниям, даже телесному наказанию. Слыша такие рассказы своих братьев, нас объял ужас. Но вера и дух Божий, живущий в нас, не позволял нам колебаться. Не подавая робости, решили действовать заодно, на сколько наших сил хватит. На второй день, т. е. 7-го марта в 9 часов утра прошел по батальону дежурный фельдфебель, отпер корпус и сделал поверку. После чего прибыли унтер - офицера, каждый в свой взвод, производили осмотр и делали гимнастику. Я стоял на левом фланге, во втором взводе. Ко мне также подошел взводный и стал было осматривать меня. Я остановил его и сказал ему: «Я имею к вам заявление: по вере своей я не могу исполнять вашего требования». — «Разве ты не желаешь служить?». — «Да, не желаю» и он оставил меня в покое, стал продолжать свое дело над другими. Через полчаса пришел фельдфебель и, подойдя ко мне, спросил: «Ты почему не занимаешься?». — Я ответил: «Не желаю». — «Почему ты не желаешь?». — «Потому не желаю, что это учение, которое вы преподаете нам, ведет к человекоубийству, а я этого по вере своей, не могу делать». — «Где ты нашел такую веру?». —

Я говорю: «В законе Божием. А вот и вы поучаете десять заповедей, и там сказано в шестой заповеди: «Не убий». Так я желаю жить и поступать по закону Божьему и считать всех людей равными, одного отца Бога детьми, а нам братьями». Фельдфебель на это сказал: «Я об этом доложу ротному командиру и он тебя накажет. Сначала даст тебе тридцать ударов и посадит в карцер и так будет продолжать, прибавляя удары, пока ты согласишься, возьмешь ружье и будешь служить». Я на это сказал: «С удовольствием можете доложить и делать, что хотите, потому я попал в ваши руки». Фельдфебель так и поступил, доложил ротному командиру Покровскому. Покровский позвал меня и Рылькова. Сначала он стал нас допрашивать. «С которого года вы поступили на службу?». — Я ответил: «с 1895 года». — «А когда вы отказались нести военную службу?». — «29-го июня 1895». «По какой причине вы отказываетесь и не желаете служить царю?». — «По вере своей мы не желаем исполнять требования царя». — «А что он требует от вас?». — «Первым долгом, когда солдат поступает на службу, от него требуется присяга, в которой он должен поклясться служить верой и правдой государю и отечеству и исполнять, что прикажет начальство. Мы отвергаем присягу на основании сказанного в Евангелии от Матфея, глава пятая, стих 34-й И когда солдат примет присягу, он должен исполнять в точности, что прикажут ему власти, подобные вам. На войне он должен убивать людей, безпрекословно, что мы считаем великим грехом. Убивать человека ни в каком случае не позволительно». — «А как же вы должны защищаться, когда нападут на вас враги?». — «Мы врагов не имеем никаких, как Христос и говорил: «Вы должны за врагов молиться». «Но я должен сказать вам, что здесь в дисциплинарном батальоне, за это очень строго спросится с вас, вы даже не сможете перенести этого, наказывать будут очень жестоко». — «Мы плотью своею не подорожим, пусть наказывают, но все таки будем просить Бога, чтобы он послал в наши сердца благодать Божию и облегчил чрез вас наше положение».

После этого он велел нас отвести в карцер на трое суток. После карцера был еще допрос и вторично нас заключили в

карцер на трое суток. И после этой отсидки ротный стал нас сильно просить, чтобы мы приняли ружья: «убивать здесь вы никого не будете и срок вы должны отбыть, а потом как хотите». И указывает на остальные роты наших братьев, которые были наказаны по тридцати ударов и приняли ружья. После этого мы силою были принуждены взять оружие с тем условием: «хотя вы вручаете нам оружие силою, но мы им не будем действовать». И так мы прожили некоторое время с ружьями, поджидая сбора всех своих братьев, которых всех должны были приобщить сюда. И тогда все мы будем действовать заодно, т. е. сдавать ружья.

Но за это время совесть наша очень нас мучила и не давала нам покоя, так что мы больше еще измучились душою и сердцем за свою слабость, больше чем если бы нас наказывали. И мы вновь собрались со всеми силами и опять заявили, что не будем служить.

15-го августа я почти всю ночь молился Господу, всяко как я знал, призывая его в помощь, чтобы он, милосердный, подкрепил мою плоть, даже к восприятию плотской смерти. После этого плотских противоречий у меня не было, о дальнейшей моей жизни и судьбе и я снова вступаю в это Божье дело.

Когда рота прибыла в цехауз за обмундировкой и ружьями, я также пришел в цехауз. Через пять минут рота была готова и становилась на дворе в строй. Взводный, фамилия Барцов, заметил, что меня нет в строю. Сейчас же приходит в цехауз, увидел меня без амуниции и говорит: «Что с тобой? Или ты заболел?». — «Нет, я всем здоров, но говорю вам: не желаю служить и не буду брать ружье». — «Ты что это опять вздумал, Малахов». — «Я вздумал послужить Господу». Он стал меня просить: «Не делай этого, прошу тебя ради Бога и стал объяснять, что «я через неделю буду увольняться и не хочу я видеть своими глазами, что тебя будут наказывать, не терпит мое сердце, когда моих друзей будут наказывать при моих глазах». И у него на глазах появились слезы. Действительно, этот Барцов был хорошей души человек. Он понял наше убеждение и всегда, хоть в сердце своем, сочувствовал нашему положению. Но я поблагодарил его за его хорошее

отношение ко мне и не согласился на его просьбу. Он вышел к роте и доложил фельдфебелю. Фельдфебель приходит ко мне и строго спрашивает: «Почему ты не берешь ружье?». Я ответил: «Не желаю обучаться убивать людей». «Я тебе приказываю, бери ружье, а то зубы повыбью тебе». — «Покорно прошу, не делайте этого надо мной, а лучше доложите об этом ротному командиру». Он стал еще сильнее шуметь, подбегает ко мне ближе, взял шашку и хотел меня ударить в зубы. Я сильно его просил: «Не делайте этого, ради Бога, и не накладывайте своей руки на меня, чем бы я поминал вас всю свою жизнь, а служить все равно я не буду и вы меня не заставляйте». Он топал ногами и шумел: «Я дисциплину исполняю и хочу тебя заставить служить». Я говорю: «Я хорошо знаю вашу дисциплину и по вашей дисциплине вы можете только меня освободить и доложить ротному командиру и вы будете свободны от греха. Он немного подумал и опять стал силою действовать со мной. Позвал артельщика и силою мне стали навязывать ружье, давать в руки, прислонять к груди и много он надо мной делал усилия. Но я ни на что не согласился и ничего не убоялся. И он меня выгнал с цехауза. Потом призвал Рылькова, который также отказался и обоих нас препроводили к ротному. Ротный стал нас упрашивать и говорит: «Что вы вздумали и зачем меня позорите? Во всех ротах все служат, а вы не хотите, за это мне полковник Маслов делает замечание». «Мы этого ничего не знаем и сами поступаем, как нам подсказывает наша совесть». — «А я вам должен сказать: вы двое ничего не можете сделать. Привожу вам пример: если будет ехать цельный поезд, а вы станете впереди и будете говорить, что мы его задержим, но вы должны знать, что поезд вас раздавит. Так и вы, идете против цельного государства и оно вас раздавит». Но мы говорим: «Все это до времени; когда настанет время, то этот поезд не сможет ничего сделать». — «Да, я хорошо знаю ваше настроение и вашу цель, но только это еще не во время. Когда настанет время, тогда и я не буду служить». Но мы ему говорим: «Время уже настало». После этого Покровский приказал фельдфебелю: «Отведи их в карцер». На второй день, в 10 часов утра Покровский пришел ко мне посетить меня. Я не ожидал его прихода и размы-

шлял о своей участи впереди. Как вдруг отворились двери. Он говорит: «Здравствуй, Малахов». Я отвечал: «Слава Богу». — «А что ты, не одумался ли?». — «Да, я одумался послужить Богу». — «А государю?». — «Государю нет, потому что он поучает убивать людей и я ни в каком случае не могу исполнить его требование». — «А ты знаешь, что у государя есть постановление закона, по которому за неповиновение могут подвергнуть жестоким наказаниям, даже и казням». Сказав это, Покровский зашел в карцер и сел на кровать. Приглашает и меня садиться. Я отказался садиться, так как все время сидел и желаю постоять и добавил ему: «Я не дорожу своею плотью настолько, чтобы из-за нее погубить душу, так как плоть все равно должна умереть, а душа должна обратиться в свое отечество, т. е. к Богу». Покровский говорит: «Прошу тебя, оставь все это и дослужи свой срок, а потом, когда выйдешь на свободу, можешь продолжать свое дело. А что вы нарушили солдатский строй и дисциплину, я это прощу и выпущу из карцера и начинай служить». — «Нет, я не могу этого сделать. Как и раньше вам говорил, так и теперь говорю, что не буду служить, потому что Христос отворил дверь и зовет меня к себе, предупреждая никуда не сворачивать с его пути, говоря: «меня гнали, будут гнать и вас за меня». Покровский на это серьезно подумал и сказал мне: «скажи пожалуйста, Малахов, кто тебя научил этому?». — «Учитель нам есть Христос», ответил ему я. — «Но я тебя прошу, скажи правду, кто тебя наставил на это дело?». Сам приподнялся с кровати и подходит ближе ко мне. Я отвечаю: «Истинно говорю вам, учитель нам есть Христос, а наставник дух святой». Покровский сказал: «Я теперь понял, что вы не от себя делаете и признаюсь тебе, я не могу вас наказывать, мое сердце не может терпеть этого. Поэтому я передаю ваше дело в батальонный суд, как они хотят, так пусть и поступают с вами». Выходит из карцера, и, прощаясь, говорит: «счастливого тебе оставаться, пошли тебе Бог, что ты желаешь». Затворил дверь и ушел.

На второй день было назначено следствие. В 10 часов утра вызвали меня и Рылькова к допросу. Допрашивали капитан Окинчес первой роты и капитан Бугаевский второй роты. Во-

просы и ответы были одни и те же, как и раньше и нас снова отправили в карцера.

На третий день, т. е. 17 августа повели нас в госпиталь к доктору Преображенскому, который сурово нас встретил и принес электрическую машину, которую сейчас же завел, сел в кресло и объяснил нам: «Вот я принес машинку и хочу узнать, насколько вы можете выдержать. Ведь у апостолов, когда их били, у них даже не оставалось никаких знаков, а вас, когда высекут, ваше тело так вздуется, как гора». Но я говорил на это: «Это вам только так кажется, потому что вы наказываете, но тем людям было больно, хотя и апостолам, но они с большой верой терпели до тех пор пока их не замучили до смерти. Так и до сих пор поступают хотя бы и с нами». Эти слова встревожили его. Он подскочил с кресла, близко подошел ко мне и спрашивает: «Ты знаешь Бога, где он?». — Я отвечал ему: «Бога никто нигде не видел, а кто друг друга любит, в любви Бог пребывает». Тогда доктор сильно рассердился и задрожал даже весь корпус его и он набрал полный рот слюней и прямо мне в лицо плюнул. Я за это поблагодарил его, достал платок из кармана, утерся. Он на это еще сильнее закричал, затопал ногами и крикнул: «марш отсюда!». Мы вышли. Конвойные привели нас в те же карцера и затворили двери. Машинка Преображенского осталась без последствий.

В 9 часов вечера на поверке последовал приказ по батальону, вычитали всем заключенным солдатам следующее: «Вчера в 10 часов утра, за отказ от военной службы преданы в батальонный суд Иван В-ч Малахов и Николай В-ч Рыльников и батальонный суд приговорил их к телесному наказанию розгами, по восьмидесяти ударов каждому». Это ужасное известие вечером же передали и нам. В этот вечер наши братья подходили к нашим карцерам и говорили нам, подкрепляя нас, обещались: «завтрашний день и мы поступим также», что и сделали, только не все. Ночь эта проходила как будто бы последняя ночь моего бытия. Так как я определял себя идти на верную смерть, так как было известно нам, что Духоборцев наказывали много сильнее, поэтому я не думал оставаться в живых и продолжать свою жизнь. Всю ночь провел я в мо-

литве к Богу, стоял на коленях, призывая Господа к себе на помощь и заочно мысленно прощался с матерью, папашей, братьями и сестрами, всеми родными и друзьями. Эта ночь была настолько велика, что я не мог определить, несколько раз ложился спать, чтобы скорее время проходило, но не прошло одной минуты, я опять вставал и также просил Бога не оставлять меня. Но плоть вздрагивала, а дух был бодр и не подавал вида уныния. Дождался утра. Прошла проверка. Фельдфебель приходит за нами. Первого взяли Рылькова, сделали наказание. После чего посадили в холодный карцер. Пришли за мной, взяли, привели меня к месту наказания, велели мне скинуть шинель, обнажить тело и ложиться. Но я этого ничего добровольно не сделал. Тогда они силою повалили меня на землю, обнажили тело, пять человек сели на меня и сильно придавили, двое сели на ноги, двое на руки и один на голову, даже стеснили мое дыхание. По приказанию засвистали розги в руках палачей, сначала вправо, потом влево и третий раз уже ударяют по телу и все равно как огнем обжигают. Послышался счет: раз, потом с другой стороны таким же приемом, два! и т. д. Чем дальше продолжались удары, тем больше они отражались. И так я чувствовал и помнил счет ударам до пятидесяти. После этого я впал в безчувствие и не помнил, не чувствовал, что со мной происходило, только плоть моя время от времени вздрагивала. Когда палачи закончили свое наказание, тогда меня подняли и фельдшер, как после говорили мне, вылил на меня ведро холодной воды. Я немного очнулся, глянул глазами и увидел — фельдшер отскочил от меня с порожним ведром. Я не мог сразу определить, где я был и что со мной и ровно меня из костра вынули, не мог я шевельнуться от боли. Крикнули на меня: «Надевай штаны!». Я хотел исполнить их приказание, но руки не действовали у меня и я остался недвижим. Два человека подошли ко мне и стали было надевать штаны, но они также ничего не могли сделать, потому что тело мое получило уже другую форму, было все вздутое, и эти штаны далеко мне негодились. И, надев на меня шинель, привели в карцер, привели к дверям, толкнули меня в холодный карцер и заперли двери. Я стоял, опершись в стену и не помню сколько мог стоять, у меня подломились но-

ги, я упал на пол. Пол был цементный и очень холодный, я стал вставать, но у меня не хватало сил, даже повернуться я не мог. Я думал о помощи, кто бы мне помогнул. Но все было напрасно, ее неоткуда было ожидать и я еще раз собрал все свои последние силы и на животе подполз к дверям, где нащупал удобное место взяться руками и стал подыматься, перехватывая за щеколду руками. С помощью этого я поднялся немного, приотдохнул и стал думать пройти по карцеру прямо. Но в то время я узнал, что левая нога моя без действия, боль все усиливалась, везде сочилась кровь, платье, смешанное с кровью, прилипало к телу и вызывало ужасную боль, так что не было возможности терпеть и я стал думать: на что меня оставили в живых на такое мучение, ведь я был недалеко от смерти, когда не чувствовал последних тридцати ударов и немного еще нужно бы добавить сверх этого и душа рассталась бы с телом. Это было бы завершением моего великого страдания. Левая нога у меня оставалась без действия потому что, как мне после объяснил взводный, что при ударах один палач, желая наказать меня больше, перевернул розги толстыми концами и по просеченным ранам ударял и повредил мне ногу, в розгах была заложена колючая акация, что после и подтвердилось: из наших ран выпали колючие акации. Спустя 8 часов пришел ко мне подполковник Маргунов с угрозами, неистово кричал: «Я тебя заставлю силою служить! Ты думаешь, я тебя сразу буду убивать, нет, я сначала буду кожу сдирать, а потом мясо и кошками буду жилы вытягивать из тебя до тех пор, пока ты станешь служить. Даже и мясо заставлю кушать. Сегодня тебе дали 80 ударов, а на завтра 90, дух в тебе будет держаться, а кожу и мясо всю сдеру, заставлю служить и убивать». Я ответил: «Убивать я ни в каком случае не буду, а если вы dokonчите мою жизнь за это Божье дело, я готов принять смерть». Он на это сильно озлобился и вышел из карцера. После того меня отправили в лазарет и там я находился 24 дня, излечивали мои раны. Такая жестокая история проделывалась надо мной, а также привлекали к такому наказанию всех моих товарищей.

Дорогие читатели. Мало того, что правительство мучило нас этой жестокой историей, кроме нее нам надоедал еще поп.

Он часто приходил к нам и всяческими манерами увещевал, даже обольщал всякими неправдами, чтобы мы отстали от учения Христова, подчинились бы требованиям правительства по этому делу. Мы с ним много говорили, даже обличали его как искусителя. Чего в этой истории не помещаем, так как предки наши давно уже уклонились от попов и это для нас не новость, и он, этот поп не заслуживает, чтобы записать в эту историю его имя.

После этого нам, т. е. всем Духоборцам, находящимся в дисциплинарном батальоне, назначили допросы, повторялись они до трех раз, каждый допрос повторялся через неделю. На первых двух допросах нас также как и раньше, много пугали и угрожали. Но на третьем допросе нужно было сказать только два слова на вопрос будешь убивать людей или нет. Всех нас было 41 человек, из которых семь человек согласились на их предложение и остались в батальоне. Все остальные 34 человека сказали: не будем убивать людей. И после того 25-го ноября 1896 года нас выслали в Якутскую область на весь срок службы, т. е. на 18 лет.

Богу нашему слава.

Дорогие читатели этого ужасного события! В исходе 19-го века от рождения Иисуса Христа, для некоторых из вас такое писание может быть, мало заслуживает внимания, так как в нем была стойкость и послабление. Но мы должны строго принять во внимание всю суть дела, которая выпала из их долю.

Когда собираются две противоположные стороны и, узнав свою силу, объявляют друг другу войну, то и в этой сто- тысячной силе бывают наступления и отступления. Иногда ка- кая либо сторона с умыслом дает отступление и выбирая слу- чай, побеждает наступающих; или же просто не хватает силы и она делает отступление, ожидая, когда подоспеют новые полки. Можно это применять и к Божественному делу. И так как человек состоит из тела и души, то, следовательно, в нем идет страшная борьба: тело требует одно, дух же требует дру- гое. И кто же это стал сражаться против стовосьмидесяти мил- лионного населения русского государства? Это были моло-

дые юноши 21 и 22 летнего возраста, которые в жизни своей не были испытаны и в малом. Это были побеги того дерева, которому наступил 20-й век. Это были дети молодости, которые кроме мамы и папы почти ничего не знали. И им то нужно бы- ло выйти на поприще, на поле сражения с такой сильной раз- яренной толпой, как русское государство и нужно было пере- нести все эти истязания. 200 лет назад, предков наших, кото- рые не хотели поклоняться изделиям рук человеческих, а со- знавали и поклонялись отцу Богу в духе истины, также жесто- ко мучили и всячески наказывали. Были примеры, до смерти засекали, так что жизнь их кончалась. Так и эти юноши, они сделали очень многое и великое, и еще бы немного, если бы эти палачи по приказанию властей дали бы несколько ударов, то и они умерли бы такою же смертью, как умирали наши предки. Слава Богу в вышних, мир на земле и благоволение в челове- цах! Слава Господу всей вселенной за его назидание и покрови- тельство, а также и всем этим юношам и борцам за истину приносим великую благодарность. Они пробили адскую дверь, сами вышли на свободу, а также эту свободу оставляют и за всеми нашими поколениями. Кто чувствует это Божественное дело и призвание его, тот и не должен отставать от него.

**Вот список Духоборцев,
отказавшихся от воинской повинности,
которые находились в дисциплинарном батальоне.**

1. Григорий Иванович Сухарев	14. Ларион Иванович Щукин
2. Кирила Николаевич Чивильдеев	15. Дмитрий Астафуров
3. Василий Шерстобитов	16. Григорий Николаевич Веригин-Орехов
4. Григорий Ванин	17. Федор Иванович Плотников
5. Матвей Васильевич Лебедев	18. Петр Сафонон
6. Иван Васильевич Малаков	19. Петр Федорович Салыкин
7. Федор Акимович Хаминов	20. Петр Степанович Кинякин
8. Николай Васильевич Рыльков	21. Иван Чутсков
9. Никифор Николаевич Сахвонов	22. Степан Рыбалкин
10. Федор Петрович Самородин	23. Алексей Махортов
11. Николай Иванович Рыльков	24. Федор Николаевич Малов
12. Григорий Савельич Зибаров	25. Николай Сухачев
13. Михайло Арищенков	26. Александр Гратчин

27. Иван Куфтинов	35. Романов
28. Алистрат Баулин	36. Цибулькин
29. Данило Зымовский	37. Николай Куфтинов
30. Лукьян Федорович Новокшенов	38. Николай Фофанов
31. Кузьма Николаевич Пугачев	39. Щукин
32. Семен Семенович Усачов	40. Подовинников
33. Филипп Попов	41. Николай Васильевич Шербаков
34. Михайло Щербинин	

Из них умерло 9 человек:

- 1-й умер Михаил Щербинин в дисциплинарном батальоне.
- 2-й умер Федор Самородин, в московской тюрьме.
- 3-й умер Александр Гритчин, в челябинской тюрьме.
- 4-й умер Иван Куфтинов, в красноярской тюрьме.
- 5-й умер Лукьян Федорович Новокшенов, в городе Якутске.
- 6-й умер Федор Акимович Хаминов, в городе Якутске.
- 7-й умер Василий Шерстобитов, в г. Якутске.
- 8-й умер Иван Чутсков, на Ноторе.
- 9-й умер Федор Николаевич Малов, на Ноторе.

Все они умерли от побоев и других насильственных причин.

ГЛАВА XIX.

Высылка в Якутскую область. Описание этапного пути до Нижнеудинска.

Нас продержали в тюрьмах: в Карской тюрьме и Мехетском замке начиная с 10-го июня 1895 года и по 22-го июля 1897 года. Когда находились в Карской тюрьме Верещагин и брат Василий, то к ним приезжал из Петербурга член, который производил дознание Духоборческого движения, а также много производили дознания местный ротмистр жандармов Астафьев и товарищ прокурора Степанов. В Метехском же замке никаких дознаний не производилось, кроме посещения Скворцова.

4-го июля вычитали нам решение сената и по указу Николая А-ча Романова, выслать нас в восточную Сибирь, в наиболее отдаленные места, в Якутскую область и поселить между инородцами, безсрочно и под надзор полиции.

22-го нас выслали из Мехетского замка по железной дороге, по направлению к Баку. На станциях Акстафе, Дзегами и Евлах пришлось много видеть родных, братьев и сестер, которые выезжали попрощаться, хотя и мало пришлось видеться с ними, потому что поезд на станциях стоит совсем мало. Да к тому же мы были под конвоем: солдаты то и дело кричали: «Не смотреть в окошки!». Но все таки нам удалось немного поговорить и сказать может быть уже в последний раз прощайте. На этот прощальный привет сыпались десятки голов со слезами наших родных с пожеланиями здоровья и счастливого пути на далекую Восточную Сибирь. «Да хранит вас

Братья, бывшие в дисциплярном батальоне. Жены и дети прибыли к нам после, свободно

во всем Господь Бог. Просим, не забывайте нас!». И поезд тронулся.

Таковые прощальные слова наших родных затронули наши сердца и у нас на глазах незаметно появились слезы, но мы переглянулись друг на друга и как бы не подавая вида слабости, сейчас же переменяли образ вида и заговорили: «Как поезд быстро мчится».

В Баку прибыли 23-го утром. Когда мы слезли с поезда, нас присоединили к нашим братьям, которые содержались в Нухинской тюрьме Елизаветпольской губ. Их также препровождали в Сибирь. Всех нас собралось 36 человек, в том числе было наших четыре брата: Иван, Федор, Лукьян и Прокофий. Всех нас, родных братьев стало шестеро. Из вокзала нас отправили в пересыльную тюрьму. Тюрьма от вокзала в 7 верстах. Проходя этот промежуток, мы немного приморились, июльская знойная жара палила и сильно мучила жажда.

По прибытии в тюрьму, смотритель оказался хорошей души человек. Сейчас приказал разместить нас в отдельные камеры. Мы заняли три камеры. Он велел согреть кипятку, а нам предложил, ежели пожелаем, идти в море купаться. Мы так и поступили, т. е. сходили на купанье и, пришедши, выпили чайку и вполне ободрились.

Из Баку отправили нас 1-го августа пароходом, через Каспийское море до Астрахани. Нас всех поместили в трюм, где было очень тесно и невыносимая жара. На второй день нашего плавания мы прибыли в город Дербент. Становилось уже темно и пароход немного постоял и тронулся. Вместе с отходом подул сильный южный ветер и к полночи разыгралась сильная волна, пароход бросал из стороны в сторону, как маленькую лодку. В трюме была полная тишина, хотя каждый не спал и от страха каждый, притаясь, ожидал своей участи, которая поминутно грозила смертью. На рассвете дня ветер понемногу стал затихать и к полдню совсем затих. По несвычке к морскому плаванию и от такой ужасной качки пришлось всем переболеть морской болезнью. 4-го прибыли к пристани, так называемой «12 фут». Там нас пересадили на речной пароход и 5-го утром прибыли в Астрахань, благополучно, слава Богу. Тольк братец наш Лукьян, его сильно замучило на мо-

ре и он заболел. В Астрахани нас пересадили на другой пароход и 5-го же вечером мы тронулись по реке Волге до Казани. Здесь на пароходе разместили нас очень хорошо. Сопровождающий нас конвойный офицер был очень хороший человек, разрешил нам отдельно готовить пищу для себя, всякой провизии выдавал вволю, даже собралась экономия.

По берегу реки Волги часто встречаются русские крестьянские села, которые напоминали нам родину и родных наших, от которых нас увозят все дальше и дальше. Братец наш Лукьян в-ч все не оздоравливал, а сильнее заболел, у него стал сильный жар и он находился в бреду, судьба его роковая не позволяла ему более с нами ехать. Офицер, видя его болезнь, предложил нам оставить его в больнице, в городе Камышине, Саратовской губ. Мы попросили офицера, чтобы с ним остался кто либо из братьев. Он разрешил. И, когда пароход причалил к берегу, его сняли с парохода и мы с ним распрощались навсегда на берегу реки Волги. Конвойные солдаты уложили его в телегу, он уже был в безсознательном состоянии и повезли в тюрьму вместе с братом Прокофием, который остался его присматривать. Так судьба нас раз'единила там, где мы и не ожидали, и раз'единила навсегда. Больной наш братец в скором времени умер. Это было 8-го августа 1897 года. Брат похоронил его и с другим этапом его препроводили вслед за нами. Он догнал нас в Красноярске. В Саратов прибыли 8-го, в 10 часов утра. Пароход стоял на пристани до 10 часов вечера. Затем тронулся и 9-го прибыли в город Вольск, где была высадка арестантов и пароход стоял не более двух часов. 10-го утром прибыли в Самару, где пароход стоял до двух часов. Не доезжая до Казани, 60-ти верст в Волгу впадает река Кама и нам пришлось из Казани воротиться назад и потом уже ехать по Каме до Перми. В Казани нам была пересадка. Пересадили нас на другой пароход и поместили на баржу. Проезжая по Каме встретили первый город Чистополь. 14-го проезжали город Сарапуль, 17-го утром проезжали уездный город Аханск и в 12 часов дня прибыли в Пермь. В 2 часа дня была пересадка с парохода на машину и в пять часов вечера тронулись по железной дороге через Уральский хребет до Тюмени. В Перми еще оставили одного брата по бо-

лезни Николая Т-ча Чернова. Для присмотра его конвойный офицер не позволил никому с ним остаться и он в скором времени умер там. 18-го переезжали Уральский хребет, где был уже мороз. 19-го пополудни переезжали мы из России в Сибирь. Граница между Россией и Сибирью находится между станциями Юшала и Тугалым. Там поставлен большой столб с надписью на доске: Россия и Сибирь. С въездом в Сибирь местность стала получаться все лучше и лучше, хлеб, как видеть, очень хороший, сеют большею частью пшеницу, рожь, овес, гречиху. Рост хлеба средний, но очень густой и колос крупный. Сеют также коноплю и лен, они хорошо созревают. Во время нашего проезда, жители занимались уборкой ярового хлеба, а озимой был уже убран. Хлеб жнут серпами и жнут больше женщины, а мужчин почти что не видать. По рассказам одного человека той местности, мужчины большею частью проводят жизнь на заводах и рудниках, свыкаются с этой жизнью и не живут дома, а женщины сами управляют хозяйством. По пути встречаются села этих жителей, как видать, живут не бедно, но и не так богато. 19-го вечером прибыли в Тюмень, где нас ссадили с поезда и препроводили в пересыльную тюрьму. При приемке тюремная стража производила тщательный обыск всех арестантов. Но нас несколько не обыскивали, а только спросили: «Вы из Духоборцев?». Мы ответили: «Да». Смотритель велел всех нас отделить от партии и дать для ночлега отдельную камеру и старший надзиратель повел нас в эту камеру. В камере, конечно, отдельного ничего не было, все было как и у всех, но разница была та, что шуму и крику у нас не было, как это бывает с другими арестантами, а это уже много значило. Подали нам кипятку для чая. Мы выпили и легли спать.

Я не объяснил, почему на нас обращали особое внимание; не только здесь в Тюмени, но и везде, где только возможно было, делали нам снисхождение. Это потому, что раньше нас следовали этим путем 31 человек наших братьев, о которых читатели уже знают. Они следовали из дисциплинарного батальона в Якутскую область. В дисциплинарном батальоне их было 34 человека и они успели уже потерять на пути трех человек: кто в больницах в разных местах, кто в пересыльной

тюрьме умер, кто от побоев солдат в дисциплинарном батальоне. Теперь их осталось 31 чел. и они зимовали в Тюмени. Смотритель видел их честность и добродушие. Они исполняли всякие работы беспрекословно и за такое короткое время они заслужили большое доверие со стороны тюремной администрации не только к себе, но и к остальным всем, следовавшим за ними.

На другой день вечером нас препроводили из тюрьмы на пароходную пристань и поместили на баржу. Пароход оставался на пристани до утра и в 9 часов утра мы тронулись в путь, по реке Туре. Это было 21-го августа. В Тобольск прибыли 22-го. Пароход стоял три часа. За это время мы запаслись продуктами, взяли хлеба и картофеля, масла и круп. Для варки пищи нам выдавали карманные. Хлеб белый пшеничный покупали за пуд один рубль, картофель за пуд 15 коп., масло коровье хорошее 20 коп. фунт., гречневые, хорошие крупы за пуд 1 рубль и вообще все недорого. Мы запаслись продуктами потому, что начиная с самого Тобольска и до Томска не только городов, но и сел мало встречается и, если не запастись из Тобольска продуктами, то пришлось бы голодать или, если где и можно достать, то очень дорого. По берегу реки встречалось много Остяков, которые живут в юртах, по две, три и пять юрт вместе. Юрта — это небольшой шалаш, покрытый березовой шкурой, занимаются они, по обычаю своих предков рыболовством и звероловством. При остановке парохода для грузки дров, у пристани всегда бывают Остяки. Мужчины привозят в лодках рыбу и продают, а женщины, хотя это бывает редко, иногда приносят сносики*), молоко, и картофель. Картофель они стали добывать сами своим трудом, раньше этого не было. Они вроде Инородцев или же Инородцы и есть, но все они, каких ни приходилось встречать, хорошие люди и многие говорят по русски.

В Томск прибыли 30-го благополучно, слава Богу. Из Томска выехали 1-го сентября по железной дороге до Красноярска. В Красноярск прибыли 4-го утром. Из поезда нас препроводили в пересыльную тюрьму, где пришлось ожи-

*) Яйца.

дать отправки этапа до 17 сентября. По случаю задержки этапа брат наш Прокофий, который оставался для присмотра брата Лукьяна в городе Камыше успел застать нас в Красноярске. 17-го отправили нас также по железной дороге до Канска. В Канск прибыли 18-го вечером и, переночевавши в этапе, утром отправились уже пешим путем по направлению к Иркутску.

Партия была в триста человек. Арестанты были из всех сословий. Под вещи дали подводы, а также для больных и старичков, которых доктор свидетельствовал, и кому нужно, всем были даны подводы. Первые две станции было хорошо итти. Погода стояла сухая и дорога была хорошая. На второй станции была дневка. Цельный день шел сильный дождь, а ночью к утру выпал снежок и сделалась большая грязь. Таковой путь продолжался до Нижнеудинска и обошелся не без страдания. Всего случалось. После двухлетнего содержания в тюрьмах и по несвычке к пешему пути, итти было очень трудно. Конвойные солдаты исполняли свою грубую дисциплину: сбоку дороги не позволяли итти, а там можно бы свободнее пройти, но они заставляли итти по дороге, по которой не только итти, но на которую страшно было смотреть. Когда приходилось умариваться до сильной усталости, солдаты не обращали никакого внимания на просьбы, вдобавок еще ругали, а иногда и толкали прикладом ружья и все таки заставляли итти.

Выбившись из последних сил, приходишь на этапный двор. Всю партию останавливают около ворот и начинается счет арестантов. В нашей партии было 325 человек арестантов. Этот счет производился час, а иногда и дольше. Выйдет ошибка и опять вновь счет. После этого растворяют ворота и впускают в этап. В это время каждый арестант, собрав свои последние силы, тискается вперед, захватывает себе место для ночлега. Иногда, а это бывало часто, в такой свалке и тесноте, человек даст оплошку, спотыкнется и упадет и через него тогда наваливаются горы, ни на что не смотрят, потому что сзади такое давление, что передние только ноги убирай. Иногда в такой свалке задние вперед попадают на место. Заходишь в этап. Ни к чему приступу нет. Везде

сырость, а тут еще и грязи понесли на ногах, хоть отбавляй. Надо размещаться и занимать место для ночлега, а где оно! Его уже нет. Кроме нас, почти все другие были русские, так называемые православные и много из них таких, которые проходили этим путем по несколько раз, все обиходы знают и распоряжаются на этапах, как у себя дома. Солдаты запирают двери и уходят в свое помещение. Через несколько времени солдаты снова отпирают двери и все арестанты выходят покупать хлеб и другое что из провизии. Сюда же, в этапный двор, сельчанки - крестьянки, зная приход этапа, приносят для продажи хлеб, картофель, иногда и молочка. Если есть у кого денежки, то возьмут и молочка, человека на 4 бутылочку, а если нет, то обходятся и без этого. Кормовых выдают 10 коп. в сутки на человека: что хочешь на них, то и купи. Хлеб ржаной три коп. фунт, пшеничный 5 и 6 коп. за фунт. Это еще хорошо, когда сельчанки хлеба вдоволь принесут, а иногда село бывает очень маленькое и хлеба вдоволь негде купить. Скажешь конвойному, что вот хлеба не хватило взять, он ответит: на следующем этапе, там село будет большое, будет всего вдоволь и тем заканчивается и проходит, как будто он тебя во всем убоготворил и надо ночевать без хлеба и завтра цельный день итти до следующего этапа. Вот как заботятся об арестантах.

Особенно на долго у меня останется в памяти путь до станции Бирюса. Эта станция на расстоянии 34 верст. Не доходя верст пять до станции, течет большая река Бирюса, через которую арестантов перевозили на карбусе. Так как карбус был небольшой, то нас перевозили в два раза. Нам пришлось переехать в первой партии, и, пока перевезли вторую партию, нам пришлось ждать ее. Негде было и отдохнуть от усталости, кругом сырость и невылазная грязь. Шел сильный дождь, солнце склонилось за горы и начинало темнеть. Снаружи чувствовался холод, а внутри появлялся голод. И когда тронулась партия, то ноги отказывались итти до назначенного им места. Мы уже не обращали внимания на крик конвоиров, сколько бы они ни кричали, чтобы мы не отставали. Василий Григорьевич Верещагин, видя свою усталость, а также усталось всех братьев, сказал мне: «Гриша,

попроси конвойного офицера, ежели возможно, пусть он поместит нас в отдельное помещение, чтобы можно было отдохнуть от усталости. При большом этапе находится отдельное небольшое помещение, человек на 25 или 30». Это помещение предназначается для людей, которые возвращаются из Сибири на казенный счет, не имея своих денег и при встречах на этапах их и помещают в это отдельное помещение. Офицер объяснил мне, что это помещение будет тесно для нас, но я сказал: это ничего, теснота нам не мешает, лишь бы у нас не было шума и крику. Просьба моя была уважена офицером и по прибытии на этап, нас поместили в это помещение, где мы без всякого шума и крику поужинали и улеглись спать. Господь всегда хранил нас и в таком положении посылал здоровья и благополучия. Утром всегда приходилось вставать рано для приготовления снова к отходу и у нас, по милости Бога, вчерашней усталости и боли мало чувствовалось и мы снова вступали в путь бодрыми, воздавая славу Богу.

ГЛАВА XX.

Продолжение этапного пути. Последние слова и смерть Василия Г. Верещагина.

Таковой трудный путь, как я уже сказал, продолжался до Нижнеудинска. Нижнеудинск — это уездный город, отстоит от Канска на тридцатой станции. В Нижнеудинске мы оставались двое суток. На третьи сутки этап вышел. Было идти лучше и легче, выпал небольшой снежок и начались морозы. 2-го ноября прибыли в Александровскую пересыльную тюрьму, слава Богу, благополучно. Пешим путем всего прошли 45 суток, включая и дневки. Верст же прошли более 800. В Александровске нас поместили в центрально - пересыльную тюрьму, мы следовали на распоряжение Иркутского генерал - губернатора. Иркутский же генерал - губернатор распорядился отправить нас в Якутск, на распоряжение Якутского губернатора Скрипицина. В Якутск отправка арестантов прекращается с августа месяца. Поэтому нас задержали на зимовку в Александровске. Смотритель тюрьмы, человек хороший. Недели две мы находились в общем бараке, где помещается 120 человек, а потом смотритель поместил нас в отдельный барак, занимавшийся раньше политическими, где мы уже чувствовали себя свободно и хорошо, где мы даже совершали литургийные собрания по воскресным дням.

Вскоре после нашего прибытия посетил всех арестантов инспектор Сипягин, которому мы объяснили, что мы не употребляем в пищу мяса по своему убеждению и просим раз-

решить нам готовить пищу отдельно. Он обещался: как приеду в Иркутск, сейчас же сделаю доклад генерал - губернатору. И в скором времени нам разрешили готовить отдельно пищу. Указали на отдельный котел и мы назначили двух человек, которые заведовали этим делом. Все продукты, вместо мяса выдавали деньгами, на которые мы покупали коровье масло. Так как казенного выдавалось всего мало, то нам разрешали ходить на базар в неделю раз с дежурными и мы покупали на свои деньги все, что нам было нужно и добавляли в приварок. А с одним казенным было бы очень трудно. Вот например какая выдача ихних продуктов: круп выдают на человека 10 золотников, соли ползолотника, картофелю четверть фунта, луку ползолотника, перцу на 45 человек один золотник, на масло выдают денег полторы копейки на человека и что же на все это можно приготовить! Кроме того еще соблюдались в тюрьме какие то религиозные посты. Это проделки духовенства, попов. В среду и пятницу соблюдались посты. На эти дни выдавали провизии: четверть фунта гороху и полтора золотника постного масла на человека. К такому правилу и нас присоединили, хотя мы им раз'ясняли, что мы таковые посты не соблюдаем и для нас они бесполезны и даже вредны. «Мы убеждения не вашего, говорили мы им, чтобы верить, что можно получить спасение через эти посты. Наше убеждение такое, что получить спасение возможно только тогда, когда будем исполнять волю Божию». Но они на это нам говорили: «Хотя вы и убеждены, что не надо соблюдать таковые посты, но вы должны подчиниться общему правилу тюрьмы». В день же великого праздника Светлого Христова Воскресенья всем арестантам выдавали пасху и сноски и таковая сумма, на которую бралось это, была прислана из тюремного комитета. Но нас почему то из этого общего правила исключили, ничего нам не дали и сказали: «Вы как сектанты и вам этого не полагается». Смешное дело: в постах, говорят нам, вы должны подчиниться общему правилу» коснулось же пасхи и сносок, нам говорят: «вы, как сектанты и вам этого не полагается». Значит и выходит: у сильного всегда безсильный виноват.

В январе месяце 1898 года к нам в Александровскую

тюрьму прибыл еще Иван Е-ч Конкин с женою Варварой В-ой и больной дочерью из города Мезень Архангельской губернии и одиннадцать человек молодых из дисциплинарного батальона Екатеринграда. Иван Е-ч уже известен в моей записи. Он был выслан из Славянки в город Мезень. К нему приехала добровольно в Мезень и жена его с дочерью. Проживши там некоторое время, они были заподозрены правительством в том, что они стали совращать людей в сектантство, о чем было донесено министру внутренних дел и он распорядился выслать их в Якутскую область. Жена его Варвара, теперь уже не добровольно следовала за ним. Ее также обвинили и она высылалась как преступница. Такому неожиданному свиданию мы все были очень рады и зажили вместе.

Двое из братьев в Александровской тюрьме волею Божией скончались. Первый скончался 28-го марта Ларион Л-ч Планидин 22 лет. Он призывался к отбытию воинской повинности, но по учению Христа не согласился отбывать ее. Он также, как и все, ссылался в Якутскую область. Вторым умерший скончался 13-го апреля. Это был уже пожилой человек 60-ти лет, Василий М-ч Конкин, из села Славянки.

В Александровске мы пробыли до 3-го мая, когда нас отправили в Якутск. Сопровождавший партию, конвойный офицер, инородец из Бурят, по фамилии Орлов, был с грубым сердцем и дурным характером. Всегда, почти ни за что, ни про что придирался и сквернословил неприличными словами, зачастую приказывал солдатам бить арестантов прикладом ружья. С нами хотя он этого и не делал, но все таки поступал недобросовестно. Первый его нехороший поступок был, когда в Александровске нашу партию вызвали к отходу. Он не хотел принять наши вещи на подводы и говорил: арестанту полагается только 30 фунтов на человека, а остальное куда хотите, туда и девайте, если хотите, можете нанять от подрядчика две подводы, он вам и доставит. Мы на это ему сказали: раз мы арестанты и проследовали уже такой далекий путь и нигде нам из за вещей не было препятствия, а теперь ты нам предлагаешь нанимать подводы. Нанимать подводы мы ни в каком случае не будем, потому

что не на что, а если ты имеешь право не взять наши вещи, — то твое дело». За это он немного рассердился, но в конце концов все таки принял вещи.

Две станции шли пешком, а остальные уже до Качуги все арестанты ехали на подводах 200 верст. Партия состояла из 310 человек. На этапах было очень тесно. Но, благодаря хорошей сухой погоде, мы всегда спали на дворе на открытом воздухе, под крышей синего неба.

В Качугу мы прибыли 9-го в 12 часов дня, благополучно, слава Богу. Расположили нас на берегу реки Лены, с восточной стороны служила оградой Лена, с западной же стороны был караул конвойных солдат и еще был добавлен караул из крестьян ближайших сел. Ночью разводили большие костры огня и всю ночь шла переключка одного другому, чтобы не уснуть...

С Качуга до Якутска мы должны были плыть по реке Лене на паусах, и, так как эти пауски не были еще окончены до нашего прибытия, то мы и оставались до 13-го числа на том же берегу, под открытым небом.

До Качуги каждому арестанту выдавались кормовые деньгами. Из Качуги же Орлов должен был заготовить всяких продуктов до Якутска: мяса, сухарей, круп и соли и выдавать уже по определенному положению. Мясо бралось и на нас, а нас было 46 человек. Мы заявили Орлову: «так как мы не употребляем мяса, то на эту сумму, что приходится на нас, возьми для нас скоромного масла». Он ответил: «я этого не могу делать, потому что мне об вас отдельного предписания не было и вы должны брать мясо». После этого мы написали телеграмму Иркутскому генерал-губернатору. Телеграмма была такого содержания: «В Иркутск, Генерал-губернатору. Вам уже известно, что мы по убеждению не употребляем мяса, просим разрешите выдавать нам карманными деньгами. Духоборцы». Эту телеграмму Орлов не принял и закричал: «я вас всех закую в кандалы!».

12-го вечером отделились пауски и нас, т. е. всех арестантов, поместили на паусок. Продукты выдавались на 10 человек сразу. С каждого десятка назначается один человек, который идет получать, что следует или вернее сказать,

что дадут. Из нашей партии пошло пять человек. При раздаче присутствовал сам Орлов. Когда очередь дошла до наших, им также стали выдавать мясо. Они не приняли и сказали, что мы раньше об этом заявляли Орлову, что не будем принимать мясо. Он осердился и стал всячески ругать нас и закричал: «конвой сюда!». Но на зов его конвой почему то не явился. Наверно, он раньше предупредил его, а нас хотел этим напугать. Но, когда увидел, что наши нисколько не боятся ни его, ни конвоя, то и выдал масла по расчислению сколько приходилось. И до самого Якутска больше уже не придирался к нам.

13-го утром с милостью Божией тронулись в путь, по течению реки Лены, на этих вышеупомянутых паусах. Паусок сделан вроде убогой хижинки. Снизу крепко основан на брусках, по бокам же обит вершковыми досками. Внутри по обе стороны устроены нары, посередине оставлен очень узкий проход ко входу. Крыша покрыта шелевками. Арестанты помещаются под нарами, на нарах, а можно и на крыше. Длинною паусок 16 аршин, шириною 7 аршин. И вот в этой убогой тесной лачушке помещается 120 человек с конвоем. Паусок окон не имеет, но зато есть большие щели в боках, через них свободно можно видеть все, что происходит на берегу. В носу у пауска устроено место для варенья пищи и чая, там постоянная толкотня, шум, крик, зачастую и рукопашный бой из за опрокинутого нечаянно котелка. На крыше пауска устроен большой руль. Этим рулем кормчий направляет куда нужно. Кормчий должен быть опытный и должен знать фарватер реки, а иначе паусок будет попадать часто на мель. В носу около очага устроено два больших весла, которыми работают в опасных местах шесть человек, а то при быстрине можно удариться об скалу и паусок разобьется. Гребцы рабочие из арестантов, по очереди. Им платится 70 коп. в сутки каждому. Всех паусков было четыре. На трех паусах помещались арестанты с конвоем, четвертый же был с продуктами, на нем помещался Орлов.

Этого же числа вечером прибыли в уездный город Верхолениск, где версты полторы пониже городка причалили к берегу на ночлег. Туда к нам приходили из города для сви-

дания 6 братьев и 3 сестры с мальчиком, Федосеев, Лежава и другие. Они сосланы на время по политическому делу. Близкого свидания с ними Орлов не позволил, но мы все таки поговорили хоть немного, объяснили сколько нас человек. После переговоров они подали нам две головы сахару и 10 фунтов чаю. Мы поблагодарили их за это. Они пожелали нам счастливого пути, распрощались и ушли.

В уездный городо Киренск прибыли 26-го, там оставались трое суток для закупки сухарей и другого. Там по болезни оставили трех братьев: Василия Г-ча Верещагина, Петра Ф-ча Дымовского и Федора А-ча Рылькова. Первые двое сильно больные, а Рыльков, как брат во Христе, остался для присмотра их. Там в больнице скончался Василий Г-ч 8-го июня 1898 года. Помяни его Господи, когда придешь, во царствии небесном. Дымовский же поправился и с Рыльковым прибыли в Якутск.

Находясь в тюрьме, Василий Г-ч никогда не болел. Он был здоровый мужчина, телосложения стройного, характера был мягкого, обладал большим умом, говорил всегда с расстановкой и утвердительно. В своем поступке считал себя правым и готов был жертвовать собой за истину, которую открыл нам Христос. И пострадал за нее. Пройдя этот путь пешком от Канска до Александровска, он ни разу не сел на подводу. Доктор, глядя на его здоровье, не дал ему свидетельства для подводы, хотя ему было за 60 лет. Когда пришли в Александровск, он почувствовал себя больным, но сразу не пошел в больницу, думая, что это от тяжелого пути и само собою пройдет. Месяц спустя боль все увеличивалась, боль была в правом боку и был сильный кашель. Он пошел в больницу, пробыл там с месяц. В больнице ему надоело, и там, можно сказать, особенного ничего не делали, досмотр был плохой, доктора относились к своему делу неусердно, лишь бы отбыть очередь. Наверно, по принятому обычаю, в арестанте они не видели того человека, который живет на свободе. В этом именно большая ошибка докторов, так как они призваны помогать и облегчать положение человека, кто бы он ни был. Не надо забывать, что жизнь каждому из нас один раз только дается и всякий ею дорожит и, следовательно,

но, где бы можно было помочь, нужно помогать, а иначе это выходит нерадение к своему делу, к которому он призван. Он выписался из больницы и пришел как будто бы бодрым и говорит: «теперь мне полегчало». Понятно, пробыть с месяц в больнице, выйти из нее и говорить, что мне похужало этого нельзя, и в силу необходимости человек только бодрит себя. Но болезнь делала свое дело, через малое время он стал все таки слабеть и когда партия была назначена к отходу, он уже был сильно болен, но пока силы были, не хотел с нами расставаться и кончать свою жизнь в Александровской тюрьме, и вступил с нами в путь: может думал, что сил у него хватит до Якутска, где он освободится от этих тюремных уз, а там, если бы и пришла смерть, то человек лучше ее примет, зная, что братья о нем позаботятся и померет он при своих братьях, которые о нем даже поплачут и похоронят там, где захотят. В пути до Качуги он сильно страдал, хотя ему была дана подвода с самого места. Но больному человеку ехать на таких подводах, на каких возят арестантов, еще хуже, пожалуй, чем без подводы. На паусах ему лучше было и некоторое время он даже стал бодреть: это всегда бывает, когда приближается смерть. Один раз сидим мы с ним вместе и разговариваем про переселение наших в Америку. Мы уже получили известие, что им разрешают переселяться за границу. Он говорит: «Вы молодые люди, может вам еще суждено будет быть в Америке, но мне наверно не придется быть в ней. Гриша, я все таки чувствую себя неловко и однако я должен скоро умереть». При таких его словах я прослезился, но он опять стал говорить: «ведь это ничего, плотию все мы должны помирать, но дело в том, что дух, живущий в нас, который мы принимаем через второе рождение свыше от духа свята, он должен возвратиться в свое начало. Это начало и есть та сила, которая содержит все. В этом и заключается вся суть нашей телесной жизни, чтобы присоединиться к этому началу и жить вечно. А что плотию мы нарождаемся и опять сменяемся, в этом также выражается воля Божия, пред которой человек не должен зазнаваться и удаляться от своего начала. И так, если я умру, а тебе суждено будет видаться с моими родными, то всем им передай мое душев-

ное пожелание и скажи им, пусть не горюют обо мне, что я помираю не там, где хочу или бы где желали мои родные, но нам не надо забывать, что мы страдаем за истину и где бы ни застала нас смерть, мы должны без ропоту подчиниться ей и принять как вестника утренней зари, за которой появляется и солнце. Ведь это лишь одни наши плотские желания, когда мы отвергаем или страшимся смерти. Бог ведь лучше нас знает и делает то, что нужно». И так много еще он говорил, уверяя меня, что пред таким переходом не надо смущаться кому бы то ни было.

Но мне все таки искренно было жаль его, что мы расстанемся и расстанемся навсегда в этой жизни.

5-го проезжали уездный город Алекму. Там пауски стояли около пяти часов. Алекма небольшой город и завидного почти что ничего нет. Но все таки в сравнении с другими сибирскими городами немного выделяется как постройкой, а также и дешевизной хлеба и всех продуктов. В Алекме живут часть скопцов, которые занимаются хлебопашеством и сажают разного рода овощи, как для себя, а также и для продажи. 10-го июня, в 6 часов вечера прибыли в город Якутск благополучно, слава Богу. По прибытии нас сейчас же высадили из паусков и препроводили в пересыльную тюрьму, где конвойный офицер сдал всех нас смотрителю тюрьмы. Такая сдача заняла времени часа четыре. Всех арестантов вызывали по спискам. После этого смотритель распорядился поместить нас в отдельную камеру, где мы вполне расположились хорошо и вот уже чувствовалась свобода.

На второй день пришел в тюрьму помощник губернатора, всех нас вызывал по спискам и спрашивал какое ремесло знаете, а затем пришел сам губернатор Скрипицын и тут же объявил нам место жительства. Всех братьев, с которыми мы следовали, определили поселить так: тех, которые следовали из дисциплинарного батальона—к братьям на устье Ноторы, т. е. при впадении реки Ноторы в реку Алдань. Раньше прибывшие братья заняли место для поселения в 6 верстах от Алдана, вверх по реке Ноторе. Нам же двоим, брату Василию и мне объявили другое место, называемое местечко Нелькан. Это будет дальше на север от Усть - Ноторы на

1000 верст. После этого был назначен заседатель для препровождения всех нас. И на третий день утром сходили в город, человек десять уже без всяких надзирателей для покупки кое - чего необходимого и к вечеру мы выехали на пароходе до назначенного места. Этот пароход принадлежит известной купчихе Анне Громовой и к счастью нашему отправлялся в Нелькан за чаем. Капитан парохода Фок, норвежец нас взял без всякой платы, только при нагрузке дров помогали и мы вместе с матросами грузить.

ГЛАВА XXI.

Жизнь в Нелькане.

Из Якутска мы выехали 13-го июня, поплыли по течению реки Лены. Проплыв 280 верст, свернули в реку Алдан и поплыли вверх по реке. 17-го прибыли на Усть - Нотору, где остались наши братья. Они сошли на берег, снесли все вещи и распрощались с нами. Пароход тронулся. Проплыв еще 180 верст, мы прибыли в Скопческое село Петропавловское. Там пароход оставался около 10 часов, грузил муку для рабочих. Мы с братом также запаслись всем необходимым, потому что в Нелькане достать трудно и дорого. Из Петропавловска мы уже поплыли вверх по реке Мае и больше уже не видели русского населения. Попадались кое - где Тунгусские и Якутские юрты, инородцы и то очень редко. В Нелькан прибыли 26-го благополучно, слава Богу. Местечко Нелькан служит складом чая, привозимого из Китая, на пароходе. Зимой чай из Аяна в Нелькан вывозится на оленях. Всего чая вывозится за зиму 60.000 пудов. Расстояние от Нелькана до Аяна 208 верст. В Нелькане построены склады и временно живут трое доверенных русских. Они семейные, по осени приезжают в лодках из Якутска и зимой идет приемка чая.

С вскрытием реки Маи этот груз грузят на пауски и доверенные отправляются вместе с ним в Якутск, где и проводят лето. Пароход, на котором мы приехали, в первый раз прибыл в Нелькан. Нам пришлось поместиться на квартире у одного из этих доверенных по фамилии Филипова. Семейство его состояло из трех человек: почтенная мать, старушка Ма-

рья Яковлевна и сын Петр Дмитриевич с женой. Люди очень и очень хорошие. По отъезде своем в Якутск на этом же пароходе предложили нам свой домик со всею домашнею утварью и сказали: «До приезда нашего живите в нем, а там посмотрим; вы не беспокойтесь, мы не оставим вас без квартиры». Таковые слова со стороны их, были нам дороги и мы не забудем их никогда.

Кроме доверенных в Нелькане живет полицейский урядник, старик уже лет 60, Николай Н. Большов, которому заседатель Попов и вручил нас. Есть еще Фактер с женой, который заведует казенным пороховым складом. Есть небольшая часовня, при которой живет дьячок с женой. Поп же приезжает на зиму, а на лето уезжает в Якутск. Вот и все население Нелькана.

В таком безлюдном и захолустном месте жизнь скучна, но нам жилось сносно и время шло незаметно. Только одно нехорошо было: в Нелькане не было почтового сообщения и письма от родных приходилось получать в год два раза.

На первых порах мы занялись покосом, который отвел для нас заседатель. После уборки сена мы стали строить баню, которую просил, уезжая, сделать Филипов. Лес был заготовлен Филиповым как для сруба, а также и для крыши и пола. В будничные дни мы всегда работали, а в воскресные дни отдыхали и часто ходили в лес за ягодами, которые были в изобилии всякого рода: земляника, голубица и так называемая моховая смородина.

К 20-му сентябрю Филиповы воротились из Якутска. Баня была отделана, вышла очень хорошая с двумя отделениями. Филиповы остались очень довольны. Кроме того эта баня и всех Нельканцев с нами познакомила, каждую субботу все приходили мыться и кроме уплаты за труд, каждый и каждая говорили: «большое вам спасибо, что устроили баню».

С Филиповым прибыл к нам старший родной наш брат Иван В-ч. Его правительство по ошибке оставило в Ноторе, но потом рассмотрело, что он, также как и мы, следовал по распоряжению министра в более отдаленные места Сибири. Такому неожиданному свиданию мы были очень рады. Он привез нам много известий, рассказал о жизни на Ноторе,

привез несколько писем от родных, где даже было сообщено, что наши, т. е. все Духоборцы начинают переселяться в Америку. Все это было для нас большой новостью. Мы стали предполагать, что в скором времени и нас должны освободить также в Америку, куда выселяются наши родные. На квартире мы так и остались в этом домике, а для Филиповых отделали новый дом и они поместились там.

Зимнее время мы совсем не работали, потому что зимою стоят очень сильные холода и морозы доходят до 50-ти градусов. С марта месяца мы взялись пристроить сени к новому дому, ценою за 200 рублей, и в первых числах июня мы эту работу закончили и получили расчет.

24-го июня 1899 года прибыл в Нелькан пароход за чаем. На нем прибыл и Якутский губернатор Скрипицын с доктором. Скрипицын был немного болен и доктора советовали ему поехать на Нелькан и насколько возможно купаться в реке Мае. Вода в Мае очень полезительная. По прибытии в Нелькан, губернатор пригласил к себе на пароход в каюту брата Василия, повиделся и переговорил с ним кое о чем. Затем он был приглашен Филиповыми на чай и побыв там, зашел вместе с доктором и к нам на квартиру, где с час провел времени, разговаривали обо всем подробно: как живете, чем занимаетесь, почему не занимаетесь хлебопашеством? Мы говорим: во первых местов здесь подходящих нет, во вторых расчищать тайгу требуются молодые здоровые силы. Нас же здесь только трое, да и третий уже совсем старичек. Он искренно заходил в наше положение и говорил: что же мне делать? Мы говорим ему: если хотите облегчить наше тяжелое положение, то отпустите нас на Нотор к нашим братьям, где мы будем трудиться по мере своих сил. Губернатор все таки был хороший человек, зашел в наше тяжелое положение и говорит: «в таком случае, поезжайте на этом же пароходе». Мы поблагодарили его за такое отношение к нам. Они ушли. Пароход должен стоять около трех суток, грузить чай. И мы стали готовиться к отъезду.

Весть эта скоро долетела и до Филиповых. Петр Дмитриевич заходил и говорит: «Неужели это правда, что вы уезжаете от нас?». Мы говорим: «да, губернатор нас отпускает».

«Это не может быть, я пойду и буду просить губернатора, чтобы он вас не увольнял отсюда». Хотя это он говорил в шутку, но им серьезно было жаль отпускать нас. Во первых мы сознакомились, во вторых, уезжая в Якутск, они были спокойны за свое хозяйство и вполне все доверяли на нас. И так мы прожили у Филиповых, как у своих близких родных, они много нам делали хорошего, за что у нас остается об них добрая память навсегда. Мы у них прожили как раз год, 26-го нагрузка чая закончилась. Мы сели на пароход, распрощались с Нельканом и уехали на Нотор.

ГЛАВА XXII.

ЖИЗНЬ НА НОТОРЕ. В ЯКУТКЕ И ДРУГИХ УЧАСТКАХ

На Нотор мы прибыли 29-го июня. Нас встретили братья, а также и сестры, которые недели две только как прибыли из за Кавказа от наших родных. Встреча и свидание было радостное, расспросам и рассказам не было конца. Мы у них расспрашивали как живут наши родные и все ли здоровы, благополучны. Они обо всем рассказали нам. Затем переходили на разговор об их пути, как они доехали, благополучно ли. Такой путь, как из за Кавказа и до Якутска проехать женщинам не легко и не безопасно, но с помощью добрых людей весь путь их продолжался благополучно. Из Тифлиса от главнокомандующего Голицына с ними был назначен проводник, который следовал с ними до Иркутска, помогая им во всем, в особенности, где была пересадка. Он обращался к старшему кондуктору, который принимал меры и все дело исправлялось хорошо. А также и из наших от общества был послан один старичек Николаша Чевельдеев. Кроме того, по просьбе Льва Н-ча Толстого, следовал еще с ними Прокофий Н. Сокольников, житель из Якутска. Был в Москве знаком с Толстым, и так как он должен был ехать из Москвы в Якутск, то и уважил просьбу Льва Н-ча. Он присоединился к ним в Рязке. Из Иркутска в переезде сестер большое участие принимала Анна И-на Громова. Всех сестер было 25 и 9 детей. Для всех были подводы до самой Качуги. До Жигалого по Лене плыли на паусах, а в Жигалове их пересадили с пауска на пароход и до Якутска. В Якутске 13

сестер остались, потому что их мужья находились там, а двенадцать сестер на Громовском же пароходе, который отправлялся в Нелькан за чаем, прибыли на Нотор. Все это Анной Ивановной сделано как благодеяние, весь проезд, начиная с Иркутска и кончая Ноторой, она приняла на свой счет. Такое великое благодеяние заслуживает большой благодарности, не только со стороны сестер, но и от всех Духоборцев. Когда мы прибыли на Нотор, часть Ноторских братьев были в Якутске. Сначала им не разрешали там жить, хотя бы и на заработках. Но когда стал делаться для губернатора дом, то им как мастеровым, разрешили. Весь дом был сдан на подряд за самую дешевую цену и когда возьмутся и отделают этот дом, то могут оставаться в Якутске, им даже могут отвести участок для жительства. С таким обещанием впереди, они принялись за постройку дома, каждому рабочему платили по 50 коп. на своем содержании. Когда окончили дом, им отвели участок в 12 верстах от города и другой участок в 150 верстах от города вблизи Амги. Уезжая из Ноторы, они обещались жить и взаимно помогать друг другу. Но это продолжалось недолго. Само дело не позволяло: раз им там разрешили оставаться, даже отвели участки и нужно было обзаводиться своим хозяйством каждому. Так они с Ноторой и покончили все счета, т. е. больше не приезжали туда. На Ноторе они все таки много потрудились, прожили целное лето, сообща сделали большой дом для жилища, а также производили очистку земли от леса для пашни. Все это осталось в пользу Ноторских. На Ноторе братья стали уже тоже обзаводиться хозяйством. Все они жили в этом доме. Кроме дома был сделан небольшой амбар для хлеба и сарай с навесом. Лошадей было 12 штук и десятка полтора скота. Немного было разработано земли, которая была засеяна рожью, т. е. ярицей, которую сеют также как и пшеницу, весной. Наши родные братья Федя и Проня были на Ноторе, а также и из старичков никто не попал в Якутск. Старичками числились Ваня Усачев, Миша Попов, Николаша Малов, Вася Щербаков и Николаша Ганчаров, а остальные были молодые семейные и холостые. Всех было до 50 человек и жили все общиной, как одна семья.

Вскоре после нашего приезда начался покос. Многие братья убирали покос, а человек шесть стали добавлять постройку. Сделали хорошую мельницу, кузню, баню и прибавили небольшой сарай для скота.

Когда началась уборка хлеба, ярица вышла не особенно, даже немного прихватил мороз, да к тому же сеяли мало. По случаю нехватки хлеба на зиму, нужно было идти на заработки в Скопческие села Петропавловск и Троицкое. Собирались мы туда на лодках, набралось семь человек, взяли две небольшие лодки, на которые положили платье, провизию и 20-го сентября распростились с братьями и сестрами и отправились в путь. Сначала нужно было спуститься по Ноторе вниз до Алдана, а затем вверх по Алдану. Тянули лодки на лямках. В течение этого пути мы много пострадали и вместо пяти, шести дней, как это достигают старожилы, мы пробыли в пути 10 дней и еле - еле с большим страданием прибыли в скопческое село Петропавловское, где встретил нас родной брат Прокофий В-ч. Всех пригласил на квартиру и угостил чем Бог послал. Он жил на квартире у одного старичка скопца. Старичку этому, как он говорил, 100 лет, домик у него небольшой, ветхий, живет он один и никто не присматривает за ним. Хозяйством никаким не занимался, за время скопил немного денег и теперь доживает свою старость на них. Ввиду такого положения этого старичка, Прокофий В-ч и пристал к нему на квартиру с целью служить и помогать ему. Старичек несказанно был рад и так они жили вместе. Когда я прибыл, я также поместился у них и мы зажили втроем. Товарищи мои стали наниматься и поступать в работники. Мне же всю зиму не пришлось работать, так как я на Ноторе болел лихорадкой и, когда плыли по реке, я вообще простудился, всю зиму проболел и еле - еле остался жив. Брат Прокофий работал и зарабатывал на пропитание. В этом селе жил наш родной племянник Федор Г-ч Аниотушкин. Он жил у скопца, нанимался в год, часто приходил навещал нас и если мы в чем нуждались, то всегда помогал. С наступлением весны, я совсем освободился от болезни и заступил на работу. Скопцы люди русские и очень хорошие. Живут там около 30 лет. Все они сосланы из России за убеж-

дение своей веры во Христа, т. е. за скопчество. Сначала своего поселения им много пришлось пострадать и перенести самые тяжелые испытания. Местность, где их поселили, была совсем пустынная, поселков никаких не было, а город очень далеко, ржаная мука в то время доходила до 7-ми рублей за пуд, а также и все было очень дорого и по рассказам старичка Дорофея Ильича о прошлом, о том, сколько они перенесли страданий и мучений, сердце обмирает от ужаса и слезы катятся из глаз. Боже милосердный! Все это человек переживает и пережил уже.

С первого года их поселения, они усердно стали приниматься за разработку земли, чтобы сеять хлеб. Лес был ужасно огромный и густой, так что много сил они потратили для разработки земли. Многие даже умерли, захватив простуду. Сколько они трудились, разрабатывали, но из их посева ничего не выходило: до семи лет весь хлеб побивался морозом. Все они истощенные, измученные таким долгим тяжелым трудом, порешили оставить эти участки и отправиться куда либо в другое место. Но правительство их уговаривало оставаться хоть еще на год, отпустило им бесплатно хлеба как для еды, а также и для посева. Они остались и на 8-й год вышел у них обильный урожай, мороз ничего не повредил. Это их порадовало и дало надежду на лучшее будущее. Они, снова, собрав свои последние силы, принялись за этот труд. Теперь, благодаря этому труду, все они живут зажиточно и хорошо, у каждого без исключения есть не только для себя, но есть чего продать и другому. Люди они очень хорошие, за убеждение свое готовы идти на смерть, мясного в пищу ничего не употребляют, кроме рыбы, алкоголя не пьют, табаку не курят, сквернословия от них никакого не услышишь и во всем держатся большой скромности и справедливости. Все они трудолюбивые, как братья, так и сестры; можно сказать, даже чрезмерно и скупы. Все они приобретают, как говорится, для черного дня, т. е., когда они будут стары, так как по своему убеждению они наследие по себе не оставляют, берут такое понимание из Евангелия, учения Христа, где Христос говорит: есть скопцы, рожденные от утробы матери скопцами, и есть скопцы от людей, а есть скопцы, которые сами себя оскопили

для царствия небесного. Этот текст и берут во внимание и проводят свою жизнь согласно этому, и поэтому они для себя и заготавливают обеспечение к старости. От этого больше является скупость и чрезмерный труд. В этом выражается их добрая воля и никто не вправе осуждать их за это, хотя бы и за скупость.

Прожил лето и с ноября я заступил к Семену И-чу Домашенке, на молотьбу по месячно, 12 руб. в месяц. Семен Иванович зажиточный человек, имеет много посева, есть конная мельница, имеет шесть лошадей, четыре коровы, живет вдвоем с сестрой и имеет годового работника. Работником у него был родной племянник Федя. Сначала началась возка хлеба, затем молотьба. Молотьба производится на лошадях катками. Сначала ток уливается водой и делается сплошным льдом и во время сильных морозов на такой молотьбе часто морозишь щеки и нос. Молотьба закончилась, стали возить сено, а потом дрова из лесу и всего я у него прожил три месяца с половиной. Семен И-ч хорошей души человек, не считал нас даже за работников, а просто называл друзьями и братьями, при расчете всегда старался с излишком уплатить, о чем да же торговался и вообще Семен И-ч заслуживает своим обращением добрую память навсегда.

В последних числах февраля я отправился на Нотору навестить родных братьев, а также и всех братьев и сестер духовных. По пути заехал в село Усть - Майское к уряднику Александру И-чу Асламову. Он только что приехал из Амги и привез много писем от родных из Канады. Все письма, которые были на Нотору, Асламов передал мне. Приезжаю в Нотор. Все рады моему приезду, а также были рады и письмам, которые я привез. Между разговорами я достаю их и передаю всем, кому были. Все принялись за чтение. Нам, т. е. родным братьям было шесть писем от матери и родных. Из писем видеть, что все они были здоровы и благополучны, только мамаша сильно беспокоилась за нас и в нескольких строках она изложила свое материнское чувство. Она писала так: «В Канаде нам живется хорошо, слава Богу, братья и сестры не оставляют меня и мое семейство, за что я всем им много благодарна, спаси их Господи. Это все хорошо, но у меня есть где

то, далеко милые моему сердцу дети, которых я носила в утробе своей и вскормила грудью своей. Я думала, что они окажут должное сыновнее почтение при старости моих лет. Хотя я и теперь не отчаиваюсь, но всегда уповаю и надеюсь, что Господь Бог не оставит меня и хотя под конец моей страдальческой жизни пошлет мне облегчение и утешение. Но иногда является нежеланная мысль и говорит мне: где тебе видеть своих сыновей, ведь ты уж старенькая, лета твои проходят и приближают к смерти, а сыновья твои, как говорится в сказке, за тридевять земель, в тридесятom государстве. Но я спешу отогнать таковую мысль и говорю ей обратное. Если всех не суждено мне будет видеть, то хоть меньших я беспреречно должна видеть, потом отходить в вечность». И тут же вечером, мы порешили от имени матери написать императрице просительное письмо. Письмо это должно отправиться в Канаду, мать должна его прочесть, переписать, подписать свое имя и отправить императрице в Петербург. Письмо это здесь будет помещено дословно.

Погостив немного на Ноторе, я опять отправился в Петропавловское. Снова прожил там лето и зиму. Получили письмо от матери, она пишет, что письмо к императрице получила, прочла, — подписала и одновременно с этим письмом посылает его в Петербург. Письмо было отправлено чрез Владимира Григорьевича Черткова, который даже переписал письмо по английски и немедленно отправил по принадлежности. Я, хотя и ждал радостного отзыва на это письмо, но вместе с тем является и противоположная мысль, что императрица, хотя и прочтет то письмо, но она не вменит в себя эту просьбу, потому что она на деле своей жизни ничего подобного не испытала, чтобы могла бы хоть немного остановиться на этой просьбе и здраво подумать. Как же так: у этой старушки было семь сыновей и всех по указу ея мужа забрали и сослали за несколько тысяч верст, как же она должна доживать последние дни своей жизни, и как это должно отозваться на ее материнском сердце? Так как императрица уже мать своим детям и для нее должно бы быть понятно такое положение. Ввиду такой мысли явилась еще мысль: если императрица этого не сделает, т. е., не отпустит тебя к матери, то

ведь ты свободен, избери случай и уезжай без всякого спроса у правительства и этим ты докажешь любовь к матери, а императрице докажешь, что она не имеет никакой силы и, следовательно надо считать лишним прибегать к ней с просьбой. Если по неразумению и заблуждению она гордится властью, то дело покажет, что таковая власть бессильна. Я старался возражать такой мысли, что может это нехорошо и не сочтут ли тебя за беглеца, но на это возражение голос отвечал мне: неужели ты должен смотреть на это, ведь ты преступного ничего не делаешь, чтобы после твоя совесть могла бы карать или упрекать тебя. Ведь ты только хочешь уехать к матери, заставить ее в живых, облегчить ее сердечное желание и хоть при последних днях отдать ей необходимый сыновний долг, за то, что ты чрез нее произошел в эту жизнь. И неужели ты, зная все то, зная таковой долг, который надо считать обязательным, будешь оставаться в Якутской сибирской тайге и в оправдание будешь ставить, что тебе какая-то императрица не разрешает проезжать. Неужели ты не чувствуешь себя свободным как духом, так и телом. Ведь ты помимо всех этих императриц произошел в эту жизнь и имеешь равную долю с тою же императрицей на определенное существование. Ведь ты это понимаешь, что тот, кто послал тебя в эту жизнь, никогда не поручал тебя другим людям и следовательно не нужно спрашиваться их в таком благородном поступке: оставаться ли тебе в Якутске или ехать к матери. А что ты боишься, что люди сочтут тебя за беглеца, от этого совесть твоя несколько не должна страдать, и разумные люди, чувствующие материнскую любовь к детям и знающие детский долг к матери, они кроме доброго пожелания и счастливого успеха в пути ничего не скажут.

На этом я и остановился, т. е. решил ожидать разрешения, в крайнем же случае выехать без всякого спроса. О таком решении я писал и брату Петру В. в Обдорск и получил ответ. Он писал так: «О выезде к матери я вполне разделяю твое мнение». Все письма к Петру В-чу, как известно уже читателю, правительством просматривались и такой секрет, как выезд за границу подназдорному человеку нужно было написать умело.

Наступает апрель месяц и я порешил отправиться из Петропавловска на Нотору, там прожить до последних чисел мая и когда будут итти пауски из Нелькана с чаем, на них отправиться в Якутск. Уже наступало время распутицы. В другое время всегда можно было встретить попутчиков из Якутов до самой Ноторы. Теперь по случаю распутицы их не было и мне пришлось итти одному пешком.

10-го апреля я распростился с братьями и отправился. Взял с собой провизии по расчету до Нотора, потому что в Якутах хлеба не встретишь. Якуты, если и употребляют хлеб, то самую малость, а питаются более мясом животных, летом же ловят рыбу, которой очень много в реках и озерах.

Путь мне известен, а также и юрта для ночлега знакома, потому что я раза два уже следовал по этому пути, только не пешком, а на лошадях. Мне нужно было пройти то самое расстояние, которое мы проезжали на лошадях, а иначе на пути не будет ночлега. Немного тяжело было итти, но делать нечего. Я вставал всегда рано и к ночлегу уже приходил в сумерках. Заходишь в юрту: в камельке горят дрова в полном разгаре, семья вся в сборе и приготавливается к чаепитию. Они очень любопытно начинают спрашивать откуда и куда идешь. Например спрашивают: «капсе догор», значит, рассказывай товарищ. «Хантан келля», значит — откуда идешь! «Тох чухай бар», какие новости имеешь? Затем приглашают раздеваться и дают первое место около камелька и тут же приступаем все к чаепитию. Чай употребляют кирпичный, пресованный, кирпичина в три фунта стоит 30 и 40 коп. Пьют без сахара, а с молоком, если оно есть, а если нет, то пьют и так. После этого приносят в юрту один сноп ржи, расстилают кожу и молотят. Потом зерно очищают, сыплют на сковороду, ставят к камельку. Зерно сейчас же высыхает и начинается размол зерна. В углу юрты устроены два небольшие камня. К верхнему камню приделана рукоятка, чтобы крутить камень и вот начинается размол. Продолжается он с полчаса, тесто месят очень круго, раскатывают продолговато. Настремливают это тесто на спичку дерева, одним концом стремяют в землю около камелька и таким родом пышка пекется. Когда готова, подают к ужину, для всей семьи в десять человек од-

на пышка. На ужин же готовится большой котел мяса, мясо домашнего скота, а часто бывает медвежье, оленьё, лосё, — одним словом, какой бы то ни было зверь или животное — Якут никому пощады не даёт, убивает и съедает его. Живут они не чисто, отчего их часто посещают заразные болезни, как оспа и другие. Они приветливы, гостеприимны, человека не обидят, и варварства у них никакого нет, пьянство же, трубкакурение и картежная игра у них развиты до последней степени. Говорят, раньше у них этого не было, потому что негде было взять, но когда стали проникать к ним попы, приводить их в православие, то вследствие своей личной наживы стали привозить им эту губительную заразу. И теперь везде, куда проникли попы, все якуты, не исключая и женщин, испорчены, можно сказать безвозвратно. Они молятся Богу, кланяются изделиям, иконам, которыми их наделили попы, но вместе с тем за бутылку спирта или водки он отдаст вам, что хотите. Денег у Якута нет, но у него есть разные дорогие пушные меха, как лисы, бобры и т. п. Есть лисы, хотя это в редкость, чернобурые, ценятся до 100 руб. и больше. И эту лису Якут отдаёт попу за бутылку спирта. Такая нажива понов и привела в соблазн и этим они погубили все племя. Я описал это хотя и вкратце жизнь двух народов, которые живут по соседству один от другого: Скопцов и Якутов.

На Нотору я прибыл 14-го в полдень. Все были здоровы и благополучны и все встретили меня с удивлением: откуда неожиданный гость, как раз это был первый день пасхи, светлое Христово воскресенье. Все были убраны по праздничному и в веселом настроении духа. Стали спрашивать, нет ли каких новостей. Старички спрашивают, не отпускают ли нас в Америку к родным — это была их желанная мечта. Говорю: ничего не слышать.

И так я оставался на Ноторе до паусков. За это время переговорили обо всем, к матери порешили непременно выехать, ожидать ответа на письмо не было никакого смысла и 29-го мая 1902 года, когда проходили пауски, я распростился со всеми, даже с Ноторой и брат Василий проводил меня до Алдана по реке Ноторе шесть верст на маленькой лодочке.

Он подвез меня навстречу паускам, я на ходу пересел с лодки на паусок и с пауска я еще крикнул ему: «прощай, братец, может более не суждено нам видеться и слезы покатались по лицу. Он скинул шапку и также что то крикнул мне, но я ничего не мог разобрать. Это было уже далеко. Паусок так быстро уносило течением воды по реке Алдану. Отсюда и начинается мой выезд в Америку к матери.

ГЛАВА XXIII.

ПОЕЗДКА В РОССИЮ.

Прибыл в Якутск. Остановился на квартире у близкого мне друга, Петра И. Шукина, с которым, еще живя на свободе, мы всегда искренно относились друг к другу. Когда последовал арест, его также арестовали и заключили в тюрьму. Он не подлежал воинской повинности, а был арестован за поездку в Ордаган, где находилось на военной службе восемь человек из духоворцев и где был его родной брат Ларион.

Через неделю после его посещения все 8 человек сдали ружья. Начинаются допросы и следствие и выясняется уже другими солдатами, что недавно здесь был один Духоборец, который что то говорил с ними. Его за это арестуют, как главного преступника и заключают в тюрьму. И такое Божие дело еще настолько нас сблизило, что мы были готовы жертвовать друг за друга жизнью. Когда мы встретились, он оставил всякие работы, и мы ходили с ним в город. Я повиделся со многими там живущими братьями. Все были рады моему приезду. На второй день Шукин мне говорит: «Не желаешь ли ты выехать в Америку к родным?». Я говорю: «Почему не желать, только нужен паспорт». Он говорит: «паспорта я достану, только полиция строго следит при отходе пассажирских пароходов вверх по Лене». Дело было решено к отъезду. И так как в Якутске строго следят при отходе пароходов, то мы решили ехать через Нелькан, в порт Аян. Там сесть на китайский пароход и пробраться в Америку. Место Нелькан для

меня знакомо, а там до Аяна только нужно было пройти 208 верст. Хотя эти 208 верст сопряжены с большими трудностями, потому что летом проходить очень трудно вследствие тундр и болот.

Шукин мне на это не перечил и на третий день моего пребывания в Якутске, громовский пароход шел в Нелькан за чаем. Мы оба с ним сели и уехали. В скопческом Петропавловском селе я встретил Аянского полицеймейстера Владимира Ф. Попова. Он был толстовец и с ним я был уже раньше знаком. При свидании я не стесняюсь говорю ему, что я с товарищем через ваш порт хочу попасть на китайский пароход, чтобы поехать в Америку. Он принял это во внимание и дал свое заключение, что нам лучше выехать чрез Якутск, нежели Нелькан. «Этот путь, говорил он, сопряжен со многими бедствиями и вы можете даже потеряться навсегда, не достигнув цели». Мы вполне согласились с ним. Пароход ушел в Нелькан, мы остались в Петропавловском и, когда обратно шел пароход, мы сели на него и снова прибыли в Якутск. По случаю большого надзора полиции, мы в Якутске на пароход не сели, а порешили одну станцию 25 верст пройти пешком до Тапаги. Здесь в Якутске мы попросили одного из знакомых сесть на пароход, взять наши вещи, следить, не будет ли на пароходе кого из полицейских, командированных куда либо правительством, которым мы при посадке на пароход могли бы попасть прямо в руки. Мы условились с этим человеком, что когда пароход будет подходить к Тапаге, он даст нам условленный знак. Если есть на пароходе полиция, то он должен нам махнуть красным платком, тогда мы не должны садиться на пароход; а если нет полиции, то должен махнуть белым платком — это знак благополучия.

В 12 часов ночи мы вышли из Якутска до Тапаги, куда мы должны были попасть к 9 часам утра. Пришли мы туда благополучно и с час времени еще оставалось до парохода. Потом, версты за две мы увидели дым: пароход идет! Это время казалось долгим, печальным на душе, и вместе с тем и радостным, так что мысли перебегали одна от другой и момент нашего счастья или несчастья приближался. Наконец, пароход стал приближаться и мы с нетерпением стали смотреть на нос

парохода, где должен быть условленный с нами человек, который должен известить нас о нашей радости или печали и мы с минуты на минуту ждали этого решения. И вот еще минута и все разрешится. Смотрим: машет белым платком, следует второй мах. Мы также подали знак платком, капитан сейчас же убавил ходу и три матроса быстро подали нам лодку. Когда лодка взяла нас, привезла к пароходу, мы стали взбираться по лестнице. Вся почти публика приступила и смотрела на нас. И в это время нам самим почему то казалось, что мы подозрительные люди. Но публика этого не подозревала, а лишь смотрела, как мы на ходу взбираемся по лестнице. Один только полупьяный поп пристал с распросами к Щукину, почему вы не сели в Якутске на пароход. Щукин отвечал ему сообразительно и он больше не стал привязываться. Мы стали искать себе места, каюты все были заняты и мы поместились наверху. Это было 7-го июля 1902 года. Билеты взяли до Алесма, боясь, чтобы капитан нас не заподозрил. И тут же мы повстречались с одним знакомым человеком по фамилии Андреяшинка. Он хорошей души человек. Когда повстречались, я сразу его узнал, а он смотрит и глазам не верит. Я подаю ему руку и говорю: «будьте искренны к своему ближнему». Он отвечает: «будьте покойны, вы уезжаете?». — «Да, как видите!». — Помогите вам, Боже, достичь желанной цели». И с этими словами он взял чайник, принес кипятку, заварил чайку и стал угощать за благополучный отъезд.

10-го после обеда мы прибыли в Алесму. Там живут зять Иван Е-ч Конкин и сестра Варвара. Их непременно хотелось видеть. Когда подали сходни, я сошел с парохода. Была ярмарка, было очень много народу. Там я повстречался со скопцом, который указал мне дорогу к Конкину. Прихожу. Конкин встречает меня во дворе, только что немного оправился от болезни. Сестра же суежилась на кухне, готовила обед. Входим в комнату. Сестра услышала мой голос, оставила все и пришла к нам, от радости со слезами на глазах, стала меня целовать. Они нас считали уже за умерших. Месяц тому назад, здесь проехал таким же путем Василий И-ч Голубов, которого Конкин видел и он рассказал ему, что Гриша и Щукин также выехали, но они выехали чрез Нелькан в Аян и в Ки-

тай. Конкин хорошо знал, что мы кроме своего языка, не знаем ни слова и вот они надумали, что если мы попадем в Китай, то нам оттуда не выбраться никогда. Только одна была надежда с их стороны, что может полиция нас задержит в Аяне, тогда значит мы спасены. Часа два я побыл у них, они угостили меня всем и, когда капитан дал второй свисток, я распростился с ними и отправился. Прощанье было неопишимо. С одной стороны была торжественная радость, сестра даже высказала, как я приеду в Канаду, как увижу свою страдающую мать и как она мне будет рада. Я говорю ей: «все это будет хорошо, а если меня где либо задержит полиция, тогда что будет?». Но они почти что с уверенностью сказали, что этого не должно быть. «Во первых вы опасность почти уже миновали и теперь чем дальше будете уезжать, тем будет для вас безопасней; во вторых мы уверены, что в таком добром деле Господь вам поможет и вы достигнете своей цели благополучно». Прихожу к пароходу. Товарищ мой уже поджидал меня. Кое что взяли с'естного для пути. В скором времени третий гудок. Сходни убрали и пароход тронулся. Значит мы едем дальше, слава Богу. Билеты взяли до Керенска. В Керенск прибыли 17-го, в Искут прибыли 19-го, оттуда нас повезли на почтовых лошадях, только на колесном экипаже. И так мы прибыли в Иркутск 27-го июля. Там переночевали и на второй день, в два часа дня выехали на почтовом пассажирском поезде в Россию. Тут уже мы совсем находились в безопасности. Билеты взяли до Самары 4000 верст. В Самару прибыли 4-го августа и в 12 часов дня выехали из Самары до Астрахани вниз по реке Волге на почтово - пассажирском пароходе «Императрица». В Астрахань прибыли 7-го. 8-го выехали из Астрахани чрез Каспийское море в Петровск, откуда взяли билеты прямого сообщения по железной дороге до Батума. И так мы поехали по железной дороге, проезжая мимо Елизаветполя, Дзигам, Акстафа. Это была местность близкая нам и все там нам было знакомо. Мы даже думали встретить кого либо из Духоборцев, едущих на поезде в Тифлис, но никого не встретили. Прибыли в Тифлис. Там была пересадка, после которой поезд тронулся по направлению к Батуму. В Батум прибыли в десять часов вечера. С Батумом мы нисколь-

ко не были знакомы и не знали где приютиться на ночлег. В гостиницу опасались заходить, там будут просматривать наши билеты. Вышли из вокзала и направились по улице. Смотрим — надпись «Харчевня», где готовится пища для кого бы то ни было. Заходим туда. Содержатели ее — грузины. Спрашиваем: «а можно ли здесь переночевать?» Отвечают: «можно». Мы выпили чаю и улеглись спать. Заснуть нам скоро не пришлось, потому что на завтрашний день нам предстояло серьезное дело, которое могло кончиться удачно и наоборот. До Батума мы только и знали, что переменили билеты, где это было нужно. Теперь же нужно было подготовляться к переезду границы, где строго следит полиция.

ГЛАВА XXIV.

ПОЕЗДКА ЗАГРАНИЦУ.

Я выше не объяснил, что когда я только еще предполагал выехать из Якутска, я писал в Канаду близкому моему другу Павлу В-чу Планидину, которого просил, если у него есть в Батуме близко знакомые люди, чтобы они помогли мне устроить переезд за границу. Действительно, у него таковые люди были и он написал мне их имена и фамилии. Завтра их нужно было отыскать. Спали мы не более двух часов. Стало светать, мы встали и когда народ стал бродить по городу, каждый по своему делу, мы также вышли из харчевни и пошли. Первого нужно было найти Третьякова. Оказалось, что его нет в городе. Он выехал куда то на долгое время. К другому мы с товарищем порешили идти одному. Я и пошел, а товарищ пошел на квартиру. Прихожу к дому. Позвонил. Вышла прислуга, спрашиваю: «барин дома?». Отвечает: «дома». «Я желаю видеть». Прислуга отправилась и снова вышла, говорит: «он здесь на квартире никого не принимает, а нужно идти в контору и добавляет: он скоро будет там». Конторы я не знаю и порешил провести время здесь, чтобы, когда он будет проходить из дому, увидеть его. Чрез полчаса он выходит. Я подхожу и спрашиваю: «Вы господин Стивинс, Английский консул?». Он говорит: «да». «Я имею к вам дело». «Какое?». — «Я хочу переехать в Канаду, но не знаю, как это устроить». «Ты должен прийти в контору», назначил время и дал адрес, где найти контору. Прихожу к товарищу, рассказал ему и как будто мы немного ободрились, что дело ладит-

ся. Время итти в контору. Прихожу, постучался в дверь. Он открывает дверь и говорит: «Заходи» и запирает дверь. В конторе кроме его никого не было. Начинает меня спрашивать, кто я, откуда и как хочу ехать. Хотя я его только в первый раз вижу, не знаю его отношения к людям, но я имею к нему сейчас важное, честное и вместе с тем отважное дело, которому только и может помочь одна искренность, как самого меня, а также и со стороны того, к кому я обращаюсь. Я порешил сказать ему всю сущую правду, через которую только и может человек войти в мое положение. Начинаю объяснять. «Я Духоборец, из Закавказья, Елизаветпольской губ. Григорий Веригин. В 1897 году за общее духоборческое дело вместе с другими правительством был выслан в Якутскую область на неопределенное время, под надзор полиции. Прожив там около шести лет, я порешил выехать оттуда без ведома правительства в Канаду, где у меня есть престарелая мать, жена и двое детей. Мне удалось пока проехать сюда благополучно, теперь же не знаю чем может кончиться мой риск. Я всегда полагал и полагаю надежду на Бога, а также прошу и вас, примите участие в моем положении и закончите мое пожелание благополучием, которое теперь зависит от вашей доброй воли. Вышеупомянутые мои родные в общем переселении с Духоборцами переселились в Канаду. Вас лично я не знаю, как и вы меня, но мне писал о вас Павел Планидин, которого вы еще наверно не забыли и он уверял меня, что вы доброй души человек и, что возможно, вы все сделаете». Фамилия Веригин, как видать, его заинтересовала и он после моего объяснения, немного посмотрел на меня и спрашивает: «Ты родственник или нет Петра Веригина, который находится в Обдорске Тобольской губ.?». Я отвечаю: «родной брат». «А есть у тебя паспорт?». «Есть». И подаю ему, он просмотрел и говорит: «паспорт нигде не явлен и имя здесь другое чем ты говоришь». «Паспорт нигде не явлен, это оттого, что мы нигде не останавливались, чтобы представлять его полиции, а что там не мое имя, какое я вам объяснил, это оттого, что паспорт этот получен не от правительства, а от другого лица, которому я уплатил 15 руб. и в таком паспорте нельзя было ставить моего имени». «Ты один?». «Нет, нас двое». «Жаль, вче-

ра только ушел отсюда английский пароход, и вам теперь придется ожидать суток пять или шесть». «Это ничего, лишь бы вы уладили наше дело». «Хорошо, я постараюсь, только ты каждый день заходи ко мне в контору для осведомления: может и раньше придет пароход». Я поблагодарил его за такое доброе дело и отправился на квартиру. Прихожу и объясняю товарищу и вместе радуемся, что дело наше улаживается. Квартиру нам нужно было переменить, так как туда часто заходили городовые. Мы нашли квартирку удобнее и поселились там. В контору для осведомления я каждый день ходил. Прихожу на шестые сутки и застаю у него капитана. Он завидел меня и говорит: «наконец вы дождались парохода: вчера пришел» и указывает на капитана, объясняет; это капитан парохода, на котором вы должны ехать. И тут же при мне с ним переговорил, сколько он возмет с нас. Капитан сказал: 150 руб. за двоих до английского города Гуля. Капитан был англичанин и по русски не знает. Когда Стивенс переговорил обо всем с капитаном, он обратился ко мне и говорит: «Вы должны сегодня вечером сесть на пароход, потому что завтра после обеда пароход будет отходить. Будьте осторожны, полиция все таки очень строго следит за этим. В крайнем случае полиция может даже задержать вас, тогда сами и отвечайте, не вмешивайте никого»: — это он говорил за себя. Я говорю: «Что вы, Бог с вами, вы делаете для нас доброе дело и неужели мы бы стали вас этим отблагодаривать». Он снова объясняет: «Вы должны только дойти до парохода, а там уж капитан примет вас и вы будете в безопасности, только предупреждаю вас: не давайте капитану деньги пока не отойдет пароход, потому что, если в случае полиция вас найдет на пароходе, капитан тогда может отказаться от вас и деньги ваши пропадут. А когда пароход отойдет на довольно большое расстояние от пристани, тогда можете отдать все 150 руб.». Я искренно поблагодарил его за все его сделанное доброе дело для нас, распрощался и отправился на квартиру. Мы этот день сходили на пристань, узнали, где стоит пароход. Пароход был наливной керосином. Воротившись с пристани, написали письма в Якутск, писали своим родным так: «Путь такой долгий от Якутска и до Батума мы совершили благополучно, слава Богу.

Теперь остается совершить сегодняшний вечер, в котором и кроется вся наша задача. Что нас ожидает... Удастся ли нам закончить счастливым успехом наше длинное путешествие, которое нам и нашим родным принесло бы много радости, или может нас ожидает другая участь и завтрашний день мы уже будем под строгим конвоем следовать обратно по этому пути до Якутска. Но да будет на все воля и провидение Божье, на которое мы и уповаем». Боже милосердный! Как выразить на бумаге все, что мы переживали тогда в нашей душе! То, что происходило в душе так быстро сменялось, переходило от одного к другому, что невозможно рассказать: такие моменты не поддаются никаким описаниям. Все время мы были спокойны, но когда мы узнали, что нам сегодня нужно будет завершить свои мечты действительностью и чем ближе наступало это время, тем тревожней становилось на душе. Мы упрямились, связали вещи. Вещей у нас было три места. Позвали хозяина квартиры, поблагодарили и предложили ему деньги за квартиру. Но он не взял, говорит, что деньги вам нужны будут в дороге. Это был Мусульманин. Затем он говорит нам, что с такими вещами вам нельзя будет идти на пристань, вас сейчас же могут арестовать. — «А что же мы должны делать?». — «Я вам дам человека, который понесет ваши вещи, вы - же должны идти отдельно. На такое предложение мы доверились. Он позвал человека, который взял наши вещи. Это был рабочий человек, который занимался перевозкой вещей и чего то бы ни было. Мы же пошли другой дорогой и сами пошли врозь: товарищ пошел одним переулком, я другим, по пути положил письма в почтовый ящик. Когда я подходил к пристани, везде светило электричество и видно было как днем. Прохожу первую будку. Дежурный был чем то занят и когда я прошел саженой десять, он окликает меня: «Земляк, куда идешь?». Такой нежелательный оклик меня немного поразил и я сразу ответил: «вот сюда», сам не останавливаюсь. Следует другой оклик с повышением голоса: «Земляк, куда идешь?». Я также повышаю голос: «Вот сюда», но сам не останавливаюсь. Он больше ничего мне не сказал, и я дохожу до парохода. Прихожу к пароходу. Товарищ мой уже там, спрашиваю: «Ты был на пароходе?». Говорит: «нет». Мы под-

нялись по лестнице на пароход. Спрашиваю встречного матроса: «Где капитан». Матрос англичанин ничего не знает по русски. Еще их пришло два человека. Я настаиваю: «где капитан?». Один матрос отправился и приводит русского матроса, который служит здесь же на этом пароходе. Матрос спрашивает: «что вам нужно?». «Где капитан?». «Капитан еще с утра уехал в город и до сих пор его нет». «А где помощник капитана?». «Помощник вот стоит здесь». Скажи ему, чтобы он принял нас на пароход». Он отвечает: «без позволения капитана я не могу принять», и велел нам немедленно уходить с парохода. Я еще обратился с просьбой, но он не хотел и слушать и настоял на своем, чтобы мы слазили. Когда мы слезли, человек принес наши вещи, мы дали ему 20 коп. и он ушел. Теперь нам осталось одно: ожидать капитана. Минут десять спустя, подходит к нам полицейский и спрашивает: кто вы и что это за вещи. Мы отвечаем: желаем видеть капитана, не примет ли он нас в матросы. Против этого он нам ничего не сказал, но на вещи обратил внимание и говорит, что нужно их тщательно осмотреть. «Сделайте ваше одолжение». «Я вот схожу к товарищу и мы пересмотрим ваши вещи». Здесь неподалеко от нас был русский человек, наблюдавший за керосиновым краном. Он говорит нам: ваше дело будет плохо, вот скоро будет проходить караульный офицер со сменой и он может вас арестовать». Мы раздумывали, что нам делать.

В это время на наше счастье прибыл на лодке капитан парохода и спрашивает, были ли здесь два русских человека. Матросы отвечают, что они стоят возле парохода. Он приказал двум матросам немедленно взять наши вещи и пригласить нас. Сейчас они спустились по лестнице, взяли вещи и мы с ними взойшли на пароход. Там нас приняли и поместили в трюм, даже в секретное место и там мы оставались вплоть до отхода парохода. В три часа дня пароход дал гудок, потом второй, третий и тронулся. Капитан прислал матроса, который предложил нам выйти на палубу. Мы вышли, погода стояла чудная, нигде не было ни одного облачка, на море парила полная тишина, только пароход все ускорял ход, оставляя позади себя большие перевалы, исчезающие в дали морской. На душе было радостно и весело. Слава тебе, Боже милосерд-

ный, что все так устроилось благополучно, от всех тревог мы теперь избавились. Надежда в достижении нашей желанной цели — увидеть своих родных и всех братьев и сестер стала больше оживляться. И так мы распростились с страной, где мы родились и воспитались. Это было 20-го августа 1902 года. В Константинополь прибыли 23-го. Немного постояв, поплыли дальше. Проезжали Мраморное море, Архипелагские острова, Средиземное море и попали в Атлантический океан. До этого мы плыли благополучно. Хотя и была качка, но опасностью не грозила. Все время плыли на запад.

Пароход наш стал идти медленней: оказалось прохудились котлы и пришлось на ходу чинить их. Один котел работает, другой чинится и так до Гуля по два раза их чинили. Другие пароходы то и дело нас опережали. В'ехав в Атлантический океан, мы скоро поворотили на север. С полночи подул сильный противоположный ветер, море разыгралось не на шутку, пароход наш то опускался вниз, то подымался в гору и каждый почти вал заливал палубу. На палубе вода не успевала выходить в трубы, как вал снова заливал ее. Ветер дул целых двое суток и становился все сильнее и сильнее. Как ни сопротивлялся пароход волнам, под конец совсем изнемог и отдался на их волю. Его носило как маленькую лодку, матросы в испуге не знали что делать, на всех были надеты клеенки, шлюпы были все приготовлены, спущены. Думаем: Боже милосердный, неужели настал конец нашему существованию и наши тела должны достаться рыбам морским. Надежда на спасение стала оставлять нас и с каждым наклоном парохода мы ожидали смерти, а когда пароход снова поднимался в гору, думали: не все еще кончено. Пришлось вспомнить и заочно проститься с страдальцей старушкой матерью, женой, детьми и всеми родными. Какое великое горе будет им, если нас постигнет смерть на море. Но всемогущим Богом нам не суждено было помереть такою ужасною смертью и после двух суток ветер стал затихать, но море все еще не утихло и образовывало то горы, то котловины. Но вот ветер совсем утих и море стало тоже успокаиваться и в нас ожила снова надежда, что мы спасены. Слава и благодарение Господу во все дни нашей жизни!

*Петр Васильевич
в ссылке в Обдорске, Тобольской губ.*

ГЛАВА XXV.

Приезд в Англию. Свидание с Чертковыми.

10-го сентября мы прибыли в город Гуль, первый английский город. Были в городе, купили кое что из пищи и немного фрукт. Все было очень дорого. Переночевали на пароходе и в девять часов утра выехали по железной дороге к Чертковым. Ихний адрес мы взяли из Батума от Стивинса, английского консула. Но к сожалению этот адрес оказался их старым местом жительства, а год тому назад они переехали за 250 миль дальше. Мы попали на старую квартиру и там нам объяснили. Там нам пришлось ночевать и утром в 8 часов один англичанин повел нас на станцию железной дороги, чтобы посадить нас на поезд к Чертковым. До станции надо было идти с милею. Проходя мимо одного дома, англичанин провожатый указывает на него и говорит: «это русс, русс». Мы постучались. Женщина еврейка отворяет и с радостью говорит: «это русские люди, заходите, заходите!». Мы вошли в комнату. Тут жил некто Жуков, который от преследования русского правительства выехал из России и живет здесь, пишет заграничные ведомости и отсылает в Россию. Он был наверху и занимался делом. Она известила его о нашем приходе и он пришел к нам. Принял нас очень любезно, так как мы русские, заинтересовался нашим благополучным переездом из России в Англию и обо всем подробно спрашивал. После этого разговора он спросил: «куда вы сейчас держите путь и как будете попадать в Канаду!». Мы объяснили, что сейчас едем к Чертковым, едем к ним потому, что у нас не

хватает денег доехать до Канады и питаем надежду, что они помогут нам в этом. Он говорит, что ведь это большой расход, потому что до них 250 мил, а потом вам нужно будет возвратиться сюда, чтобы ехать пароходом в Ливерпуль. Он спросил: «А другого дела у вас к ним нет?». Говорим, что нет. «Если других дел нет, то денег я думаю мы и здесь найдем». Мы на это согласились. Потом он заказал жене приготовить хороший обед. После обеда он пригласил нас вместе с ним поехать к англичанину Мооду, который живет от него в семи милях. Он близко знаком с Толстым, у него русская жена и я уверен, что они вам помогут. Была запряжена лошадь и мы втроем поехали к Мооду. Это было вечером. Заходим в комнату. Жена Моода встречает нас и очень была рада русским людям, приняла нас очень любезно. Скоро был подан самовар, стала нас угощать чаем. Мы объяснили ей, что приехали по делу к ее мужу и сказали по какому. Она говорит: муж мой в Лондоне, но я его ожидаю, через полчаса, будет поезд, и он должен на нем приехать. В крайнем же случае, если он не приедет, то я сама могу исполнить вашу просьбу. Мы очень остались благодарны... Еще не кончили чаепитие, входит в комнату Моод и с удивлением осматривает неожиданных гостей. Мы привстали и объяснили, кто мы и как попали сюда. Он, также, как и жена его был очень рад и доволен, благодарил Жукова, что он нас привел к ним. Дело было все улажено и он пообещался послать утром телеграмму в Лондон, в контору пароходства, спросить когда будет отходить пассажирский пароход из Ливерпуля на Квебек. Сестра же жены Моода, приехавшая из Москвы погостить к ним, обещалась дать Чертковым телеграмму, чтобы известить об нас, объясняя, что если их не известить, то они могут обидеться.

И так мы возвратились на ночь к Жукову, чтобы там ждать сведений о пароходе. На другой день Моод извещает нас, что до отхода парохода есть трое суток. От Чертковых также получилась телеграмма, пишут, чтобы мы без всяких отлагательств приехали бы к ним, обещают все расходы по железной дороге принять на себя. По приглашению Моода, мы поехали с ним в Лондон, где он в конторе пароходства взял для нас два билета прямого сообщения от Ливерпуля до Кве-

бека на пароходе, а от Квебека по железной дороге мне до Эрктона, а товарищу до Саскатуна, уплатил 190 долларов. Мы обещались Мооду по приезде к родным с благодарностью возратить ему эти деньги, но он решительно отказался от этого и объяснил, что деньги он нам дает без всякого возврата. За такое благодеяние мы искренно его поблагодарили и любезно с ним распрощались. Он поехал обратно к себе, мы же поехали к Чертковым.

Чертковы: Владимир Григорьевич и Анна Константиновна любезно нас встретили на большом расстоянии от своего дома. При встрече расцеловали нас, как это бывает, когда встречаются близко родные, так и они нас приняли.

Владимир Григорьевич, сын богатого помещика и сам уже имел в своем распоряжении, как нам было известно, до сорока тысяч шленской породистой баранты, а также имел собственной земли участок, на протяжении семидесяти верст. Когда возбудилось общее духоборческое движение, описанное в этой книге, он принял в нем большое участие, защищая нас пред высшим правительством, даже лично пред государем, доказывая неправоту и жестокое отношение его к Духоборцам. Он был толстовец, проще можно сказать, он был большой сторонник и ревнитель божественному делу через учение Иисуса Христа и за это вмешательство он был выслан со всем семейством в Англию на неопределенное время. Разговаривая, мы пошли к дому, они много спрашивали, как мы выехали из Якутска, правительство ли разрешило или вы сами поехали. Говорим: «мы выехали без всякого разрешения». «И нигде вас не задерживали?». Говорим: «нет. Были опасные случаи, но мы их миновали. Слава Богу!». — «Ах как будут теперь рады ваши родные, в особенности мать». «Да, если Господь даст благополучно достигнуть, то радости не будет конца, семь лет как не видались. Мамаша наверно теперь все состарилась». — «А сколько ей лет?». — «80». — «Да, время уж состариться. А братья ваши в Якутске все здоровы?». — «Слава Богу». «Не скучают ли по родных?». — «Как не скучать, бывает всего, молодым еще сносно, а там много братьев старичков, тем, конечно, лучше бы жить при своих семьях». — «Очень жаль, что правительство их там

держит, но настанет время, их все таки должны освободить и какие из старичков не умрут, они увидят свои семьи».

С такими разговорами мы пришли к ним в дом. В доме нас сейчас же угостили чайком, а через час готов был ужин. Все время распросам, разговорам не было конца. Более обо всем спрашивала Анна Константиновна.

Пробыли у них двое суток, распрощались как со своими родными. Владимир Григорьевич с сыном Димой проводили нас на поезде три станции. Мы же доехали до Ливерпуля. В Ливерпуль прибыли 17-го числа и того же дня к вечеру на пассажирском пароходе выбыли до Квебека. По пути двое суток была большая качка, но опасности большой не было. 27-го, в десять часов утра прибыли благополучно, слава Богу, в Квебек. 3-го прибыли в Виннипег, где мы братски распростились с товарищем Петром И. Щукиным. Он поехал в Саскатун, а я в Виннипеге ожидал двое суток отхода поезда. 5-го октября вечером прибыл в Иорктон, где меня уже ожидала подвода и через два часа мы поехали на ней до своего села, отстоящего до Иорктона в сорока милях. К вечеру 6-го я под'езжал к своему селу, которого я еще не знал, но в нем были близкие моему сердцу родные и братья и сестры духовные. Что то творилось со мной необыкновенное, сердце билось неудержимо. За полверсты до дому нас увидели и узнали, что это я. И когда под'ехали к дому, где жила моя мамаша, братья и сестры всего села, даже до маленького ребенка были во дворе и встречали меня с пением псалма. Мамаша также вышла из комнаты. Первым долгом подхожу к ней и с сыновней любовью кланяюсь ей до земли. Потом любезно расцеловал ее. У ней от радости с лица падали слезы и она почти ничего не могла говорить, я успокоил ее. За тем расцеловал жену, детей и всех, кто был там. Все были безгранично рады моему прибытию в круг своего родного семейства, с которым раз'единился 22-го сентября 1895 года, а теперь было 6-е октября 1902 года. Все в общей молитве воздали хвалу и благодарение Богу за его милосердное провидение и благополучное прибытие и разошлись по домам.

ГЛАВА XXVI.

Ходатайства о переселении.

Письмо Петра В-ча Имп. Алекс. Фед. Романовой.

С начала движения и до переселения в Америку Духоборцы много перестрадали за свои убеждения, за учение Иисуса Христа, за непротivление злу злом. Многие умерли в раз'единении со своими родными, многие лишились материального благосостояния, могу сказать, в общем убытку понесли приблизительно на десять миллионов рублей. Особенно такое страдание выпало на долю так называемых, Холоденских, живущих в Тифлисской губ. Ахалкалакского уезда. Все они раньше жили очень зажиточно, а когда тифлисский губернатор Шерватидзе разослал их с женами и детьми по горному туземному населению, где был невыносимо жаркий климат, там они понесли крест страдания. Много их там умерло и многие не имели дневного пропитания тогда, как недавно имели свое достояние, свои дома и все то, чем поддерживалась и текла большим руслом их жизнь. Все это вместе взятое заставило их оставить свою родину Россию и переселиться в дальнюю страну Канаду. Что их там ожидало, может быть даже худшее — они не знали, а желали только одного, освободиться от такого порабощения, каким угнетало их русское правительство.

Императрице Александре, жене Николая, было подано Петром Васильевичем Веригиным просительное письмо, а также и Духоборцы от своего имени подали ей письмо. Письмо это я дословно помещаю в этой книге. По этому письму Ду-

хоборцев отпустили за границу. В этом переселении большое участие принимал покойный дедушка Лев Николаевич Толстой, который был очень близок ко всему этому Божьему делу. Он совместно с своими друзьями В. Г. Чертковым, П. И. Бирюковым и И. М. Трегубовым писал к народу большие воззвания о помощи в переезде Духоборцам. Мы остаемся ему очень благодарны и чтим его как одного из пророков нашего времени. Он на основании учения Иисуса Христа порицал и обличал весь несправедливый строй человечества, а особенно обманное духовенство, самодержавие императора, королей, как самое грубо и насильственное порабощение людей прошлого времени. Царствие ему небесное, вечный покой. Пусть имя и дела его остаются среди нас и потомков наших добрую памятью навсегда.

**Письмо Петра Васильевича Веригина
к императрице Александре Федоровне Романовой.**

Господь Бог хранит душу твою как в сей жизни, также и в будущем веке, сестра Александра. Я раб Господа Иисуса Христа, живу в послании и благовествовании его истины. Нахожусь в ссылке с 1885 года из Закавказской Духоборческой общины. Слово «Духоборец» надо понимать, что мы в духе и душою исповедуем Бога (смотри Евангелие, встреча Христа с Самарянкой у колодца).

Умоляю тебя, сестра во Христе Господне — Александра, упроси супруга своего Николая пощадить от гонения христиан на Кавказе. К тебе я обращаюсь, потому что думаю: твое сердце более обращено к Господу Богу. Там же сейчас более страдают женщины и дети: сотни мужей и родителей заключены в тюрьмы и тысячи семей расселены по горским аулам, где властями внушается жителям обращаться грубо. В особенности на женщинах христианках это отражается тяжело! Недавно стали садить и женщин и детей в замки. Вина с нашей стороны та, что мы, по возможности, стараемся стать христианами. В некоторых поступках, может, и недоумеваем.

Тебе, вероятно, известно учение вегетарианства; мы сторонники этих гуманитарных взглядов; недавно оставили упо-

реблять в пищу мясо, пить вино и много такого, что ведет к развратной жизни и затмевает светлость души человека. Не убивая животного, мы человека лишая жизни ни в каком случае не считаем возможным. Убивая простого человека, даже хотя бы и разбойника, нам кажется, что мы решаемся убить Христа, и вот в этом главная причина. Государство требует наших братьев обучаться приемам ружья, чтобы хорошо обучаться к убийству. Христиане на это не соглашаются; их сажают в тюрьмы, бьют и морят голодом. Над сестрами же и матерями грубо поношаются, как над женщинами; очень часто там же с насмешками взывая: «где же ваш Бог? Почему он вас не спасает?». Бог же наш на небеси и на земли и творит он все, что хочет (псалмы Давида 113 - 114). И печально более потому, что все это происходит в христианской стране. Община наша на Кавказе состоит из около 20 тысяч человек. Неужели такое малое количество может оказать вред государственному организму, если с них не брали бы солдат? Сейчас хотя и берут, но бесполезно; 30 человек находятся в Екатериноградской крепости в дисциплинарном батальоне, где над ними только мучаются, производя пытку. Человека мы считаем храмом для Бога живого и готовиться к убийству его, ни в каком случае не можем, хотя бы за это нам угрожали смертью. Самое удобное поселить нас в одном местечке, где мы и жили бы покойно, занимаясь трудом. Все государственные повинности, в форме податей, мы внесем, только не можем быть солдатами.

Если на это правительство сочло бы невозможным согласиться, то пусть бы дало нам право выселиться в одно из европейских государств. Мы охотно пошли бы в Англию или, самое удобное, в Америку, где массу имеем братьев в Господе Иисусе Христе.

От полной души прошу Господа о благоденствии вашей семьи.

Раб Христа — Петр, живущий в ссылке в Тобольской губернии, в Обдорске.

ГЛАВА XXVII.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ.

На первом пароходе из Батума отбыли ссыльные Тифлисской губ. 10-го декабря 1898-го года 2140 человек. По случаю жестокой бури пароход пробыл в пути 32 дня. В Сенжен прибыл 11-го января 1899 года. На нем в пути умерло 10 человек. Сопровождал пароход Л. Сулержитский.

Второй пароход из Батума вышел 17-го декабря 1898 года. На нем было 1600 человек Елизаветпольских и 700 карских, всего 2300 человек. В пути пробыл 27 суток, прибыл в Сенжен 15-го января 1899-го года, где был задержан по случаю болезни в карантине 27 дней. В пути умерло 6 человек. Проводником был Сергей Львович Толстой. 15 апреля 1899 года с острова Кипра отправилась третья партия на пароходе. На нем было 1010 человек, в пути был 26 дней, прибыл в Квебек 10-го мая 1899 года. Эти Духоборцы из Батума выехали прежде всех и попали на Кипр временно, а потом уже переехали в Канаду. На Кипре с ними жил для оказания всяческой помощи П. И. Бирюков. В конце апреля 1899 года из Батума отправилась последняя, четвертая партия. Было их 2300 человек — Карские. Пароход пробыл в пути 27 дней. Придя в Квебек, по случаю болезни был задержан в карантине на 27 дней. В пути умерло 7 человек. Проводниками были Александр Н. Коншин и Владимир Дмитриевич Бонч - Бруевич. Все проводники были на пароходах по просьбе Льва Н-ча Толстого.

В Квебеке и Синжоне Духоборцев встречали тысячной

толпой народа, делали всякого рода подарки и угощения. Министр внутренних дел Сифтона встретил их с такими словами: «Как нам известно, вы в России много перестрадали от властей за религиозные убеждения, но теперь вы избавились от египетского порабощения и пришли в страну полной свободы, где вы можете сохранять свою веру, так, как она вам позволяет, т. е. как вы понимаете ее, так и исповедуйте».

Такие слова министра Сифтона сильно обрадовали их, они возрадовались и возблагодарили Господа Бога, а также и министра как народного правителя искренно поблагодарили за такое принятие. Духоборцы попали сюда в Канаду не как все переселенцы, ищущие материальной наживы. А переселились и принялись народом Канады, как мученики и страдальцы за веру Христову. Это поняли и знали обе стороны, как сами Духоборцы, так и весь народ Канады, а иначе Канада и не могла бы принять их.

Раньше переселения сюда были посланы поверенные для приискания земли: Петр Махортов и Иван Ивин, а также и князь Хилков, который хорошо владел английским языком. Кроме того он, Хилков, хорошо был знаком с правительственным распоряжением в России, а также и здесь нужно было узнать все до тонкости, даже условиться, чтобы снова Духоборцам не подпасть под ту же власть Канады, как и в России.

С прибытием первой партии, поверенным уже была показана правительством земля, куда они и стали направлять народ. Первый участок был указан в местности Иорктона. Эта местность была пустынная от природы, даже девственно - лесистая, кустистая и болотистая. Такая местность не соответствовала поселению Духоборцев и по суровости климата не сродственна им, в смысле вегетарианства нужно бы теплей климат, чтобы можно было возвращать все овощи и питаться ими, но по указанию правительства, в силу необходимости, они должны были поселиться в ней. С другой стороны, принимая во внимание об'явление министром полной свободы в вере и исповедании религиозных убеждений, они были рады и этой земле. Как сказано выше, причина ихнего переселения из России в Канаду, не искание хорошей земли или богатства, а религиозное убеждение, в котором им обещана полная

свобода. В этом и заключается весь смысл Духоборческого переселения и земля уже здесь не причем.

Другой участок был указан на Прицалберте. Там земля была посуше и было много обработанной земли, туда также стали поселяться. Но большинство Духоборцев стали заселять Иорктонский участок. Им был отведен так называемый Духоборческий резерв, приблизительно в 40 квадратных миль. Позволили им селиться селами, обрабатывать землю сообща. За принятие земли, т. е. фарму нужно уплатить 10 дол. и земля поступает в собственность. А также за переселенческие дороги нужно платить ежегодно по два доллара с фармы.

Было объявлено: солдатына, т. е. военная повинность отменяется навсегда, на что был выдан и документ, который я помещаю здесь дословно.

Контора Имигрантского Комиссионера в Виннипеге.

Я Иван Обед Смит города Виннипега, провинции Манитоба, во владении Канады, Имигрантский комиссионер и публичный нотариус для провинции Манитобы свидетельствую следующее: что в силу указа, данного частным советам владений Канады почтенейшим Министром Внутренних дел и одобренного его превосходительством Генералом губернатором Канады 6-го дня декабря 1898 года, согласно 3-ей статье 21 отдела 41-й гл. пересмотренного устава Канады, Духоборцы, которые по своему религиозному учению, отказываются от несения оружия, исключены безусловно от служения в дружине и уволены от военной службы при предъявлении доказательства, что они члены Общества Духоборцев. Дано под моей подписью и печатью в городе Виннипеге как выше сказано в этот 25-й день июня в году Господа нашего 1901-м.

Имигрантский Комиссионер и публичный нотариус.

С таким объяснением стали Духоборцы строить дома, заводить скот, лошадей, приобретать земельные орудия и возделывать землю тяжелым трудом. В начале устройства, не имея у себя волов, лошадей, женщины впрягались сами в плуг и пахали землю. Мушны же отправлялись на заработки, для поддержания существования своих отцов, матерей, жен и де-

тей. Поступать так заставляла необходимость и великая нужда, так как из России Духоборцы прибыли, надо сказать, без копейки, а здесь также по новости и незнанию английского языка было очень трудно. Так что и здесь на первых порах Духоборцы перенесли много страданий и тяжелого, даже непосильного труда.

ГЛАВА XXVIII.

Письмо Анастасии Вас. Веригиной Импер. Александре Фед. Романовой.

Приводим здесь письмо матери Петра Васильевича, которое она написала императрице Александре Федоровне Романовой.

«Сердечно уважаемая добрейшая Государыня Императрица Александра Федоровна. В горячей молитве сокрушенного сердца призываю мир и благословения Господа Бога на всю жизнь вашу, да дарует вам Господь желаемое.

Великодушно умоляю вас сестра в Господе Александра, дать место в тайниках вашего доброго сердца умоляющей моей просьбе.

Я просительница из среды Духоборческой Общины Христианка Анастасия Веригина, выселившаяся с другими братьями в 1899 году из Кавказа в Северную Америку, Канаду, принадлежащую Великобританскому Государству. Я мать семи сыновей, ноне находящихся в изгнании отдаленных мест Российской Империи в западной и северо - восточной Сибири, из коих первый Петр выслан по общественному вопросу первоначально в Архангельск, а затем в 94 году переведен в Тобольскую губ. Березовского уезда в село Обдорск. Со дня высылки наступил 15-й год, и пятеро высланы в Якутскую область: Иван, Федор, Прокофий, Василий и Григорий Веригины, которым со дня заключений высылкой идет седьмой год, и седьмой из сыновей Лукьян волею Божией скончался в сем

трагическом пути в Саратовской губ. в городе Камышове 8-го августа в 1897 году в темнице.

Добрейшая Государыня, вам наверно известно движение Закавказских Духоборцев, которые не согласились носить оружие и отбывать военные службы. Мои сыновья не были призываемы в солдаты за протекшими годами, но при опросе правительства они высказались в своем убеждении о вере во Христа, о противлении злу насилием, не платить злом за зло, как по старозаветному преданию народов око за око и зуб за зуб. Но принявши крещение духовное верою во Христа обещались служить ему, по завету, любовью до самопожертвования и, памятуя слова Спасителя: и так всякого, кто исповедует меня пред людьми, того исповедую и я пред Отцом моим Небесным. И так не было смысла умалчивать пред вопрошающими, и в доносах местных властей стали обзывать моих сыновей анархистами, говоря, распространяют ими измышленную пропаганду Анархию. — Слово это не было для меня понятным и лишь чрез сведующих людей я узнала его значение и могу уверить вас, добрейшая Александра Федоровна, что сыновья мои подобного ничего не знали, а лишь за веру во Христа были высланы в бессрочную ссылку в суровую по климату страну, где и томятся в борьбе за существование в недостатках скудости пропитания и отчуждены от мира и родства, взяты от меня дорогие моему сердцу дети. Приязнь, материнская любовь и желание к детям не дает мне сердечного покоя. Вам, дорогая сестра, известно, потому вы мать своим детям и можете легко отгадать материнское влечение и любовь и надо полагать нет розни в сердцах ни у богатых, ученых, ни у нисших классов людей: любовь одинакова и поэтому к вам я обращаюсь с умоляющей просьбой примите участие в моей судьбе, упросите супруга своего Николая отпустить ко мне моих сыновей. Я в старческом возрасте, около 80 лет от роду, хочу повидать их и покойно перейти в загробную вечную жизнь, благословляя мироправителей. Имею основание надеяться на ваше доброе, проникнутое любовью сердце. Будучи деятельной в просвещении учения, вы и в истинной жизни Христа сделаете из многих самое доброе дело, которое заключается единственно в милосердии и люб-

ви. А если не обретет мое воззвание в вас желаемого возврата всех моих детей, тогда сочтите возможным отпустить ко мне хотя меньших двоих сыновей Петра и Григория, которые окажут мне последний необходимый сыновний долг человечества. Вот вполне вся моя просьба к вам, будьте так добры, не забывайте моей великой просьбы, удостойте меня радостным желанным ответом. За недоумение и неграмотичность прошу не взыщите, я в простоте сердца изложила мою просьбу. Как я, равно жены и дети, находящиеся здесь в Канаде, жены яку вдовы и дети, яку сироты, ото всей моей семьи вознесем торжественную теплую молитву Царю Богу о вашем супруге и всей вашей семье о счастливом долголетии и получении всех желаемых благ от Господа. Преданная к вам христианскою любовью вдовица Анастасия В-на Веригина.

ГЛАВА XXIX.

Поход братьев и сестер во имя Божьего дела.

Во время моего прибытия между Духоборцами и правительством происходило страшное волнение. Это волнение возбудилось из за земельного вопроса, так как земля в Канаде выдается чрез запись агентов. Каждый принимающий землю, должен записать свое имя, отчество и фамилию. Эта запись происходит в канцелярии агента, где требуется своего рода обещание, вроде присяги, в особенности для трехлетнего пребывания и труда на земле. Земля должна войти в собственность владельца, на которую дается от правительства документ, что земля действительно поступает в собственность владельца. При выдаче такого документа требуется в полной форме присяга королю Эдуарду, признание его как высшей властью и беспрекословное исполнение всех его требований и приказов. Это и возбудило в Духоборцах волнение, и они, на основании незаконного действия правительства, отказались принимать землю, они стали понимать, что правительство их обмануло своими угощениями при встрече, чтобы они доверились ему, что они и сделали, а теперь оно стало их по немногого затягивать в свою сеть. А где же обещание и объявление министра Сифтона о полной свободе, которое он высказал при встрече, по отношению исповедания веры Христовой. Значит все это было только на словах, а на деле совсем подается другая форма. После этого всеми Духоборцами было порешено не принимать землю, а то может повториться та же история, как и в России. Села же обстроились и стали об-

заводиться всем тем, что было нужно для земледельческого труда, земля - же не принималась. Правительство в этом сильно не притесняло, а давало льготу, надеясь, что Духоборцы сами придут к такому заключению, т. е. под присягой примут землю; в крайнем же случае земля может отобраться и отдаться другим, а Духоборцы, куда хотят, пусть туда и уходят. И тогда правительство снова через своих агентов стало принуждать Духоборцев или принять землю согласно их закону, или же освободить землю для поселения других.

Тогда часть Духоборцев, более двух тысяч человек, боясь подпасть под их требование, которое не согласуется с учением Христа, поступило согласно второму предложению: оставить все и отдаться дальнейшему течению судьбы, на произвол и упование всемогущего создателя всех миров, хотя это было очень рискованно: уже близилась зима и наступали холода. Они пустили на свободу весь имевшийся у себя скот, лошадей, оставили свои дома и все нажитое. И все старые и малые, больные и немощные, отправились по пути к Иорктону. В Иорктоне встретило их правительство и, сознавая себя виновниками всему такому движению и ужасному положению 2000-й толпы, которая была лишена всего, даже дневного пропитания. Тогда правительство вздумало поправить свою жестокую ошибку, стало их просить возвратиться назад в свои дома. Когда они не согласились, оно их всячески мучило, топтали даже лошадьми, но все это не помогало. Тогда женщин и детей силой отделили от мужчин и заключили в эмигрантский дом, давали даже небольшую порцию пищи. А мужчинам предоставили право идти куда угодно, воспрещая жителям по пути подавать им кусок хлеба, хотя бы это пришлось во имя великого учителя истины Иисуса Христа. И так они оставили в Иорктоне жен и детей и больных, а сами голодные, холодные и измученные не на живот, а на смерть, прошли сто миль, дошли до города Минидоса. Там правительство думало остановить их, но ничего не помогало. Видя, что многие из них выбиваются из последних сил, даже остаются по пути, где близится к ним неминуемая смерть, которая будет падать всецело греховным пятном на весь цивилизованный мир англичан и страну свободы, их принудили силою сесть в

вагоны и отправили на место жительства. Привезли в Иорк-тон, освободили женщин и детей и вместе отправились в села. Эта история, хотя не так подробно описана, но читатели должны понять, насколько она была жестока и неуместна. Она происходила на пути 20-го века от рождения, учения и смерти великого учителя Иисуса Христа, который призывал все человечество к исполнению воли отца небесного, что и стремились делать люди. И так ли с таковыми людьми надо было поступать, тем более англичанам, которые сами себя считают верующими во Христа, как сына Божия.

ГЛАВА XXX.

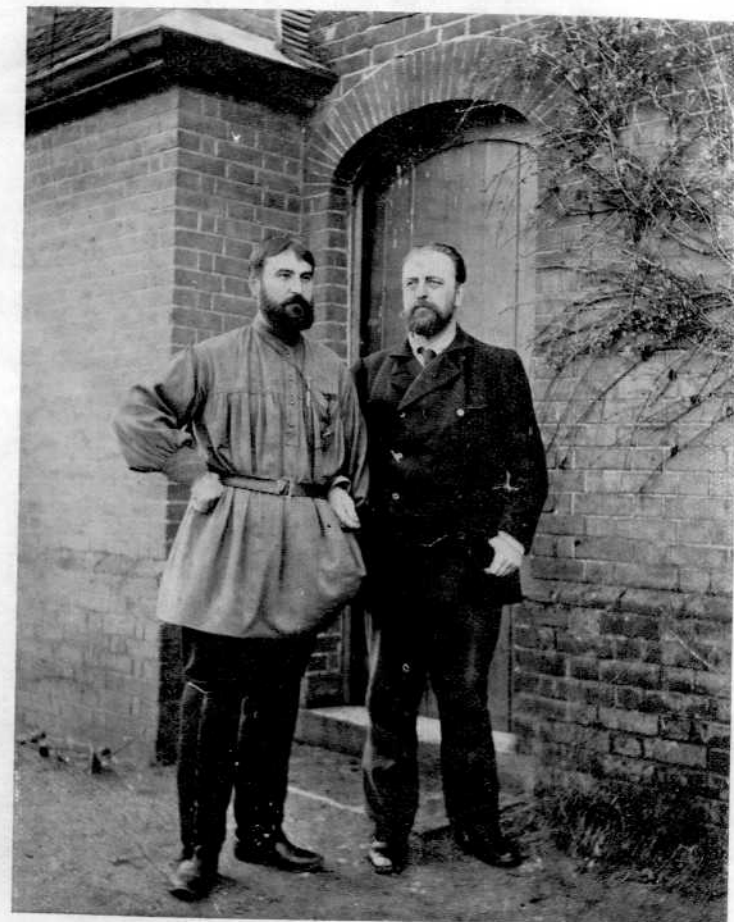
ОСВОБОЖДЕНИЕ ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВЕРИГИНА РУССКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И ПРИЕЗД ЕГО К ДУХОБОРЦАМ В КАНАДУ.

10-го декабря 1902-го года, получаем телеграмму от Анны и Владимира Чертковых из Англии, в которой пишут так:

«Петр Веригин благополучно прибыл к нам и гостит у нас. О выезде его в Канаду сообщим телеграммой.

Чертковы».

Таковая радостная весть в один момент облетела все духоборческие села, и все узнали, что наш великий страдалец на пути к нам. Боже милосердный, какая была неопишуемая радость, и выражалась она везде: при встрече ли, на собраниях ли — всюду слышалось: «Слава и благодарение Богу, что Господь возвращает к нам нашего страдальца, который не мало пострадал за истину и за общее всем нам дело. Раз' единение его с Духоборцами было подобно бурной темной ночи, которая длилась шестнадцать лет, и, несмотря на такой долгий промежуток времени, духоборцы оставались в надежде на возврат его. Теперь оно настало, и такое радостное известие от Чертковых это было появление зари, после которой должно появиться и восходящее солнце. Таковая неизреченная радость была у всех духоборцев, но более того ощущалась радость в сердце дорогой нашей матери, которая за это время действительно совсем исстарилась и измая-

*Петр Васильевич в гостях
у Вл. Гр. Черткова в Англии*

лась. Описать здесь ее материнскую радость я не берусь, да и не смогу выразить ее в точности.

Следующая телеграмма извещала мать. И когда я стал читать ее ей, то слезы у ней катились из глаз, лицо - же ее сияло и принимало вид молодости и она воздавала славу и возблагодарение Богу, что хоть при последних днях ее жизни Господь услышал ее молитву и возвращает к ней непобедимого героя и дорогого близкого сердцу сына, который сражался долгое время за правду и истину Божию и остался верным Богу. Она меня заставляла еще несколько раз прочесть эту телеграмму и спрашивала подробно, сколько же еще пройдет времени, когда он прибудет сюда. Я сообщал весь путь и говорил ей, что еще пройдет столько то дней. Она возражала и говорила, неужели пройдет еще столько времени, ведь это ужасно долго и я совсем измучаюсь в ожидании. Я ее успокаивал и говорил: «Милая мама, не нужно только волноваться, а время само по себе пройдет так же, как прошли эти долгие 16 лет, от которых ничего теперь не осталось, как только одно воспоминание.

По этой телеграмме Духоборцы порешили назначить с'езд из всех сел; был назначен день, прибыли из каждого села по два человека для совета. На этом с'езде порешили послать двух человек в Квебек или Сенжон, смотря по тому, где будет приставать пароход. Эти два человека должны были поехать ото всех Духоборцев для встречи Петра Васильевича. Первый из них Павел Васильевич Планидин, средних лет, в молодости был близко знаком с Петром Васильевичем и своим поведением жизни вполне заслуживает такого доверия и уважения со стороны общества. Вторым Семен Ф-ч Рыбин, молодой человек, с добрым характером и сердцем и научился уже хорошо говорить по английски.

И когда была подана вторая телеграмма от Чертковых: «Петр Веригин такого то числа выехал из Лондона в Канаду», тогда, смотря по времени, эти выше упомянутые Планидин и Рыбин выехали до назначенного места. О приезде его в Англию не только было известно Духоборцам, но все Англичане знали: это писалось в газетах, в особенности канадское правительство радо было такому известию, что Петр.

Веригин едет в Канаду к Духоборцам, которые в это время стали производить большие волнения. Как уже сказано выше, правительство принимало меры разного рода, но ничего не помогало и оно оставило надежду на приезд Петра Васильевича, полагая, что он должен их успокоить.

Когда пароход прибыл на пристань, Петр Васильевич был на палубе и присматриваясь на берег, узнал Павла Васильевича. Такая встреча была радостна. Находиться в разединении в продолжении такого промежутка времени, как 16 лет и встретиться на другом полушарии земли, где для Петра Васильевича было все ново и незнакомо, а тут являются люди, как будто старожилы этой страны и вместе с тем близко знакомые! Как же таковая встреча не должна быть радостна.

По пути, в городе Монреале, где поезд останавливался на полчаса, министр внутренних дел имел личное свидание с Петром Васильевичем и после свидания и разговора о благополучном прибытии, министр обратился к Петру Васильевичу с речью, чтобы он успокоил Духоборцев от волнения. На это Петр В-ч сказал министру, что я еду пока, как гость и у меня есть здесь мать старушка, которую по долгу своему я еду навестить. Следовательно общего я пока ничего не имею в деле между Духоборцами и правительством. Может, даже я ворочусь обратно в Россию. А если останусь здесь, то могу им высказать свое мнение, но силою я не могу ничего делать, хотя бы это было и для доброго дела. После этого распрощались, пожав друг другу руки и свидание закончилось.

В Иорктон прибыли благополучно. Там были уже готовы лошади, чтобы ехать домой. Из Иорктона домой было около 40 миль. На полпути нужно было дать передышку лошадям. Там жил известный по своей доброте всем Духоборцам, Якуп Бурцев из немцев, семейный, имел жену Сару, которая имела христианское сердце, были у них три сына и несколько дочерей. Они были поселены здесь раньше чем Духоборцы, имели достаток, хотя небольшой, но все у них было.

Вначале поселения Духоборцы все покупали из города и проездом чрез них познакомились с ними. Якуп и его жена так были добры сердцем и душою, что не только не брали за ночлег самих и лошадей, как это делали другие, но если даже

чего не хватало из провизии, то всегда они давали без всякой платы. Я, хотя коротко, но счел нужным поместить здесь об их доброте, чего они вполне заслуживают.

Мамаша мне не позволила поехать в Иорктон для встречи брата, а велела мне поехать лишь до Якупа, чтобы я там встретил его, передал бы поклон матери и узнал бы о здравии и благополучии его, и когда он остановится для отдыха у Якупа, чтобы в это время я выехал вперед и известил бы ее о благополучии. К Якупу я приехал на ночь, переночевал и утром выехал на встречу. Мили две проехал и повстречался с братом. Он был очень рад мне и пригласил меня в свои сани. Я пересел и начался разговор. Во первых спрашивает: «как живет наша дорогая мамаша, наверно состарилась». Говорю: «да. С нетерпением ожидает вас, прислала меня, чтобы я с вами повидался, передавала вам материнскую любовь и чтобы отъехал я вперед известить ее о вашем благополучии. С такими разговорами мы доехали до Якупа. Братец остался, а я отправился к матери. Приезжаю, она стала спрашивать, все ли благополучно и скоро ли мой дорогой сынок приедет. Говорю: «все благополучно, слава Богу, и часа через три должны приехать домой. Все село засуетилось и стало приготавливаться к встрече.

В семь часов вечера Петр Васильевич прибыл в Отрадное, где с большой радостью его встретили, с пением псалма: «Гости наши дорогие». И все были настолько рады, что и описать я не могу. Этот день был знаменательный для всех нас, в особенности для мамы. Она забыла свою старость, забыла все свои страдания и горе, все это осталось позади и она теперь была счастлива, радовалась и благодарила Бога за великое его милосердие к ней. И так мы зажили счастливой и радостной жизнью.

Петр Васильевич разединился с родными и всеми Духоборцами и пошел на страдание 2-го февраля 1887 года. А теперь было 24-ое декабря 1902-го года.

ГЛАВА XXXI.

Петр Васильевич об'езжает все села,
его речи и советы народу.

Когда прибыл Петр Васильевич, стояли сильные морозы и приезжать или приходить из сел на свидание было очень трудно и он порешил сам побывать во всех селах и повидаться со всеми братьями и сестрами, которые также желали этого.

Когда Петр Васильевич посещал Духоборцев, то все с великой радостью и искренней любовью встречали и принимали его, как дорогого гостя и страдальца за общее всем нам дело. Везде много говорили о прошедшем, т. е. о постигших страданиях, о гонениях и как все это переносили с упованием на лучшее впереди.

Он говорил: «Да, братья и сестры, постигла нас такая катастрофа, как с тем Иерусалимом, от которого не осталось камня на камне. Так с нами поступило русское правительство. Но истинно говорю вам, братья и сестры, ужасаться или скорбеть за прошлые страдания не надо, а надо только вспоминать с торжеством и великой радостью и прославлять Бога, потому что он участвовал с нами в этих страданиях и посылал нам Духа истины, который касался души и сердца нашего, который внушал нам на это время забыть все земное и лишь только отдаться провидению и воле Божией и творить только то, что он в разуме открывает каждому человеку и мы в это время не должны были творить волю плоти, а волю ду-

ха, бесконечного Вечного духа, которому не было начала и не будет конца. Мы страдали во имя Иисуса Христа. Только нужно искренно вспомнить его рождение, его земную жизнь, его учение, которое он производил с большими трудностями, он разбивал вечный хаос мрака невежества, честолюбия, высокомерия. Он жил в худшие времена невежества, чем мы сейчас живем и потому совершать то, что он совершил, нужны были духовные усилия. Это все равно как нужно человеку иметь физическую силу и большой молот чтобы разбить вечно стоящую скалу самородного камня, которая без физической силы и большого молота ничему не поддается, так и Христос владел сильной волей разума и совершал это Божие дело, порученное ему Отцом его. Мы видим, что в такой сильной борьбе он также ослабевал. Это мы видим когда он был в пустыне. Он пробыл там сорок суток, пребывая в посте и молитве, и, когда взалкал, тут враг рода человеческого стал предлагать ему все богатства мира сего с тем условием, чтобы он поклонился ему. Но он торжественно отверг все эти мирские блага и сказал: «Уйди, сатана, прочь от меня, Богу единому нужно поклоняться». И после этого у Христа больше не было сомнений или препятствий, он пошел на мучительную телесную смерть, предавая дух свой Отцу своему небесному. Нам же завещал: гнали меня и будут гнать вас и кто оставит ради меня, отца и матери, жену и чад, брата и сестру, земли, дома и все нажитое, тот получит во сто крат больше и наследует жизнь Вечную. Мы потомки страдальческого рода, предки наши страдали от духовенства, от попов, которые в лживом виде представляли народу почитание Бога в изделиях рук человеческих, в иконах, пред которыми заставляли народ поклоняться, как Богу. И предки, видя такое кощунство, стали открыто порицать и называть эти иконы идолами и за это их больше нас мучили. Заточали их в тюрьмы, сажали в каменные столбы, вырезали из спин ремни, засекали до смерти и рассылали в самые худшие места Сибири, в Камчатку, Сахалин и в Колу. Теперь же мы, потомки их, от этого кощунства свободны и мы должны помянуть их добрым словом, потому что их страдания освободили нас от этого обмана. Теперь же, как страдали наши предки, так и мы должны были пострадать,

потому что перед нашими глазами совершаются ужасные войны, кровопролития, убийства человека человеком, всякого рода насилия, лишение свободы, тогда как Христос поучал людей, что все люди одного Отца Бога дети и между собой должны жить, как братья... Первая заповедь, любить Господа всем сердцем и душою и вторая, подобная ей, любить ближнего своего как самого себя. И не желай того другому, чего себе не хочешь, в этом закон Божий и пророки. И если бы мы не вступили в открытую борьбу с русским правительством за такую их противоположную жизнь с учением Христа, то мы бы подлежали большому осуждению со стороны Иисуса Христа, а также и для предков наших было бы обидно. И пред поколениями нашими, которые будут жить впереди, мы бы не заслуживали доброй памяти о себе. Наша борьба была не для одних Духоборцев и их поколений, но для всего мира подан был сигнал для прекращения войн, кровопролития и всего того, что противоречит учению Иисуса Христа. Заканчиваю свою речь, братья и сестры, душевно всех вас благодарю, что вы не отступили от этого Божьего дела, предложенного мною. Помянем добрым словом тех всех, которые может, безвременно умерли в этой борьбе. Они сделали достойное дело для себя и царствие им небесное, вечный покой, а нам да поможет Бог совершенствоваться и жить согласно учению Христа, в котором заключается воля Божия».

После этого разговора переходили к разговору о приемке земли. Петр Васильевич спрашивает: «как вы думаете отнositельно приемки земли?».

Почти во всех селах ответ был один и тот же, что мы еще окончательно не порешили и не знаем, будем принимать или нет. Петр В-ч говорил, что нужно об этом подумать серьезно и притти к одному какому-нибудь заключению. Если принимать, то нужно принимать, а если нет, то также нужно серьезно подумать, каким путем добывать себе пропитание, ведь у вас семьи и много детей, нужно подумать каждому селу в отдельности и потом назначить съезд со всех сел, и там окончательно порешить, как должны поступить.

Когда приехали в село Терпение, там народу навстречу вышло очень много, так что Петр Васильевич удивился: село

небольшое, а народу очень много. Оказывается, что все это село из свободников. Когда правительство возвратило их обратно, то многие и из других сел поселились там на зиму. Правительству объяснили: если вы нас воротили назад, мы считаем себя теперь арестованными, вы нам должны все доставлять. У них у самих по селам везде был свой хлеб, и правительство принимало меры, доставляло им из Иорктона все, что было нужно, а отсюда забирало ихнюю пшеницу в замен привезенного. Правительство при этом ничего не теряло, но для Духоборцев все таки было не выгодно, ихнего труда много проходило даром.

Петр Васильевич в этом селе оставался двое суток и обо всем много говорил. Он посоветовал им, чтобы они заявили правительству, чтобы оно с этого дня не доставляло им ничего и по мере сил своих они бы сами готовили для себя все необходимое к жизни, а что будет им не под силу, например привести дров из лесу, свести пшеницу на мельницу, то, так как у них лошадей не было, им должны помогать те Духоборцы, которые не освобождали скот, а правительства, чтобы не касались ни с чем. Все они приняли такой совет и сейчас же отправили двух человек в Иорктон, которые и заявили агенту, чтобы с этого дня им ничего не доставляли. Агент был этому рад и сказал: «хорошо».

Затем Петр Васильевич предложил тем, которые были из других сел, чтобы они все разошлись по своим селам и поместились бы в своих домах, объясняя им, что от большого скопления народа в избах может произойти болезнь, даже смерть: ввиду этого нужно разойтись каждому по своим домам. Это также они приняли, все разошлись по своим селам и зашли в свои дома.

И так Петр Васильевич об'ехал все села. Обо всем нужном переговорил с народом и люди стали думать серьезно о своей дальнейшей жизни.

ГЛАВА XXXII.

С'езд для обсуждение земельного вопроса. Принятие земли.

10-го апреля 1903 года был назначен с'езд со всех сел по два человека из каждого села, для обсуждения земельного вопроса. А также были приглашены и агенты этих участков из Иорктона и из Сван - Ривера. Они были приглашены для того, чтобы подробно объяснить на каких условиях выдается земля и какие обязательства требуются. Они объяснили так: Каждый, имеющий от 18-ти до 60-ти лет, желающий принять землю, может ее принять. Нужно отыскать незанятую ферму, какая понравится, с этой фермы нужно снять номер, явиться к агенту в контору и заявить: такую ферму я желаю принять. Агент сверяется в книге и, если эта ферма никем не занята, то он сейчас же предлагает записать в книгу свое имя и фамилию, что такая то земля принята таким то человеком. За это нужно уплатить 10 долларов, эти 10 долларов взимаются за размежевание земли, земля же выдается даром. Когда этот человек проживет на этой ферме три года, правительство за ним следит, как он ее обрабатывает: если ленится и не обрабатывает, то земля может отобраться и вручиться другому. Если же человек трудится, эта ферма чрез три года поступает ему в собственность, на что от правительства дается документ, с тем условием, что этот человек должен расписаться в принятии присяги королю Эдуарду. И агенты объясняют, что таковая присяга не обязательна, а кто только пожелает, тот должен принять ее, а кто не пожелает, то силою не обязыва-

ют. Еще объяснили: должны принять школу, дети должны ходить в школу и оплачивать расходы, а также и метрические записи должны производиться. Проселочные дороги вы должны справлять, а если не будете справлять, то с каждой фермы в год будете платить 2 доллара и больше ничего. На том с ними и закончилось и они уехали по своим участкам.

Духоборцы же приступили к решению вопроса. Решение не состоялось. Одни говорили так, другие иначе. Обратились за советом к Петру Васильевичу. Он принял во внимание все разговоры и высказал свое мнение так.

«По моему мнению землю нужно принять. Земля нам необходимо нужна, чтобы разрабатывать и кормить свои семьи. Вы говорите, что земля Божья и люди Божии и не нужно принимать у агентов, можно пользоваться каждому без всяких записей. Я с этим согласен и хорошо, что Духоборцы своим разумением идут впереди. Пройдет еще несколько веков или тысячелетий и все человечество должно прийти к этому, никаких межеваний не нужно будет, а будут пользоваться сообща, как одного Отца Бога дети, потому что все люди поймут, что земля это не то, чтобы ее приобретать в собственность или делать на нее непосильный захват, потом перепродавать ее. Это незаконно перед Богом, который создал ее, он создал не для того, чтобы на ней эксплуатировать своего брата, а для того, чтобы на ней доставать законное пропитание, т. е. влагать свой труд по мере своих сил и питаться, а земля остается неприкосновенной, кроме как только к Богу. Что мы и видим: народы веками сменяются, земля же остается землей. А теперь, пока есть межевание и большинство народа придерживается этого, мне кажется, что это пока хорошо. Здесь каждый богатый или бедный может получить свою равную долю, как оно и определено Богом. В записи, мне также кажется нет ничего опасного, это простая запись для указания земли, где занята и где свободна. А что вы страшитесь присяги, то до этого еще далеко, три года, а нам нужно сейчас жить. После трех лет может даже и не потребуется она, а если и потребуется и вы порешите противостоять ей, то это тогда и можно. Еще повторяю вам: смотря по времени, в межевании и записи земли чрез агентов ничего преступного нет,

и если вы искренно желаете жить христианами и следовать учению Христа, то после приемки земли вы можете это доказать на деле: когда примете землю, то между собой никто не считайте ее своей фармой, а пользуйтесь сообща, как одного Отца Бога дети.

На это все согласились, все, кто только был на этом с'езде и каждый дал честное христианское слово, чтобы после приемки земли, никто не имел права пользоваться своей землей отдельно. Добровольное слово Духоборцев было их законом, которого ни в каком случае изменять нельзя, а кто его изменит, тот уже не Духоборец. Земля должна записываться в конторе у агентов, каждому в отдельности ехать туда была бы большая потеря времени и потому назначили трех человек, которые должны принять всю землю. Доверие дали Петру Васильевичу, Павлу Планидину и Николаю Зибарову. Они должны были вытребовать от правительства земельные бланки и здесь об'ехать все села, записать имя и фамилию каждого человека и потом отправиться в контору агента для приемки земли. На с'езде были и свободники, которые также все согласились принять землю. У них остались деньги от продажи правительством их скота и лошадей — 7000 долларов, которыми они и порешили уплатить за фармы. Отсюда и начинается добровольная общая жизнь. У свободников не было ни лошадей, ни скота; там же на с'езде порешили с каждого села, кто сколько может, уделить им лошадей, коров и все то, что необходимо.

Все вышеупомянутое было порешено только теми, которые были на с'езде, по два человека из каждого села, как доверенные. Эти доверенные, приехав в свое село, должны собрать полное собрание не только мужчин, но и женщин и подробно выяснить все то, что было на общем с'езде решено. После этого каждый в отдельности должен серьезно подумать и прийти добровольно к какому либо заключению и когда пришлются бланки от правительства и потребуются запись имени и фамилии каждого желающего принять землю, то они должны вписать их на этих бланках. А кто не желает, те не должны записываться на этих бланках, а должны сами поехать к агенту и по своему усмотрению принять себе фарму.

Прошло времени с месяц, если не больше, когда пришли бланки. Для удобства записи все села были распределены на три участка: южный, северный и так называемый лиманский. Петр Васильевич сам не поехал на свой участок, а поручил мне и я исполнил его поручение. Приезжаю в село, объясняя причину своего приезда и прошу, чтобы собрались все, желающие вписать свое имя и фамилию на бланке для принятия земли. Когда все собрались, я об'яснял: «Я приехал в ваше село по поручению Петра Васильевича, собрать записи имени и фамилии на бланках, всех желающих принять землю, на условии, порешенном на общем с'езде. Эта земля будет приниматься из духоборческого резерва и большею частью будет приниматься подряд, не разбирая, где удобные фармы и где неудобные, потому что в общем пользовании будет вся земля удобная: Часть будет расдѣлываться под хлебопашество, а где не так удобная, там будет пастись скот.

Запись производилась добровольно: кто был грамотный сам записывал свое имя и фамилию, кто же не был грамотный, я вписывал по его поручению сам лично. И так я об'ехал все села. В селе Покровке один человек не пожелал записаться на общих условиях. В селе Горелом пять человек не записалось, а остальные все записались и еще дали честное слово не знать своей фармы.

Когда запись по всем селам закончилась, доверенные поехали в Иорктон и приняли землю. Земли принято было 2025 фарм. После этого началась правильная разработка земли, стали приобретаться плуга, бороны, резалки, сеялки, жнеи и все, что нужно было для улучшения хозяйства.

ГЛАВА XXXIII.

Устройство общинного хозяйства. Жизнь Петра Васильевича в «Отрадном».

Когда открылась весна, нужно было идти на посторонние заработки. Было посоветовано так, чтобы из каждого села две части взрослых рабочих шли на посторонние заработки, а третья часть должна оставаться дома и управлять всеми хозяйственными делами. Мельниц в селах нигде не было и возили пшеницу для размолки муки в городки. Петр Васильевич считал нужным внести вопрос о постановке на участках четырех паровых мельниц. Все подали на это согласие и сейчас же принялись за постройки мельниц. Четыре паровоза с молотилками были выписаны и в скором времени доставлены. Мельницы также были скоро готовы, потому что делались сообща несколькими селами вместе. Стали молотить пшеницу свои мельницы.

Когда убрали с поля хлеб и настало время молотбы, эти же мельницы и паровозы начали молотить хлеб и весь перемолотили благополучно. На общем съезде посоветовали этим же летом добавить лошадей для обработки земли. Лошадей покупали на юге, миль за пять сот. Доверенные по закупке были Павел Планидин, Семен Негреев и Ферор Сухачев, а также и Петр Васильевич участвовал, так как закупалось большое количество лошадей и нужно было делать с большим расчетом, во первых в цене, чтобы не переплачивать, второе, чтобы и лошади были подходящие. Купили 320 штук, ценой по 75 дол. за каждую. Лошади были все неукы, их при-

шлось гнать степью до самых сел. Это заняло 22 дня времени, пригнали их благополучно и по осени эти лошади разобрались по селам. Лошади были все на счету, как домашние, так и покупные и по общему определению на каждое село получилось 9 пар. Село считается из 40 фарм. Те села, в которых раньше было такое число лошадей, не брали этих покупных лошадей; а те села, в которых нехватало, те брали. И таким порядком все лошади были разобраны. С этих пор все закупки стали производиться сообща. Все, что нужно было для земледелия, а также одежда, обувь — все это покупалось в Виннипеге, в складах, где продавалось гораздо дешевле, чем в ближайших городах. На станции Веригин был устроен общий склад как для мануфактурных товаров, так и для сельскохозяйственных инструментов, а оттуда все необходимое поступало в села. При складе была и контора, куда поступали все приходы; расходы также выходили оттуда. Как приходам, так и расходам велась подробная запись. Ежегодно были съезды, по два или три человека из каждого села, где проверяли все расходы и приходы. Эти отчеты прихода и расхода печатались в конторе и рассылались по всем селам. Этим приводили в известность о всех делах общей жизни всех живущих в общине. Так зажили Духоборцы. С большим усердием принялись за разработку земли и за обзавождение всем хозяйственным имуществом.

Когда Петр Васильевич прибыл в село Отрадное, для него уже был отстроен небольшой домик с двумя отделениями: одна комната столовая и кухня, другая спальня. Он взял туда и мать свою, чтобы оказать ей сыновний последний долг. Но так как за матерью и за ним нужен был уход, то он пригласил девиц из ближайших родственников. Первая была принята на второй день его приезда; она была дочь племянницы Марии Настасья Ф. Голубова, ей было 17 лет. А также были приняты две родные сестры Авдотья и Федосья, родные племянницы. Они были сироты: родитель их Лукьян, брат Петра Васильевича, скончался в тюрьме в городе Камышове, Саратовской губ. на пути в Якутск. А мать их умерла здесь, в Канаде. А также и еще были Варвара и Пелагея двоюродные племянницы. Каждая из них занимала свою должность, досматри-

вали, как за матерью, так и за ним. Белье, приготовление пищи — все было на их обязанности.

Петра Васильевича посещало много людей из сел по общественным делам общинной жизни, что вносило беспокойство для матери, нуждавшейся в покое и тишише. Чтобы дать матери покой, Петр Васильевич перешел на житье по соседству к родному племяннику Ивану А. Анютушкину, где ему было удобнее принимать посетителей и обсуждать совместно общинные дела. Эта квартира служила для него и спальней. Столовая же находилась при матери. Он приходил к ней на завтрак, обед и ужин, чтобы повидаться с ней, уделить и для нее время, чтобы поговорить с ней, повеселить ее и пожалеть ее, как бывало это она делала над ним.

После своего перехода на другую квартиру, он пригласил меня с женой к матери. Я исправлял все работы по домашности, а также и полевые общие работы. Жена же досматривала мать и приготавливала пищу для всех, помогали ей и девицы и все жили как одна семья.

Правительство не упускало из виду Петра Васильевича и вело строгий надзор за ним. На северном участке были даже назначены полисмены из русских, они по делу и без дела проезжали по селам. Остановятся в селе, попросят обед и покормить лошадь, вид подает, что он природный англичанин. Петр Васильевич часто по приглашению бывал в селлах. Зная за собой надзор, он брал с собой девиц и еще добавлял из села, куда приезжал, и где случался полисмен, он заставлял девиц играть песни и делал всякие увеселения. Полисмены должны были каждый месяц доносить рапорт высшему правительству о поведении и жизни Веригина и докладывали только то, что видели. Докладывали, что Веригин не опасный человек, он ездит и гуляет с молодыми девушками, только и всего.

Мать прожила около двух лет и умерла. Девицы, когда приходило время, выходили замуж. Только Настасья и Федосья остались и жили до смерти Петра Васильевича.

ГЛАВА XXXIV.

Консуляция земли правительством за неприятие подданства английскому королю Эдуарду.

28-го января 1907 года. За это время Петр Васильевич уже успел познакомиться со многими правительственными чиновниками, с которыми серьезно касался и вопроса о подданстве. Например был близко ему знаком занимающий должность губернатора Спирс. С ним он говорил об этом и спрашивал подробно, обязательно ли здесь требуется подданство. Могу вам сказать, что я в этой стране не встречал ни одного человека, чтобы он не принял подданства, но это не обязательно. Вы, если не желаете, то можете и не принимать, только повторяю вам, что я не встречал ни одного человека, который бы не принимал подданства и потому не знаю, как бы с ним правительство поступило. А все приходящие сюда народы сами даже этого желают и требуют, потому что после принятия подданства земля поступает в его собственность, и он имеет право дать голос при выборе нового правительства и тому подобных дел. Конечно, объясняя так, Спирс думал, что мы сами будем желать подданства. Оно, как уже известно читателю производится после трехлетнего владения землей, а мы за эти три года образовали сорок русских громадных сел, были выстроены хорошие дома, амбары, конюшни, много очистили и разработали земли, и хлеб, как это делалось рань-

ше, не покупали, а большим количеством стали теперь продавать. И когда приехал чиновник особых поручений Мик Дугал вручать подданство, все села отказали ему в этом. Он оставял тогда в каждом селе три законных бланка и уезжал в другое село. Так он об'ехал все села.

Содержание бланков дословно пишу здесь:

«Правительству приятно видеть, что некоторые из Духоборцев обрабатывают свою собственную землю и стали уже или становятся канадскими гражданами и британскими подданными. Но правительству очень грустно видеть, что, проживши в Канаде семь лет, большая часть Духоборцев все еще обрабатывают свою землю всю сообща и отказываются быть гражданами этого края. Они оставили большие участки земли, которые правительство позволило им удержать за собой, без разработки и без возделания. Закон гласит, что поселенец должен обрабатывать свою собственную землю, а то он не имеет права держать ее. Люди, по рождению не Духоборцы, теперь требуют, чтобы Духоборцам более не позволяли владеть землею, если они не возделывают ее и не принимают гражданство края. Правительство Канады есть большинство народа канадского и, если большинство народа говорит, что Духоборцам не надо позволять дольше иметь землю, которую они не обрабатывают, то правительство должно слушаться и должно уничтожить записи на фармы, которыми хозяева неправильно владеют, для того, чтобы они были удержаны за другими людьми, которые завладеют согласно с законами.

Только такие духоборческие записи на землю имеют силу пред законом, когда этой землей владеет человек, который либо живет на своей фарме, либо живет в селении не далее трех миль от этой земли и который обрабатывает землю для себя и кто уже принял канадское гражданство или кто намерен принять таковое. Если какой-либо человек живет в селении и обрабатывает свою фарму на расстоянии свыше трех миль от села, где он живет, его право будет за ним обеспечено в течение шести месяцев, чтобы дать ему возможность постройиться и поселиться на его фарме... Если же он не постройит себе усадьбы и не переселится на свою фарму к этому сроку, то его запись на землю будет уничтожена. Хотя

правительство и желает, чтобы каждый человек обрабатывал свою землю для себя и стал гражданином края, но, однако не имеет намерения принуждать Духоборцев к тому или другому. Оно будет защищать их, как до сих пор оно делало, в свободе исповедания их веры, но оно не может дольше давать такие льготы на владение землей, которые оно дает другим людям. Если землю, на которой расположено селение или часть его, запишет на себя какое либо лицо, то вся эта земля или часть ее будет отобрана от этого лица, так, чтобы правительство могло защищать в их усадьбах. Запись за членами общины земли, находящейся в соседстве с деревнею в размере 15 акров на каждую душу в селении и распределенную так, чтобы она в себе умещала как можно больше общинной пахоти, будет отныне не действительна, а сама такая земля будет удержана в руках правительства, для защиты Духоборческой общины, пока то правительству будет угодно. Все записи на имена общины Духоборцев будут не действительны.

Духоборцам, у которых были уничтожены их записи, будет позволено опять записать на себя фарму не занятую во всякое время до истечения трех месяцев и по получении сего уведомления за ними будут записаны фармы, как только они подадут заявление и второй раз плата за фармы с них взиматься не будет. Духоборцы, которые запишут за собой фармы в течение трех месяцев, либо через комиссию, которая посетит ваше селение, либо у агента правительства, должны заявить при своей записи, если они желают жить на фарме или в селении и должны также объявить свое намерение принять британское подданство. Если земля, расположена не далее трех миль от селения, где они живут, они будут иметь право владеть землею и возделывать ее для своей надобности, живя в селении. Но если фарма будет расположена далее трех миль от селения, то они должны жить на фарме и должны поселиться на ней ранее истечения шести месяцев после записи за собою земли... Если бы кто хотел удержать за собою землю и записал за собою новую фарму, то его запись не будет иметь силы, если она не будет согласоваться с этими требованиями закона. Если окажется какая общинная пахать или обработка на земле, которую какое либо лицо удержало бы

своею вторичной записью, то эта пахать останется в пользовании общины в течение 1907 года. После же сего она поступит в полную собственность землевладельца, кто ее записал за собой».

ГЛАВА XXXV.

ПИСЬМО К ПРАВИТЕЛЬСТВУ И ВСЕМУ НАРОДУ КАНАДЫ ПО ПОВОДУ КОНСУЛАЦИИ ЗЕМЛИ.

После такого объявления правительства был назначен с'езд для обсуждения этого вопроса, по два человека с каждого села. В это время Петр Васильевич был в отлучке в России. Он посетил Льва Николаевича Толстого, а также и всех друзей, оказавших помощь Духоборцам во время их переселения в Канаду. Всех их благодарил, виделся с министром Победоносцевым, который любезно принял его.

На с'езде порешили послать трех депутатов от всей общины к президенту Канады и министру внутренних дел, объяснить им наше крайнее убеждение на словах и было написано объяснительное письмо, которое было переведено на английский язык и было подано президенту Канады и министру внутренних дел и помещено в трех изданиях для всего народа. Два издания приняли и напечатали, а одна правительственная редакция потребовала за отпечатание сто сорок долларов и доверенные уплатили и письмо было отпечатано... Депутаты были Иван Конкин, Федор Маркин и Семен Рыбин, как депутат и переводчик английского языка. Письмо это до словно помещаю здесь.

Христианская община Всемирного Братства. Духоборцы, живущие в Канаде. Обращение к правительству и всему народу Канады.

28-го января сего 1907 года проезжал по нашим селам

Джонсон Мак - Дугал, который объявляет, что земля, которую они приняли и которой владели три года, с этого дня не числится за ними, а вся поступает в казну. Он оставляет в каждом селе бланки, где разъясняется Духоборцам на каком основании отбирается у них земля. Хотя об этом в бланках ничего не говорится, но Джонсон Мак - Дугал утвердительно объявляет, что он через три месяца снова будет проезжать по селам и земля будет выдаваться совершенно на новых началах.

Первое: если кто из Духоборцев пожелает принять под присягой Великобританское подданство и не изменит своих убеждений в обработке земли сообща, таковым будет отведен резерв по 15 акров на каждого человека, не исключая женщин и детей. Остальная вся земля объявится свободной, ее может принять кто хочет.

Второе: Кто же не будет принимать под присягой Великобританское подданство и не изменит своих убеждений в обработке земли сообща, таковым будет отведен резерв по 15 акров на каждого человека, не исключая женщин и детей. Остальная вся земля объявится свободной, ее может принять каждый, кто только пожелает. В бланке говорится: правительство Канады есть большинство народа канадского и, если большинство народа говорит, что Духоборцам не надо позволять дольше иметь землю, которую они не обрабатывают, то правительство должно слушаться и должно уничтожить записи на фермы, которыми хозяева неправильно владеют, для того, чтобы они достались другим людям, которые завладеют согласно закону. Правительство и большинство народа, как объясняет Джонсон Мак - Дугал находят самой важной причиной то, что мы не обрабатываем землю, хотя мы сомневаемся, что он прислан от правительства с этим поручением. Потому и желаем довести это до сведения правительства и народа. Говорится, что мы не обрабатываем землю, — что может подтвердить такую несправедливость? Комиссия, которая проезжала в прошлом году и перемеряла разработанную пахотную землю, определила у нас даже больше по счету гомстедов разработанной земли, чем полагается по вашим законам. Второе, что может засвидетельствовать, что мы обраба-

тываем землю — это продажа нами хлеба. Сей год поступило в продажу от нашей общины 250.000 пшеницы и 500.000 овса с оставшимся запасом для себя на лето и предбудущую зиму. Об этом вы можете свериться в элеваторах. Если мы не обрабатываем землю, откуда может быть этот хлеб? Еще искренно скажем правительству и всему народу Канады, что мы земледельцы и предпочитаем этот руд, потому что он самый правильный, честный, законный и основной в нашей жизни и по возможности старались и будем стараться всеми силами трудиться над обработкой земли.

Когда мы прибыли сюда к вам, не имея у себя ни лошадей, ни волов, мы, женщины впрягались в плуг и пахали землю. Мы думаем, что вы это не забыли, так как об этом писалось в газетах. Со стороны людям, может быть, казалось смешным и унижительным, но мы иначе никак не могли поступить, считая этот труд честным и законным. И подумайте вы серьезно, не только мужчины, но и женщины, если не будет искренности к земледелию, то какую же женщину можно заставить впрягаться в плуг? Это дело не свойственно людям, в особенности женщинам — все это мы знаем и разумеем, но другого исхода нам не было. Искренность к земледелию побуждала нас делать это. И если на основании таких ложных донесений у нас отберется земля, то это будет незаконно и бесчеловечно. Правда, ближайшие к нам жители городка Иорктона, не землевладельцы, а торгаши (кстати упомянуть Бекянина и Мекэнзи), смотрят на нашу жизнь с ненавистью и всеми силами наверно стараются, как сами разрушать ее, а также и другим внушают это. Но всякий здравомыслящий посторонний человек, который лично не знает нашей жизни, не должен верить этому, потому что такое внушение может происходить только через нехорошего темного духа, которому ненавистно единение и общность людей, не смотря на то, что в этом лежит закон Бога и учение Христа. Разве не известно всем, что Христос в своем учении призывал и призывает к такому единению всех людей, как одного отца детей, и таковая жизнь, как это записано в Евангелии, осуществлялась во время Христа. Этому прошло 19 веков. Тогда, принявшие с верой учение Христа, оказывали его на деле.

Богатство и нажитие материальное приносили к апостолам и называли его общим достоянием. На основании только этого и наша жизнь построена. Люди, верующие во Христа, должны приходить к такой жизни, потому времени уже много прошло со дня его призыва, но они не только не приходят, а даже стараются разрушать ее в людях. И таковые люди, какое могут дать оправдание пред тем же Христом, в день второго пришествия его, которого люди ожидают, кто может утвердительно сказать, что тот день не скоро еще наступит, день может уже и приблизился, но люди все таки живут беспечно как выше упомянутые торгаши, ожидают ли такого дня, или ищут правдами и неправдами наживы, и когда Духоборцы обращались к ним за всем, что требовалось, тогда хороши были Духоборцы, а теперь, если построили свой склад и по возможности покупают все товары из складов, даже из фабрик, теперь Духоборцы стали нехорошие люди. И такие неправдивые люди тоже желают, чтобы от Духоборцев земля отобралась, как будто от этого им полегчает. Но мы надеемся, что большинство народа, на стороне которого будет и правительство, не согласится с этим и примет во внимание, что земля эта создание Божие, создана для людей и всего живущего на ней. Земля общая мать наша, она кормит нас, дает нам приют, радуется и любовно обогревает нас с минуты рождения и пока мы не успокоимся вечным сном на ее материнской груди. И люди пока еще не пришли своим разумением, что можно жить и пользоваться без всяких размежеваний и разделений, а нашли удобным размежевывать землю и на каждого взрослого определить 160 акров. Отчасти это справедливо и законно и, если бы людей настолько умножилось, что оказалось бы не хватало земли, то пришлось бы снова определить землю по количеству людей. Тогда, может быть, вместо 160 акров, получилось бы 100 акров, и это было бы законно. В наше же время земли пустопорожной в Канаде очень много и рядом живущие люди, один занимает 160 акров, другой 15 акров, разве это будет законно и справедливо?

Джонсон Мак - Дугал уверяет нас, что правительство нас будет защищать, как и сказано в бланке, оно будет защищать нас, как до сих пор делало, в свободе исповедания веры, но

утвердительно говорит, что нужно принять присягу в подданстве. Мы попросили объяснить Мак - Дугала: верит ли он во Христа. Он сказал: «верю». Снова мы его спросили: «Учение Христа ты знаешь?». Он отвечает: «знаю». «Христос в своем учении воспрещает давать клятву, т. е. присягу?». — Он говорит: «Не воспрещает». Тогда мы ему сказали, что он не знает учения Христа. Он сконфузился и с краской на лице говорит: «В Евангелии сказано: да, да, или нет, нет, а что свыше будет, это от лукавого». Мы говорим: на основании только этого мы не можем дать никакой присяги и, если народное правительство Канады желает нас защищать в свободе исповедания нашей веры, то вера наша в этом и заключается, жить согласно учению Христа. Мы иначе не можем понимать веру, верить и считать за сына Божия Христа, а жить и делать обратное его учению. Тогда спрашивается — какая же это вера? Тогда Мак - Дугал после такого разговора выражается: «я ничего не знаю. Вам оставляю бланки и в них все объяснено, там вам есть два исхода и как желаете, так и поступайте». И опять повторяет, что этого требует большинство народа. Тогда или же народ нас не понимает и не заходит в сущность нашего положения по отношению к нашей вере, или же мы не можем понять народа. Если земля от нас отбирается за то, что мы не обрабатываем ее, то мы об этом объяснили выше. Если же земля у нас отбирается за то, что мы не принимаем присягу, скажем, что этот вопрос считаем поконченным еще тогда, когда мы оставили Россию и переселились сюда. Просим таковые слова наши не принять за грубость, а за братское разъяснение. Неужели вам неизвестно было из за чего разыгралась такая история между Русским правительством и нами и почему мы оставили родину и переселились сюда к вам в Канаду? Ведь только из за того, что не приняли присяги Николаю А-чу Романову, после чего и не пошли в солдаты. Основание мы на это имели то, что Христос воспрещает давать таковую присягу. Русское правительство не приняло во внимание учение Христа и поступило с нами очень жестоко и, если теперь канадское правительство и народ задумало бы возбудить этот вопрос и стало бы преследовать хоть отбиранием земли, то это бы вышло, что с одного вола

после снятия одной кожи, начинали бы снимать другую, конечно, только другие люди. Но неужели эти люди не осматриваются, что кожа снята, а другая еще не выросла, и, если вы у нас начинаете отбирать землю, хоть не всю, это само за себя говорит, что и здесь учение Христа не принимается во внимание на деле, а если оно и существует, так только на словах. И нас это снова вынудит готовиться к тем же страданиям, которые мы за это же дело переживали в России.

Мы с искренним чувством говорим, что мы все много благодарны правительству и всему народу Канады, что нас приняли, приютили и исключили нас в некоторых требованиях из общих правил, которые мы считаем против наших убеждений, Духовного понимания. Нас исключили от воинской повинности, позволили нам селиться селами и обрабатывать землю сообща, на что мы имеем документ от правительства. Не будь таких уступок, мы бы и не оставались здесь и не поклали бы таких трудов, в особенности за эти три - четыре года, когда вы нас силою даже возвратили на места жительства. Мы положили много труда, не только мужчины, — такой труд более присущ им, — но и женщины и дети во всем этом старались до усталости. Завели паровые мельницы, приобрели паровозы с молотилками, устроили кирпичные, выжигательные заводы, на которых работа производится паровыми силами, отстраивается большая мукомольная мельница, которая с машинами будет стоит тысяч 70. И так, не смотря, что мы здесь живем восемь лет, но еще отрады в жизни не видали, так что сама и жизнь не позволяла этого, потому что у нас этого ничего не было и нужно было трудиться, часто даже безмерно. Теперь у нас, слава Богу, хоть понемного, но все есть, можно бы жить и свободнее, как это хочется всем, не правда ли? Но являются же неожиданные недоразумения, как это объявление, от которого могут постигнуть гонения, после гонений следуют разорения и страдания. В переживаемое нами время должно бы быть в людях более сострадания, чем причинения страданий. Просим вас об этом, все вы серьезно подумайте и поступите так, как подскажет вам ваше сердце. Если примете во внимание наше братское объяснение и зайдете в положение понимания нашей веры, то земля у нас

не отберется, объявление останется без последствий, за что, еще мы скажем вам, будем вам всем много благодарны».

Все наши хлопоты и справедливые доказательства в обработке земли и устройства не подействовали и вся земля у нас отобралась. Но ведь это только и был поповский обман, причастие тела Христова под видом хлеба и вина, а вся суть заключалась в присяге. И снова чрез некоторое время проезжал тот же чиновник и допрашивал, кто желает принять подданство под присягой, тот получит полный надел земли 160 акров. Кто же не желает, тому выдается 15 акров на каждого человека и эта земля будет числиться не их, а казенная впредь до особого распоряжения. И когда кончилась вновь нарезка, большая половина земли от нас отобралась и сейчас же стала раздаваться желающим. Некоторая часть из наших соблазнилась и стали принимать фармы. Это нас не смутило, только мы все - таки стали советоваться, чтобы правительство не вздумало отобрать у нас последнюю землю и оставить нас с детьми без куска хлеба.

ГЛАВА XXXVI.

Переселение в Колумбию. Об'яснение с правительством.

Вследствие консуляции земли правительством за неприятие подданства, правительство показало свою несправедливость, оно не сдержало своего обещания, сказанного при встрече, что здесь страна свободы по отношению к вероисповеданию. Таким образом теперь оно потеряло к себе всякое доверие со стороны Духоборцев. Они поняли, что правительство одинаково как в России, так и здесь, что весь государственный строй содержится безнравственным, противоположным учению Христа, законом. Тогда порешили оставить Саскачевань и переселиться куда либо в более подходящее место. Назначились поверенные от общины и поехали. Поверенные были Петр Васильевич, Николай Зибаров и Семен Рыбин, как переводчик английского языка. Раз они с'ездили, осмотрели. Потом в другой; и в третий раз уже приторговали землю в Колумбии и началась переселка.

Итак Духоборцы переселяются в Колумбию по двум причинам. Первая главная причина — несправедливая консуляция земли правительством и вторая — мы, как вегетарианцы, желаем теплее климат, чтобы можно было выращивать всякого рода овощи и фрукты для питания. Эта несвоевременная переселка принесла нам много труда, убытка и беспокойства: мы уже говорили, что в Саскачевани мы много положили труда для построек и разработки земли. Земля ведь была пустынная и девственная от природы, до нашего прибытия не ходила по ней нога человеческая, а были только дикие ко-

зы, олени, антилопы и другие животные. И поэтому каждая борозда земли требовала большого труда и вот только что мы совершили этот труд, как вновь последовало переселение. По этому делу мы обращались к министру внутренних дел, чтобы он зашел в наше положение и за наш труд, разработки земли, сколько - либо уплатил бы, так как в Саскачевани разработанная земля доходит до 30 долларов за акр. Нам бы хоть казна уплатила бы по пяти или шести долларов за акр, и то бы нам была сравнительная подмога, чтобы обзавестись на новых местах, где мы покупаем землю от 50 до 500 долларов за акр. Но обратит ли правительство внимание на законную нашу просьбу или нет, пока не известно.

Местность в Колумбии гористая и лесистая, так что Духоборцы попали сюда еще на больший труд, чем в Саскачевани. Но здесь гораздо теплее, хорошо растут фрукты разных сортов, например яблоки, груши, сливы, черносливы, черешни, вишни, а также и все овощи, включая арбузы, помидоры хорошо выходят. Участок, купленный нашими поверенными, находится между городками Нельсоном и Трелью, по ущелью проходит железная дорога и протекает большая река Колумбия, в которую впадает река Кутня, текущая из Нельсона. Участок этот по ту сторону реки от железной дороги и, так как этот участок был покрыт сплошным огромным лесом, то переселение началось с рабочей силы.

В 1908 году, в мае месяце поехала туда первая партия из каждого села, по два человека мужчин. Женщины и дети все были дома. Эти рабочие должны были очистить земли, сколько смогут, а также построить дома для жилищ, а потом уже семьи должны к ним приезжать по осени. И таким родом продолжалось все переселение: каждый год, ранней весной выезжала из каждого села рабочая сила, приготавливала землю, дома, а по осени приезжали их семьи.

В Саскачевани также велось и поддерживалось хозяйство.

Духоборцы имели ввиду, что с переселением в Колумбию, правительство не будет беспокоить их своими установленными порядками, так как подданство в Саскачевани Духоборцы не приняли, за что уже и потерпели наказание, а

здесь мы уже купили землю за наличный свой капитал, который нам достался усиленным физическим трудом. Земля с каждым годом переселения стала прибавляться, стали подкупать еще участки. Но на это правительство не обращало внимания и делало свое дело.

Здесь мы живем на двух участках, отстоящих один от другого на 70 миль. Первый участок под названием Утешение и Бриллиант. Второй участок под названием Фруктовая, названный так потому, что там земли покупаются большею частью с садами и фрукты пока доставлялись оттуда и на Утешение.

Здесь в Колумбии силой нам навязывают казенные школы, а также и записи новорожденных, брачных и умерших. Школьное образование это правительственная выгода, метрические записи — это поповская сторона и обе тесно связаны одна с другой и, как мы поняли и понимаем, эти две выгоды людей страшно противоречат учению Иисуса Христа, следовательно и нашему пониманию в религиозном отношении. На Утешении по просьбе нашей отменилась казенная школа и заменилась своей, дети обучаются на английском и русском языках.

В январе месяце сего года были присланы от правительства бланки для записи новорожденных, брачных и умерших. Эти бланки не приняли и написали объяснение такого содержания:

Бриллиант, 25-го января, 1912 года.

Стифен Гаскин Управляющему правительственными делами в Нельсоне.

21-го числа сего месяца мы получили чрез Шербинина присланные вами бланки относительно записи новорожденных, брачных и умерших. Таковые записи и правила установленные вашим законом, мы не отвергаем, но только они всецело должны касаться добровольно - подданных, которые сами желают этого. Мы же, как вам известно, не приняли подданства, что должно иметь больше значения, чем непринятие записей. А потому и просим вас не принуждать нас к этому. Мы думаем, что это большой пользы и чести вам не принесет,

если вы будете из за этого притеснять нас, потому что мы это делаем не из каких либо капризов, а по религиозным воззрениям закона Бога, через которые мы не согласились с русским правительством, оставили свою родину Россию и переселились сюда, как в страну свободы.

Жители города Гран - Форкса поступили с своими соседями не добросовестно и не основательно лишь потому, что сила на стороне их. Это и выходит: у сильного всегда бесильный виноват. Это делается так в России, но Россия за то и считается отсталой страной. Англичане считаются передовыми людьми пред всеми национальностями и страна эта носит название: «Свободы». А так ли эту свободу нужно осуществлять? По соседству их помирает человек, у которого есть единственный сын. Эта смерть, всем известно, приносит горе и печаль родным, но люди со стороны не сочувствуют этому, еще начинают причинять ему горе, добавляя страдания, берут этого сына, как разбойника и сажают в тюрьму за то, что он не вызвал доктора к мертвому телу, разумно ли это? И как посмотрит на это Бог?

Остаемся с почтением к вам.

Христианская Община Всемирного Братства,
живущая на Бриллианте.

На это объяснение отзыва не последовало.

На Фруктовой участке дети ходят насильственно в казенную школу, а также привлекают к ответственности за умерших. За первые два случая были посажены в тюрьму по одному человеку сроком на один месяц. За вторые два случая взято по два человека в тюрьму и сроком на три месяца. По этому делу жены и дети арестованных написали объяснение и подали судье, который их арестовал, объяснение следующего содержания:

Объяснение судье.

Несправедливый и жестокий судья. По твоему приказанию, царящему в тебе произволу насилия, полисмен взял наших мужей и родителей в тюрьму на три месяца за то, что первые Николай Зыбин с сыном не пригласили доктора к

мертвому телу брата. Вторые: Иван и Василий Дымовские также не пригласили доктора к мертвому телу матери своей. За то всех четырех взяли силой и посадили в тюрьму. Мы же остались теперь на произвол судьбы и в силу самозащиты своей жизни высказываем тебе свои душевные чувства. Ты делаешь это по установленным издревле законам, что может быть и нужно было в те времена, когда издавались эти законы. В наше же время люди, если не все, то те, которые приняли учение Христа, основанное на любви, милосердии и сострадании ко всему живущему на земном шаре, те вполне могут обходиться и без этих законов. И теперь ты силою взял у нас тружеников и кормильцов наших. Что же мы, бессильные и слабые во всех отношениях, должны делать, скажи нам: Может быть, ты скажешь, что мы живем в Общине и пусть об этом ведаёт Община, но ведь Община собрана из тех же частных лиц, которые продолжают и поддерживают свою жизнь большим усиленным и честным трудом земледелия, и, если ты такие наши силы будешь отбирать ни за что, ни про что и сажать в тюрьмы, повторяем — слабые что должны делать? Разве же это справедливо и не жестоко с твоей стороны, разве это не конфуз, как тебе, а также и всей стране, прославившейся во всех странах света страной свободы? Предъявляем тебе наши убытки, причиненные тобой, которые ты должен серьезно принять к сведению. Николай Зыбин, кроме того, что он глава семейства, он и старший огородник всех овощей Общины. Его обязанность и работа оплачивается за каждые десять часов 10 долларов, а трое остальных — простые сильные рабочие, которыми живут и кормятся их семейства: жены и дети, 12 душ. По расчету расходов, самая низкая цена им назначается каждому 5 долларов в день за 10 часов. Это наши законные жизненные требования, которые ты немедленно должен исполнить. К тебе обращаемся потому, что ты крайний наш раззоритель, а если это зависит не от тебя, то ты также, не медля времени, должен донести до сведения того, от кого это зависит.

Потому что жизнь, исходящая от Отца Небесного никак нельзя остановить и она дана не для страдания и муки, а для радости. Но мы страдаем и страдаем от личных ваших капри-

зов. Seriously вы подумайте, можете ли вы причинять страдания тем людям, которые абсолютно стремятся исполнять закон Отца Небесного, который объяснен Иисусом Христом как сыном Божиим.

Остаемся в ожидании вашего результата. Жены и дети, взятых вами в тюрьму мужей и родителей участка Гран - Форкса.

ГЛАВА XXXVII.

ПОДРОБНОЕ ДОЗНАНИЕ И СЛЕДСТВИЕ КОРОЛЕВСКОГО КОМИССАРА ВИЛЬЯМ БЛЯК - МУРА.

Такое следствие, как прибытие в среду нашу королевского комиссара Бляк - Мура, вызвано недоразумением здешнего правительства с Духоборцами из за принятия школ и метрических записей. А также были всякого рода наветы бывших наших собратий, ныне вышедших из общей жизни. Читатель этой книги уже знает, что это было общее добровольное желание всех людей, как основное правило общей жизни. Тот же, кто бы стал отклоняться от этого общего правила, уже не принадлежал бы к этому братству. Таковые, забыв предупреждение Господне, что двум господам служить нельзя: Богу и мамоне, как добровольно входили в эту Общину, так добровольно и выходили, в особенности при консуляции их вышло не мало. Они вышли во первых, потому, что убоялись правительства, что оно может и всю остальную землю отобрать и нанести большие бедствия и страдания. Во вторых, их соблазнили земли, эти фармы, разработанные общими силами Общиной, которые правительство отобрало, и они поспешили принять их под присягой королю Эдуарду. И третье, самое главное, они изменили своим убеждениям, за которые много пострадали. По выходе из общины сейчас же начинали употреблять мясо, пить водку и курить табак. Это говорится об Иорктоновском участке, а те, которые жили на Принц-Алберте: многие из них остались при тех же убеждениях: не ели мяса, не пили водку и не курили табаку.

Здесь же в Иорктоне, выходя из общины, они брали свою долю, а часто брали и без всякой доли, а что им угодно. Правительство их уважало и помогало, так как они переходили во власть ему. Это свидетельствует рапорт комиссионера Бовса из Комсяка министру внутренних дел. Между прочими докладами он докладывает, что выходящим из Общины надо более покровительствовать и помогать, так как они могут дать голоса при выборах.

В Колумбии также некоторые стали выходить и всяко клеузничать и доносить всякие неправды на Петра Васильевича, как на официального доверенного и управителя всеми общинными делами. Все это вместе взятое и вызвало королевского комиссара Бляк - Мура.

22-го августа 1912 года, он, королевский комиссар, вызывает Петра Васильевича в Нельсон и производит подробный допрос. Допрос производится в присутственном месте суда. Желаящая публика также могла заходить и слушать. Допрос производился королевским комиссаром в присутствии двух присяжных доверенных адвокатов. Переводчиками были Еваленко из русских, не принадлежавший к Духоборцам. А также участвовал в переводе Иван Щербинин. Затем сидели два писца и все вопросы и показание дословно записывалось.

Допрос был начат с рождения детства, воспитания и вступления на этот пост руководителя Духоборцев. Допрос продолжался двое суток. Комиссар возбуждал всякие серьезные вопросы, касался вопросов, как мы верим во Христа и с каких пор существует наша религия. Петр Васильевич отвечал:

«Христа я признаю в полном смысле за сына Божьего, так что Христос принес нам на землю мир и своим учением открывает путь в Царствие Небесное и соединяет души наши с вечностью, торжественно объявляет, что живущие на всем земном шаре одного отца Бога дети и между собою должны жить как братья, поставляет закон, по которому можно соединиться с вечностью. Первое: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем своим, всею душою своею и всем разумением своим; вторая заповедь, подобная ей: возлюби ближнего

своего как самого себя. В этом весь закон и пророки. Вторую заповедью он соединяет всех людей во единое братство, чрез что и получилось бы царство Божие на земле».

Касался вопроса, как Веригин и все Духоборцы смотрят на правительство. Петр Васильевич в своем ответе отрицает все правительства земного шара, где они только есть, потому что каждое государство охраняет само себя силою безнравственного закона и этим препятствует водворению царства Божьего на земле, к которому призывал Христос. Твердо следуя его учению, все власти должны быть упразднены и слиться во единое царство Божие, где должна обитать мир, любовь, правда и равенство всех людей, как одного Отца Бога детей, а не сочинять раздоры и ужасные войны, где братская кровь льется реками. Так что всему этому время отходит и люди должны оставлять такое беззаконие и просвещаться разумом свыше от Духа свята. Дух этот и наставит всех людей на всю премудрость Божию и тогда только люди поймут свое назначение пред Богом и получится великое счастье всех людей на земле».

Комиссар сначала кипятился, горячился, так как неловко ему было от публики, зала суда была переполнена народом. Но Петр Васильевич в свою очередь не молчал и доказывал всю их неправоту твердо и основательно... Это были две силы: сила мира сего и сила духовная свыше.

И так комиссар и понял Петра Васильевича как серьезного и искреннего человека в духовном разумении, который не стеснялся ни пред кем и не страшился ни пред чем.

5-го сентября сего года он, комиссар, был и на Утешении, где его встретили при молитвенном доме с хлебом - солью полным собранием братьев и сестер. Ему была сказана речь от всего общества. Вот эта речь:

«Мы слышали, что вы прибыли в Колумбию, но теперь видим вас во очию. Все мы очень благодарны за ваше посещение к нам, вообще посещение людьми людей мы считаем хорошим делом, в особенности, если люди своим посещением могут приносить пользу на деле или хоть в простой беседе словом».

После таких слов он поблагодарил и подошел к столу,

где был поставлен хлеб, соль и вода и ему объяснили, что при таких собраниях ставим это для того, хлеб это как тело Христово, а вода как источник его учения в духовном смысле. Он тогда попросил немного отрезать хлеба, взял воды и сказал, что «я это делаю для того, что в моих словах будет только одно желание вам добра». Мы поблагодарили его за это.

Он стал говорить о Христе, что Христос один есть на всем земном шаре, которого мы должны чтить и слушаться, как сына Божьего. И теперь уже все государства верят в него. Иногда, если мы, т. е. все люди уклоняемся от его учения, то в этом только высказывается наше несовершенство и слабость. Как и вы ведь также не можете сказать, что вы во всем совершенны. После этого всецело перешол к разговору и восхвалению здешних правителей этой страны, прошедших и настоящих времен, стал их очень восхвалять за их хорошие законы, которые они выдумали для блага народной жизни, даже отделил эту страну от России. В России правительство грубое и жестокое, вот и вас, как мне известно, много притесняло и мучило за исповедание веры. Здесь же этого нет, чтобы притеснять кого либо за веру, здесь страна свободы во всех отношениях, здесь страна большого образования и всякий может достигнуть его. Затем обратился к детям спрашивает: «Вы ходите в школу и занимаетесь грамоте?». Дети ответили: «Нет». — «Почему?». — «Потому что образованные люди в школах берут наших родителей и братьев ни за что, ни про что и сажают в тюрьмы». Комиссар сказал: «Я по этому поводу поговорю с вашими родителями, а вы еще молоды». И сейчас же стал объяснять какую пользу приносит грамота. Когда ваши дети обучатся, т. е. образуются в школах и будут гражданами этой страны, это послужит для них к лучшему во всех отношениях. Они будут иметь голоса при выборах нового правительства, даже и сами могут достигать этой степени. И вообще грамотность облегчает жизнь человека. Может вы и замечаете, что образованные люди даже меньше работают физически и живут всегда при довольствии. А что записи новорожденных и брачных также служат в нашу пользу: брачные, записанные в метрические книги, ни в каком случае не могут разойтись, такая запись связывает и

поддерживает в этом отношении всю страну, а записанные дети также по каким либо случаям: в случае смерти родителей или по другой какой либо причине, не будут бедствовать. Об них по записям будет знать правительство и заботиться о них. А умершие записываются, чтобы не происходило убийств, так как здесь люди живут в одиночку, отчего может происходить и развиваться убийство и всякие нехорошие дела вроде этого. Доктор умершего должен освидетельствовать: если он умер сам по себе, то и хорошо, а если он убит, то доктор немедленно должен заявить полиции, которая должна принять меры и отыскать виновника и карать его. Хотя комиссар за каждым объяснением повторял, что я уверен, смотря по вашей жизни, что у вас этого ничего не может произойти, как убийство, развод брачующихся или страдание детей. Но повторяю, закон этой страны требует этого и все люди, живущие здесь, должны исполнять его в целности. Говорил он часа два и все со вниманием слушали. Комиссара мы поняли как умного, искреннего и правдивого человека. Он уроженец этой страны, получил хорошее образование в смысле грамотности, вместе с образованием он узнал все законы этой страны и так в них убедился, что не замечал никаких других законов в остальных странах, а только свои. Первый раз в своей жизни встретился с нами и всецело ни с какою либо коварною мыслью или целью, стал объяснять их нам, как будто бы мы сами никак не можем понять их. Для него было ново, что мы отказываемся от всех этих восхваляемых законов, так как он наверно в своей жизни не встречал таких людей и он, насколько мог, старался выяснить нам свои законы.

После этого мы сказали ему, можно ли нам хоть немного объясниться по этому делу. Он сказал: можно. Ему стали объяснять закон Божий, чрез который все люди земного шара воссоединились бы в учении Иисуса Христа и жили бы как одна великая семья всего человечества. Божий закон был бы для всех одинаков и все бы его исповедовали. А ваши человеческие законы как бы они ни были хороши и одобряемы, но чрез них происходит также много нехорошего, в смысле войны, много проливается общей братской крови и все это проливается с разрешения одобряемых вами законов. Одним ли-

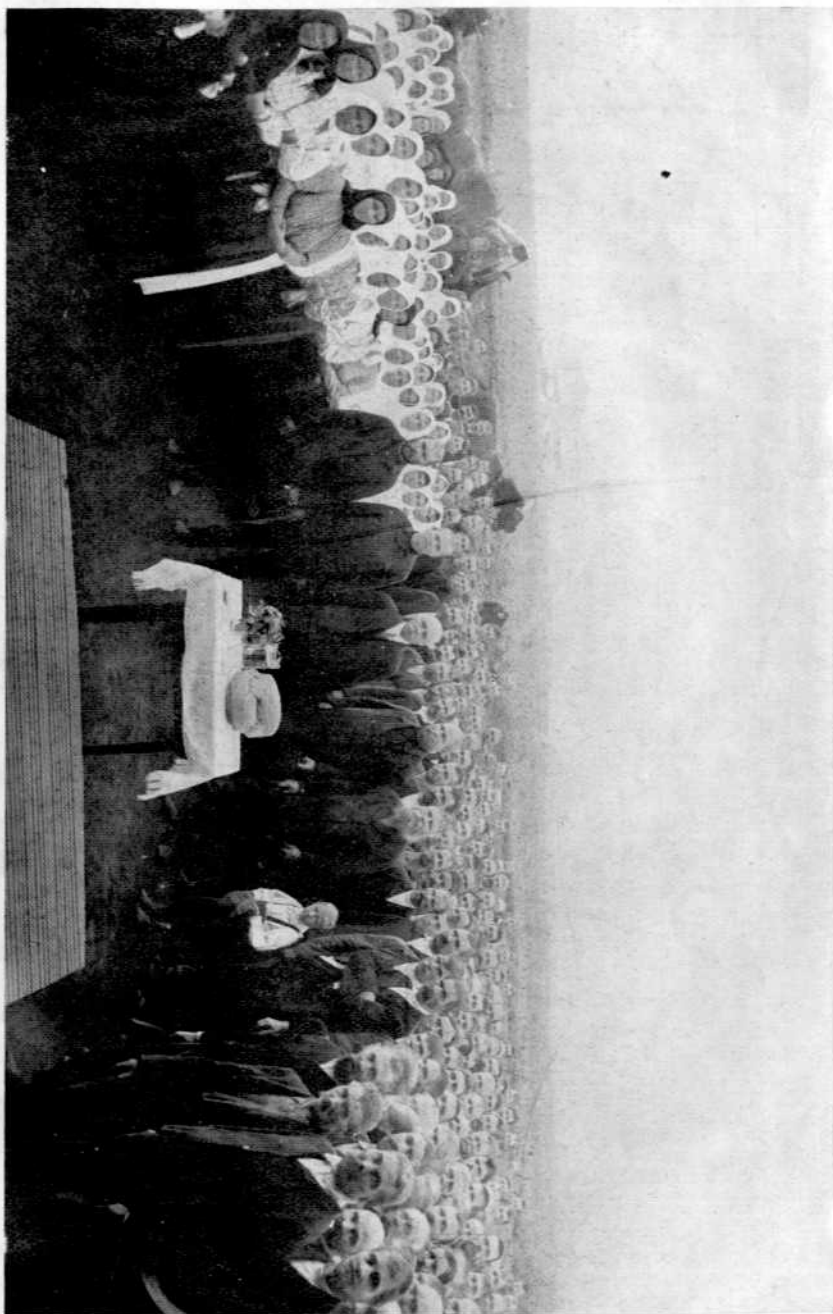
цом страны подписывается ужасный приговор войны, чрез что получается страшное материальное разорение всего достояния, копившегося великим трудом сотни лет. Помирают преждевременно миллионы человеческих жизней, душевно страдают и мучаются оставшиеся в живых родственники, остаются без призора старые родители, жены и сироты дети на всю жизнь остаются горемыками. Никто не дает объяснения, почему и от кого это произошло и во всей этой миллионной жертве, поглощенной Ваалом, нет ответственного лица. Если люди начинают винить заправилу всех этих несчастий и горя, подписавшего этот безумный приговор, то последний также снимает с себя такую ответственность и объясняет так: я подписал его на основании законов наших предков, которые жили сотни и тысячи лет тому назад. Значит не находится ни одного виновного в таком ужасном деле. Это большое несчастье всего человечества. Причем же здесь образование, почему оно не помогает им выходить из такого темного положения, как из мрака мертвой тени. Это еще можно было допустить в бывшие времена, когда люди еще не были образованы и ныне отошли в область воспоминания. Это уместно было до Христа, а с рождением Христа, жизнь и учение которого закончились ужасною мучительною крестною смертью, на которую он добровольно отдал себя за великое Божье дело, порученное ему Отцом небесным, война уже неуместна. Жертва Христа должна была остаться в память и назидание всему человечеству. Это был как бы завет, положенный между Богом и людьми. И после такого великого дела Иисуса Христа человечество не вразумляется и продолжает идти путем Каина, вместе с тем как будто бы веруя в Иисуса Христа. Страшная большая несправедливость! Разве не такая вера у всех государств, разве у них не большое уклонение от учения Иисуса Христа! Ведь это же как небо от земли: учение Христа и человеческие законы!, если только их можно назвать законами те, которые вы нам восхваляете.

Затем в этом же смысле мы объяснили наше отношение к школам, к народному образованию, в котором участвуют военные действия. Такое образование мы отвергаем на самом законном основании учения Иисуса Христа, а также и метриче-

ские записи, без которых человеку можно обходиться. Об этом пусть ведает сам Бог, так как по его воле люди рождаются и умирают и он наверно ведает обо всем этом.

После такого устного объяснения, комиссар сказал: «я хорошо понял вас».

И еще ему было подано раз'яснительное письмо от всей общины, он его принял и любезно распрощался с нами, поблагодарил за встречу и искреннюю беседу в разговоре и уехал. Он был и на Фруктовой. Там также после устной беседы, ему подали раз'яснительное письмо. Ездил в Саскачевань, на станцию Веригин и трое суток проверял контору, где Михаил В-ч Казаков предоставил ему все дела по порядку и комиссар сказал: «Я в первый раз встречаю такую чистоту в конторах и в заключение своего подробного дознания и следствия, написал доклад высшему правительству.

ГЛАВА XXXVIII.

Раз'яснительные письма Духоборцев Бляк - Муру.

Приводим здесь раз'яснительное письмо Духоборцев королевскому комиссару.

4-го сентября 1912 года. Бриллиант. Б. К.

Долина Утешение.

Королевскому комиссару Бляк - Муру.

Триста лет тому назад мы носим название Духоборцы. За это время в России русское духовенство, попы и правительственная власть начальства неоднократно возбуждала вопрос о нашем духоборческом вероучении, которое предки наши и мы приняли от Христа и стараемся проводить это учение в жизнь по мере наших сил на деле.

Предки наши отказались почитать рукотворенные вещественные, церковные богослужения, за что их жестоко мучили в заточении монастырских застенков, ссылали в каторжные работы, а детей от них отбирали и воспитывали по своему. Но все это не помогло русскому правительству и духовенству. Силен Бог правдою своею. И Духоборцы были исключены в России от всяких церковных обрядностей и не записывались никогда в метрические книги. Этот вопрос о записи тесно связан с верой Духоборцев. А также и сейчас мы желаем быть гражданами всего земного шара и желаем, чтобы дети наши были свободными и потому записывать в казенные правительственные книги мы своих детей не желаем. а покойников

записывать считаем бессмысленным. Религия наша заключается в том, что мы веруем в божественную силу безначального Духа; по воле безначального божественного духа формируется и держится вся вселенная. Иисус Христос принес нам свет разума от отца безначального духа с неба. Так что человек, народившийся на земле, может по вере в божественную силу переходить в бессмертие Духа, после телесной смерти.

Мы не отказываемся давать вам сведения о приросте или убыли нашего Духоборческого общества, количества нашего народа — в пять или десять лет один раз. Но записываться в ваши метрические книги никогда не будем, потому что считаем себя уже записанными пред самим Создателем в книгу жизни, которая называется вечностью. По воле Господа, творца всей вселенной, человек нарождается и живет в этом мире, а также по его святой воле Божьей человек и помирает телесно, но душой возвращается к Отцу безначальному, чтобы соединиться со своим началом. Отец Бог наш есть та сила духа безначального, сила любви, сила жизни, которая дала начало всему существующему и Христос в своем разумении открыл нам в этой силе Отца своего безначального Духа. Отец и я это едино, так объяснил Христос. Школу грамотности также Духоборцы не принимали еще в России и редко учили детей грамоте, а если и случалось, то домашним способом. Мы воспитываем своих детей посредством устного объяснения во избежание расходов на бумагу и печатание книг. Школьное образование мы отклоняем по многим причинам, а самые главные из них три.

Первая: школьное образование учит и подготавливает людей, т. е. детей к военному действию, где проливается невинная кровь людей совершенно напрасно. Самые высокие образованные люди признают это ужасное греховное дело, войну, законным, а мы признаем это великим грехом.

Вторая причина: школа грамотности в настоящее время достигается только как способ для легкой наживы, мошенничества, обмана и сильной эксплуатации рабочего класса, народа, труженика на земле, а мы сами принадлежим к рабочему классу людей и стараемся путем честного труда добывать

себе пропитание и к тому же приспособляем и детей своих — учиться в широкой школе вечной природы.

Третья причина: школа грамотности разединяет всех людей на земле. Как только люди достигают грамотного образования, то они в самое короткое время оставляют своих родителей и родных и пускаются безвозвратно во всякие аферы разврата и душе — пагубной жизни и никогда не думают о своем долге почитания родителей своих, а наоборот, сами делают поработителей людей для своего распутного и ненасытного чревоугодия. Страшно даже и говорить обо всем школьном образовании, до какого сумасшествия доходят люди в высших университетских царских и королевских образований науки, куда, слава Богу не допускается простонародие. Но в тысячу раз за то прискорбно, что на эти высшие науки люди поглощают все народные силы и капитал их труда, а народ страдает без земли и насущного куска хлеба.

И потому ясно понимаем учение Христа и держимся Общинной жизни и считаем всех людей на земном шаре братьями и одного Отца Бога детьми. Мы разумеем, что все люди равны пред Богом и никто не может поработать человека. Мы строго помним учение Христа: кто хочет быть из вас старшим, тот да будет всем слугою.

На основании этого мы избегаем давать какие бы то ни были клятвы, обещания, присягу в подчинении исполнять приказание людей подобных себе, а подчиняемся только закону Божьему, о котором Христос сказал ученикам своим: примите закон Божий в разум и сердце ваше и проповедуйте миру. Потому мы, как последователи Христа и учения его, даже и против русской грамоты, а английская грамотность и совсем нам бесполезна. Более всего мы считаем необходимым для человека возрождение духовное. Это мы считаем необходимым, потому что и Христос был простой, без школьного и университетского учения, духовный человек, с великим кругозором разума, проникающего в глубину веков прошедшего и будущего, а ученые правители мира и первосвященники в своем книжном заблуждении и жестокосердии распяли на кресте великого царя, реформатора, божественного гения, от которого нужно было поучаться всем царям и королям, правите-

лям мира, судьям и наставникам духовным, вообще включительно до простого земледельца. Теперь также, если хотят и над нами повторить свою жестокость правительства государственной власти, то это только будет прибавлен к тому древнему жестокосердию неизгладимый позор и бессмысленное разорение мирных жителей, которых Христос призывает к общему равенству и братству всех людей на земле.

В этом и заключается наша вера и упование наших предков, что настанет полный мир на земле и благоволение в человеках...

Из всего прошлого нам видно, что мы и здесь в Бритиш Колумбии рассчитывать на постоянное жительство не можем, не по своему личному капризу и выбору хорошей земли и пр., а по непониманию нас окружающими людьми, буквоедами в своих законах, законах собственности материальной и отчуждения всякого права апостольской проповеди о мирном труде и равенстве всех людей на земном шаре. Мы потомки рода Израильского, от трех отроков: Анания, Азария и Мисаила, которых царь Нувоходоносор ввергнул в огненную печь. Мы последователи Иисуса Христа, вечной славы царя и Господа нашего, спасителя всего мира.

Раз'яснительное письмо Духоборцев с долины Фруктовая.

10-го сентября 1912 года. Гран - Форск. Б. К.
Долина Фруктовая.

Королевскому Комиссару Бляк - Мору.

Мы, уроженцы Российского Закавказья, переселились сюда в Канаду в 1899 году. Причина нашего переселения из прекрасного Кавказа сюда была вынуждена российским правительством, оттого, что мы не согласились быть солдатами, за что нас жестоко мучили в тюрьмах. Некоторых из подлежащих отбытию воинской повинности ужасно секли розгами до полусмерти и после долгой пытки и мучений сослали в Якутскую область до двух сот человек молодых мужчин и се-

мидесятилетних старичков, которых русское правительство считало передовыми людьми в духоборческом обществе. Но нужно сказать вам, что передовые все, потому что Христос в своем учении ясно говорит: «Исполняющие волю Отца моего небесного, есть мои братья и сестры и потому мы все за одного и один за всех. Нам не легко было раззориться материально и перенести всю эту казнь последнего времени от русского правительства, но мы глубоко верим в силу божественного поведения, что Бог видит все и защитит нас своею рукою от злых людей.

В России Лев Н-ч Толстой, Дмитрий А-ч Хилков, Владимир Г-ч Чертков, П. И. Бирюков и др. добрые люди сильно старались письменно и лично хлопотать за нас, чтобы смягчить меры наказания и грубое отношение чиновников за наше вероучение, принятое нами от Христа и в конце концов нам было разрешено выселиться в Канаду. Мы обрадовались этому, что попадаем в страну свободы, охотно оставили свои прекрасные поля со всеми обильными плодами и благодатным здоровым климатом, где мы имели хорошее сельско - хозяйственное богатство.

В Канаде нас встретили очень радушно и мы думали, что здесь будем жить спокойно под защитой свободы вероисповедания учения Христова и что нас больше не будут мучить как в России. Канадское правительство указало нам участки свободной земли, больше двух тысяч гомстедов, совершенно в диких пустынных прериях Саскачевана, заросших лесом и кустарником, с большими пространствами болотистой сырости и сильными миллиардами мошки и комаров, от которых ни людям, ни животным не было возможности терпеть. Но мы решились остановиться там, только потому, что нам обещали полную свободу общинной жизни, селиться колониями и обрабатывать сообща землю одним куском, как это будет угодно для общины. Мы дружно принялись очищать и разрабатывать сырые пустынные прерии. Женщины наши впрягались по десяти и двенадцати пар в плуг и распахивали землю, а мужчины уходили на посторонние заработки. За землю заплатили по 10 долларов за каждый гомстед, всего 20.000, хотя эта земля не соответствовала назначению нашей жизни в смысле

вегетарианского питания, так как овощи и фрукты в холодном климате в Саскачевани не растут. В то же время правительство Канады прислало нам несколько экземпляров постановления, которое исключало нас от военной повинности, а также в особой бумаге разрешалось селиться колониями и обрабатывать землю сообща. Все это клонило к тому, что мы все больше начинали верить в полную свободу. Но спустя три года правительство предложило нам каждому отдельно подписать гомстед в 160 акров земли и принять подданство. Нам стало ясно, понятно, что мы хитро обмануты на почве министерских бумаг и всех словесных обещаний канадского правительства. Это заставило нас сильно думать и искать выхода из добровольного плена. Есть народная поговорка: «от медведя побежали, на волков наткнулись». Сколько мы старались объяснить канадскому правительству наше вероучение, что мы последователи Христа, что ни предки наши, ни мы нарушить закон Божий ради земных выгод не можем. Тогда нам прямо объявили, что наши гомстеды будут занимать другие люди, которые подпишут под присягой подданство английскому королю, а вас прогонят палкою.

Духоборцы на митингах, в каждой колонии порешили пустить на произвол свой скот, а сами сгруппировались и пошли в мир для проповеди слова Божия и учения Христа. А большая часть Духоборцев остались на местах, как земледельцы, которым оставить свой великий труд было очень жалко. Но потом и они все бы ушли, если бы канадское правительство не препятствовало силою такому походу первых. Правительство заставило силою воротиться на место своих поселков и опять начали обещать Духоборцам свободное вероисповедание и жизнь своими колониями и прочее. В это самое время прибыл из Сибири Петр Васильевич Веригин, который пробыл там в ссылке, за наше же духоборческое дело 16 лет. Он стал нам объяснять, что надо жить честно и мирно среди каких бы то ни было людей. Здесь полная свобода вероисповедания и для нас пока этого довольно. Мы все Духоборцы согласились еще раз изведать обещание правительства и усиленно принялись расчищать поля, осушать сырые места и прокладывать хорошие грунтовые дороги, купили хороших

лошадей, быков и коров и стали дружно, сообща засеивать поля, купили несколько паровиков - самоходов и молотилок хлебных... Устроили лесопильные передвижные станки и один лесопильный завод, где паровыми силами сушился и приготовлялся шпунтованный строительный материал для отделки домов. Построили большую паровую мельницу, вальцовку сортировку на станции Веригино, которая стоит до 50.000 долларов. Построили несколько небольших мельниц по селам, в них зимою работали паровики самоходы, а летом распиливали лесной материал для постройки. Купили вблизи станции Веригино и в других пунктах слишком 70 гомстедов земли, на сумму приблизительно 150.000 дол. Построили два больших двойных и три ординарных элеватора на линиях железной дороги, на станции Веригино и в других местах для продажи своего зернового хлеба, который из своего сбора урожаев стали продавать ежегодно до полутора миллиона бушелей. Стали показывать свое полное сельскохозяйственное благоустройство; у нас был полный комплект земледельческих орудий, были конюшни, амбары, паровые мельницы, кирпичные заводы, два - три общих склада для Духоборческой общины, потребление мануфактурных товаров и земледельческих орудий. Все покупалось прямо из фабрик или же из больших складов по самым умеренным ценам. Паровики самоходы оглашали своими свистками пустынные прерии Саскачевана. Где возможно было, по сухим местам распахивали земли. Каждый самоход таскал по восемь и десять плугов. Одним словом, все у нас по Божьему благоволению очень и очень налажено было в самом лучшем виде хорошо. Мы приобрели самые лучшие машины и паровики самоходы. Хороших лошадей было тысяча штук, хороших молочных коров до 1500 штук, рабочих сильных быков до двух тысяч, голов и гулячего скота столько же, имели до трех тысяч овец, молодых подростков. Всем этим хозяйством мы управляли сами. Машинисты и слесари у нас свои. Намечено было довести хлебопашество в сборе урожая до двух миллионов бушелей, ежегодный излишек в продажу. Это мы говорим с полной уверенностью.

Но вдруг, неожиданно в 1907 году канадское правитель-

ство категорически объявляет нам, всем Духоборцам неотложно принять Великобританское подданство и выполнять все законы, а если подданство не примется, то земля отберется и будет отдана другим. Мы писали в министерство и посылали депутатов для личного объяснения, потому что мы не верили в такой лицемерно - плутовской обман. Это был второй безбожный обман, после которого нам пришлось сократить свое хозяйство на большую половину. Овец и скотину мы продали за бесценок куда попало. Расчищенные нашим усиленным трудом гомстеды отобрали и отдали другим. Весь наш тяжелый труд и деньги уплоченные за каждый гомстед по 10 долларов безвозвратно пропали.

После этого совершился третий обман, плутократие канадских чиновников. В лице агента Джон Мак - Дугала объявили нам следующее: Если Духоборцы будут жить тут на купленных землях, то правительство не будет касаться к ним со своими законами. Он же Джон Мак - Дугал нарезал нам на каждого человека по 15 акров земли в наше временное пользование, покуда будет угодно правительству.

Мы с полной уверенностью поспешили уполномочить трех человек: Николая Зибарева, Петра Веригина и Семена Рыбина, как переводчика английского языка чтобы купить землю в Бритиш Колумбии, где нам, как вегетарианцам, было легче доставать пищу растительного свойства, как фрукты и овощи, и возможно легче жить по христиански мирно, честно трудом своим. Первая земля куплена была на Бриллианте, а потом и в Гран - Форске Б. К. До настоящего времени всего куплено земли на 650.000 дол. и за пять текущих лет мы превратили эти непроходимые лесистые дебри в прекрасно цветущую картину садоводства и огородничества. Мы посадили хороших фруктовых деревьев, слишком 70.000 корней: хороших различных яблок, груш, слив, персиков, абрикосов, черешни, вишен, винограда и других многих кустарных плодов: малины, крыжовника, смородины, клубники и проч. И при всем этом построены хорошие дома для помещения людей, водопроводы в каждом доме с питьевой хорошей водой, водопроводы для поливки садов и огородов с большими резервуарами запаса воды, которые оцениваются

в несколько тысяч долларов, лесопильные заводы, на которых готовится строительный материал для будущих построек общины. И на Бриллианте устраивается большая сильная паровая помповая качка воды из реки Кутни на всю площадь долины Утешения. Там же устраивается электрическая сила для освещения всей колонии и приспособление действия электрической силы и для других работ.

Через реку Кутню делается мост, для которого уже весь железный материал куплен. Хотя у нас запасного капитала еще нет, но мы, слава Богу, имеем хорошее здоровье и силу физической способности работать честно по человечески и надеемся с помощью Бога, что все победим. Здесь мы имеем хороших лошадей, коров из лучших молочных заводов, гулящих заводских лошадей. Все это имущество, приобретенное честными трудами, мы оцениваем в два, три миллиона долларов. А в Саскачеване мы пожертвовали ради учения Иисуса Христа за непринятие подданства в семь - восемь миллионов долларов землю, которую нам правительство давало в нашу собственность, ее было больше двух тысяч гомстедов. И мы надеемся, что в скором будущем люди поймут нас, что мы делали это ради равенства и братства всех людей на земле. И мы будем продолжать эту апостольскую миссию честного труда и мирной жизни навсегда. А потому мы обращаемся к вам с искреннею нашею просьбою, во имя Иисуса Христа, дать нам возможность жить здесь, как странникам на земле и, если вы не исключите нас общинников Духоборцев из регистрации записи в метрические книги и не освободите нас от английской школы грамотности, то мы со временем снимемся и уйдем отсюда в другое государство, где нас примут, как безвредных людей и мы спокойно будем исповедовать святое учение Иисуса Христа Господа и спасителя всего мира нашего.

Богу нашему слава.

Духоборческая община Всемирного Братства,
живущая около Гран - Форска.

ГЛАВА XXXIX.

РАПОРТ РАССЛЕДОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИЯ КОРОЛЕВСКОГО КОМИССАРА ВИЛЬЯМА БЛЯК - МОРА.

Духоборцев находит желательными.

Советы для послабления мер.

Виктория. Б. К. 24 декабря 1912 года.

Нижеследующие общие показания и рекомендации заключаются в рапорте, который только что представлен его высокородию правительственному юрист - консулу в этом городе Вильямом Бляк - Муром, назначенным в должности королевского комиссара для публичного исследования дела духоборческой секты в Британской Колумбии.

1. Духоборцы оказались желательными со стороны фермерского искусства, набожности, преданности к земледелию и всеобщего трудолюбия.

2. Исследование это не нашло ничего, в чем бы можно было обвинить их, кроме только их отказа согласиться с законами регистрации и школы.

3. В их обычаях и учении нет никаких данных к дурным наклонностям, вредящим общественному благополучию.

4. Мелкие обвинения, какие были против них, не должны иметь никакого значения ввиду их многих хороших сторон, характерных для их жизни, особенно ввиду их больших способностей к земледелию.

5. Их отказ согласиться с законом регистрации есть их постановление.

6. Есть достаточно оснований, приводящих к заключе-

нию, что их взгляд будет изменен, как только они придут к лучшему знакомству с настоящим характером нашего закона.

7. Глава Духоборческой общины Петр Васильевич Веригин имеет достаточно влияния и власти привести почти что в полное повиновение этим законам, если не сразу, то во всяком случае, в непродолжительное время.

8. Есть основание думать, что Духоборцы находились в неведении их обязанностей по отношению к канадским законам.

9. Они проникнуты уверенностью, что пока они не примут канадского подданства, они не будут призываться к исполнению существующего закона.

10. Переселяясь в Британскую Колумбию и приобретая там землю покупкой на наличный капитал, они были уверены, что не будут обязаны выполнять законы, как это было в Саскачеване, где они имели землю от правительства.

1. Наказания, тюремное заключение не достигнет своей цели, потому что они примут это как гонение за их веру. Дух недоверия к правительству развивался в них издавна вследствие того гонения, которому они были подвергаемы в продолжении более чем триста лет.

Рекомендательная приписка.

1-а. Состав членов Духоборческой общины имеет твердую религиозную основу. И в их упорстве принять регистрацию и английские школы есть тоже религиозное основание. И их не должно бы насильственно принуждать к немедленному повиновению, а предоставить сделать это Петру Веригину, их вождю, который склонял бы их на уступчивость правительству. И если только окажется необходимым, прибегнуть к наказанию, которое должно принять форму денежного штрафа, а не тюремного заключения, так как наложение денежного штрафа будет более действовать и доведет дело по прямому направлению в центр партии на ответственность вождей.

1-б. В системе государственного правительства будет терпимость с людьми и наложение принудительных мер на их вождей.

1-в. При регистрации родившихся, брачных и умерших ответственный член Духоборческой общины должен быть назначен как подрегистратор. Этот способ облегчит и ускорит регистрацию.

1-г. Что касается школы, то здесь необходима уступчивость, чтобы дать Духоборцам увериться и вызвать их симпатию и доверие, выполнив некоторые условия: пригласить в школу русских учителей, которые в соединении с канадскими учителями, могли бы преподавать предметы, заключающие в себе простую грамоту.

1-д. Хорошо бы назначить постоянного духоборческого агента в роде индийских агентов для каждой провинции.

1-е. Духоборцы увольняются от воинской повинности в интересах страны.

1-ж. Духоборцы могут допускаться в Канаду только ясно сознавая, что им не будет позволяться никаких льгот относительно исполнения законов.

.....

Рапорт королевского комиссара Вильяма Бляк - Мура, все его одиннадцать пунктов большая истина, он в точности понял наше убеждение и высказался в своем рапорте искренно. В таком дознании не было абсолютно ничего кроме искренности и понимания. А некоторые по выходе в печать его рапорта, могли допустить о нем темные мысли, как об изменнике своему отечеству через денежную взятку. Жестокая неправда возлагалась на честного человека. Люди должны понять, что верование в божественную силу посредством учения Иисуса Христа, такие дела за деньги не приобретаются. Это можно видеть из истории прошедших времен человечества: если нужно было отстоять веру в бытие вечности, то она отстаивалась телесною плотскою смертью. Это может и в данное время происходить. Вильям Бляк - Мур своею честностью, искренностью заслуживает большую благодарность от всей общины Духоборцев и пусть доброе имя его переходит во все наше потомство доброй памятью навсегда.

А вот что написали Духоборцы Бляк - Муру:

Бриллиант. Б. К. 24 января 1913 года.
Королевскому комиссару Вильям Бляк - Муру.

Виктория Б. К.

Дорогой друг. В рапорте вашему правительству от 24-го декабря 1912 года в первом пункте говорится, что Духоборцы по их характеру трудолюбивы и набожны, но дальше вы во все напрасно думаете и надеетесь, что взгляд Духоборцев будет изменен, как только они лучше познакомятся с настоящим характером вашего закона. Неужели за ваше долгое исследование вы еще не достаточно убедились в религии Духоборцев, что Духоборцы не такие темные люди, как о них воображает правительство и никак не могут согласиться принять и выполнять ваши человеческие законы, действующие против учения Христа? Они разрешают войны, от которых люди тысячами гибнут на полях, где кровь льется потоками и душу раздирает ужас, сердце судорожно замирает от страха и боли. Бедствие, плач и вопль искалеченных людей оглашают воздушное пространство. А их отцы, жены и дети остаются голодными, без всякого призора, никому не нужные. Кроме человеческих жертв, на это ужасное военное дело тратятся миллиарды капитала, которым можно спасти от голода целую страну. Вам бы, образованным и цивилизованным людям скорее нужно подумать, что за океаном европейские войны заливают уже давно человеческой кровью все поля, на которых произрастает божественный дар, которым питается человек и скот, и земля уже не благоволит своим урожаем там, где люди умирают миллионами от голода и умирают вместе с ними мученически их бедные невинные дети. Но вы в своих богатых дворцах при роскошной пище и одежде это мало чувствуете, вы, англичане, еще более подбавляете дров в пламя, вы в своих арсеналах изобретаете самое дальнбойное из всех стран оружие и этим гордитесь, что вашим смертоносным оружием где то, от вас за далеким пространством люди разрывают друг друга на куски. Не думаете ли вы, что вы свою храбрость придадите мечу, направленному против вас? Христос сказал: взявший меч, от меча и погибнет. Вы сами это делаете и нас приглашаете принять такие жестокие, обогранные человеческою кровью законы. А Духоборцы с давних

времен своего существования стараются выполнять один закон Иисуса Христа, запрещающий всякое убийство и насилие над человеком. И за этот божественный закон Духоборцы на земле много перенесли страданий и даже смерть принимали. Так сказал и Христос: Все верующие в меня будут гонимы.

Еще вы хотите, чтобы Духоборцы сделались гражданами в вашей стране. Но Духоборцы по своей вере считают себя свободными гражданами всего света и братьями всех людей, живущих на земном шаре, без различия всяких религий и наций, а человеческие законы для Духоборцев не имеют смысла для их жизни.

Дальше в рапорте говорится, что за школьный вопрос будут подвергать наказаниям в форме денежного штрафа в замен тюремного заключения, штраф должны будут платить вожди духоборцев. Неужели правительство думает, что дело, которому по своему верованию следуют издавна Духоборцы принадлежит только их вождям, а не всем Духоборцам?, ведь каждый Духоборец от юности своей воспитан и научен в этой Христовой вере. А почему вы, друг Вильям, не сказали правительству, что вам на Бриллианте 5-го сентября 1912 года о школьном вопросе две тысячи человек мужчин и женщин и детей единогласно заявили, что школы мы не примем. И, действительно, для нас, Духоборцев, школьная наука вовсе не требуется, мы своих детей стараемся более научить честному труду на своих полях и божественному религиозному пониманию. Духоборческое учение основано не на книгах мертвой буквы, а давно передается из рода в род, от отца к сыну в виде живого слова. И поэтому Духоборцы не имеют никакой нужды в грамотности. Духоборцы даже отвергают и библейские книги, которые считаются в мире как священные, и признают в них только те слова, которые согласны с законом Божиим. А что сказано в Библии, что будто бы по воле израильских вождей, пророков и самого Бога открывались воинские победы в земле обетованной, — этому Духоборцы верить никак не могут, чтобы Господь Бог когда либо разрешал убивать людей. И там же есть еще много других поветствований, противных учению Христа. И люди веками блуждают по писанию, как во мраке. Читая Библию, все отыскивают каким

бы путем легче войти в царствие Божие. Христос сказал богатому юноше: «Раздай свое имение бедным и следуй за мной». И еще он же сказал одному из учеников своих: «Обрати меч свой в его место, ибо все взявшие меч, от меча и погибнут». И вот проходит уже две тысячи лет, а заповедь его еще никто из грамотных и образованных исполнять не начинает. Находятся люди, желающие выполнять Христово учение — это неграмотные и необразованные мужики, как Духоборцы. Но правительство им в каждом государстве препятствует. Не допускает своими законами и парламентами водворять царство Божие на земле, как и на небе. И если за такой неважный школьный вопрос правительство начнет подвергать денежному штрафу, оно нанесет Духоборцам вторую глубокую рану. Канадское правительство как будто бы остается довольным Духоборцами за то, что они хорошие работники, земледельцы. Но почему бы им еще более не радоваться, что в их страну издалече пришли люди, как странники, и жизнь здесь ведут мирную, не имея в своих домах никакого оружия и стараются все более и более приходить к совершенству, а вы собираетесь еще наказывать Духоборцев, которые вам и вашей стране не сделали никакого вреда. Это выйдет тогда жестокая несправедливость.

Член христианской общины Всемирного Братства
Семен В-ч Верещагин.

ГЛАВА LX.

РАЗГОВОР ВОЕННОГО МИНИСТРА БАУЗЕРА С ДУХОБОРЦАМИ ПО ПОВОДУ МЕТРИЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ И ШКОЛ.

Духоборческую общину посетил министр провинции Б.К. из Виктории Баузер. С ним был и министр земледелия Росс и другие. Всех их было шесть человек. Это было 17-го декабря 1914 года, в Бриллианте.

Когда они прибыли на собрание, Петр Васильевич вышел и объяснился: Я член и представитель этой общины Петр Веригин. Оба министра подали ему руку и сказали: «приятно вас видеть, и желательно с вами знакомство». Петр Васильевич сказал им с таким же чувством любезности: «И мы принимаем вас».

После чего свидание министров с Духоборцами началось приветственными разговорами.

Министр: Я очень рад, что на днях виделся с Духоборцами в Гран - Форске. Мы там очень приятно провели разговор, касающийся ихней жизни и устройства в Бритиш Колумбии. Меня сопровождает вот и министр земледелия и мы оба восхищаемся и дорого ценим нынешний день, что имеем счастье видеть вас в таком большом собрании.

Духоборцы: Мы также очень рады видеть вас и благодарим, что вы потрудились приехать к нам.

Министр: Это свидание будет навсегда оставаться у нас приятным воспоминанием о наших дружеских встречах.

Д-цы: Мы всегда готовы и рады встречать вас и на будущее время, если вы будете посещать нас.

М-р: — Мне никогда еще не приходилось видеть Духоборцев и сейчас я с восторгом переживаю чувства моего искреннего удовольствия. Ваше общество сейчас в таком большом количестве мужчин, женщин и детей очень интересует нас, а также интересует нас устройство вашего общинного хозяйства. Вы за короткое время сделали громадные успехи, какие только и возможно делать общими силами, как ваша община. Наше правительство делает во многих пунктах экспериментальные образцовые фермы, для того, чтобы улучшать в стране разработку земли и выращивание всевозможных растений, фруктов и овощей. На что затрачиваются правительством очень большие капиталы, но в сравнении с тем, что сделала ваша Община по той же отрасли земледелия и садоводства, наши предприятия кажутся ничтожными, ваша разработка земли, посадка фруктовых садов и растений, устройство водопроводного помпа, построение фабрик для варенья и консервировки фруктовых плодов, мукомольная мельница, лесопильное устройство и ваши превосходные дома для семейных помещений — все это в лучшем виде нас интересует. Это же самое может заинтересовать и привлечь оковых жителей к улучшению своих ферм и послужить им хорошим поучительным примером. Такое образцовое хозяйство и обработка земли может дать нашей стране хорошую цветущую прибыль в смысле развития культурного садоводства и земледелия. Вы заслуживаете полного высокого одобрения и оценки ваших тяжелых трудов. Большая доля чести по этому делу падает, по нашему мнению, на долю вашего представителя общины, Петра Веригина.

Д-цы: — Мы очень благодарны вам, что вы находите наше устройство и хозяйство в хорошем виде, но мы так считаем необходимым трудиться и устраиваться завсегда, чтобы добывать себе пропитание от земли собственными трудами. Мы очень жалеем, что вы приехали к нам зимою: летний вид растения с плодами еще больше показал бы вам красоты.

М-р: — Господин Веригин писал мне, и я очень ему благодарен за приглашение на праздник в прошлом лете, чтобы я

с компанией покушал ваши черешни. Вот с этим же господином министром земледелия мы намерены были приехать к вам в июле или августе, но в то время, как вам известно, объявилась война. Премьер Мак Брайд был вызван в Оттаву и я был сильно занят делами и не мог исполнить поездку к вам, и только теперь нам пришлось сделать наше путешествие.

Духоборческие женщины: — Мы будем очень рады, если вы в будущем лете пожелаете к нам во время созревания фруктов и просим вас пригласить с собой ваших жен и других знакомых, чтобы покушать черешней.

М-г: — Я очень благодарен вам за ваше любезное приглашение и должен сказать, что нас интересуют духоборческие женщины тем, что они принимают посильное участие наравне с мужчинами в разработке земли.

Дух. жен-ны: — Мы очень довольны, что вы одобряете наш труд, мы думаем, что и ваши жены должны бы неотложно заниматься трудом земледелия, как и мы. Просим вас передать наше мнение всем вашим женщинам.

М-р: — Я с удовольствием обещаюсь передать ваше мнение нашим женщинам, но к сожалению сомневаюсь в том, что едва ли они окажутся способными взяться за такой земледельческий труд, как вы, но в общем я считаю наших женщин большими помощницами нам мужчинам в жизни, где бы то ни было.

Дух. жен-ны: — Если они не способны взяться за такой труд земледелия, как мы, то пусть они помогают вам сокращать расходы своими нарядами, потому что их роскошь сильно отражается на всех тружениках бедного класса.

М-р: — Обещаюсь и это передать нашим женщинам, хотя большой надежды не имею, что оно произведет на них эффект. Во всем я вижу наши дружеские отношения с вами и надеюсь, что мы всегда останемся с полным доверием друг к другу, чтобы между Духоборцами и правительством не могло возникать каких либо недоразумений. Правительство наше всегда готово защищать вас и ваши интересы от посягательства каких бы то ни было других нехороших людей, которые будут защищаться законом наравне со всеми другими жителями страны.

Д-цы: — Мы выражаем вам за это очень глубокую благодарность.

М-р: — Мне сегодня на станции Бриллиант несколько человек депутатов Духоборцев, вышедших из вашей общины, заявили, чтобы я взыскал с вас ихние деньги, которые вы не заплатили им за то, что они вместе с вами работали, живя в вашей общине. Но я объяснил им, что это до меня и до правительства не касается.

Д-цы: — Эти вышедшие из Общины, наши братья несправедливо беспокоят вас своими просьбами. У нас в Саскачеване до сих пор остается общинное имущество, из которого все выходящие из общины получают свою долю сполна.

М-р: — Я еще раз скажу вам, что вы достигли здесь очень хороших результатов разработки земли, садоводства и огородничества. Нас очень интересует, что вы, Духоборцы, без всяких школ и науки сами достигли такого высокого понимания. Я открыто говорю вам, что мы видели в Гран - Форске и здесь ваше общинное устройство, все это нас очень интересует. Но остается небольшое дело, которое нарушает всю эту приятную сторону в жизни вашей: это ваше несогласие с законами страны в смысле записи в метрические книги, регистрации умерших, новорожденных и брачных. Такая система закона страны охраняет жителей всех подданных и не подданных одинаково, к какому бы они не принадлежали верованию и нации, тем более, что правительство наше не вмешивается в религиозные дела, потому что здесь полная свобода верований в Бога, лишь бы не нарушался закон страны, который предоставляет всем полную свободу религиозного исповедания. Я надеюсь, что вы также согласны с моими доводами относительно свободы в нашей стране.

Д-цы: — Мы потому и из России отправились сюда, в страну свободы, чтобы избавиться от всех гонений за учение Иисуса Христа, которое предки наши и мы тяжелым путем страдания от русского правительства и попов, терпеливо вынесли на свободу в эту страну.

М-р: — Я могу еще раз уверить вас, что закон правительства Канады не касается религиозных вопросов всего наводонаселения в Канаде. А только для управления страной

мы имеем некоторые законы, признаваемые гражданами за полезные и необходимые, которые должны исполняться всеми без исключения для того, чтобы дети их в случае смерти родителей могли бы получать наследство. Кроме того, это дает нам возможность узнать прирост и убыль народонаселения в стране.

Д-цы: — Таковая запись об убыли и прибыли Духоборческого общества у нас ведется в нашей конторе на Бриллианте и правительству во всякое время доступно узнать точные сведения. А что касается наследства, то у нас все дети обеспечены в том смысле, что отдельного имущества у нас ни у кого нет. Наследники умерших и живых родителей пользуются полным законным братским правом одинаково на все имущество.

М-р: — Кроме этого регистрация умерших требует неотложно присутствия доктора, чтобы узнать опасность эпидемических болезней и тем делать успешное пресечение.

Д-цы: — Запись об умерших у нас также ведется в Духоборческой конторе на Бриллианте, а что касается эпидемических болезней, мы сами никогда не намерены скрывать их.

М-р: — Теперь остается у нас еще один вопрос, относительно школьного образования. Два года тому назад, как мне известно, вы построили это хорошее большое здание для школы и обучали детей в течение одного года. Получались отчеты чрез учительницу с хорошими успехами. Но потом, по каким то причинам вы школу закрыли. Теперь я предлагаю вам открыть опять школу для продолжения учения грамоты. Правительство признает это за хорошее и полезное дело.

Д-цы: — Мы равно уже об'являли вам, что школьное образование детей очень вредное, потому что в казенных школах обучают к убийству на войне, дают детям деревянные ружья и обучают их военным приемам.

М-р: — Я согласен с тем фактом, что в казенных школах дают детям деревянные ружья, но это лишь для того, чтобы у детей развивались мускулы.

Д-цы: — Для развития мускулов у детей мы считаем самым лучшим давать им в руки железные лопаты, разрыхлять землю для огородных грядок и вокруг садовых деревьев. Это

мы находим самым полезным развитием мускулов у детей. Школьное образование имеет пагубное влияние на всю жизнь человека. Как видите, все грамотные стараются добывать себе средства к жизни самыми легкими путями. Наши дети за короткое время школьного учения оказались совершенно непослушными своим родителям, стали уклоняться от земледельческого труда и домашнего хозяйства в таком опасном для них возрасте. Поэтому мы единогласно отклонили школу грамотности.

М-р: — Я недоумеваю; если вы считаете образование пагубным для детей ваших, то почему же вы сами просили открыть школы и сделали этот ценный для школы дом?

Д-цы: — Этот дом мы построили не для школы, а для молитвенных собраний. Он стоит нам не больше пяти зот долларов.

П. В-ч Веригин: — Я хочу дать вам краткое объяснение относительно школы. Духоборцы согласились принять школу по моему предложению, так как я думал, школа грамоты будет очень полезна духоборческим детям. Но когда родители их увидели большую перемену характера своих детей, что влияние школы производит особое настроение, несогласное с обычной духоборческой жизнью, не смотря ни на что, Духоборцы закрыли школу.

М-р: — Я очень сожалею, что вы не соглашаетесь принять школу и метрические записи мирным путем. Вы поймите, что я, как представитель власти, короны, предупреждаю вас на законном основании: принять школу и метрические записи.

Д-цы: — Очень приятно слышать, что вы представитель короны, а вас мы просим, поймите нас, что наша духоборческая община есть представитель учения Иисуса Христа. Правительственный закон мы сравниваем с толстой веревкой, которая сплетена из многих частей, но в этих частях есть три самые опасные части, как метрические книги, школа и присяга. Поэтому мы никогда не согласимся быть вплетены в эту толстую веревку. Наши предки и мы еще в России жестоко пострадали за это дело, а также и здесь мы готовы будем отдать себя на страдание. Проходит уже две тысячи лет с тех

пор, как люди должны бы принять закон Иисуса Христа и руководиться им, но к сожалению за эти две тысячи лет люди издали много законов человеческих, а закон Иисуса Христа остается без исполнения.

М-р: — Учение Иисуса Христа не одинаково понимается всеми. Мы также веруем во Иисуса Христа и живем согласно его учению. Наше правительство не станет сажать вас в тюрьмы и мучить, как это делало русское правительство над вами. Но для вас проведен особый закон, судебным порядком подвергать вас денежному штрафу с взысканием посредством оценки и продажи вашего имущества.

Д-цы: — Вы сами сказали, что и вы также веруете в Иисуса Христа и живете согласно его учению, а сейчас угрожаете нам штрафами и оценкой нашего имущества. Мы ясно видим, что закон Христа и ваша вера нарушаются вашими делами, потому что вера без дела есть мертва. Что же вы у нас будете оценивать и что вы будете у нас брать, если наше имущество все находится под тяжелым залогом в шесть тысяч долларов. Мы вынуждены были накопить этот долг вследствие того, что канадское правительство несправедливо поступило с нами: при первом поселении в Саскачеване, правительство дало нам землю и спустя семь - восемь лет, ту же землю правительство отобрало. Мы уложили все свои физические силы и материальные средства на устройство и разработку этой земли, а потом вынуждены были переселиться сюда в Колумбию. Вы считаете грамотность и образование хорошим делом, но мы еще объясняем вам, что ваше образование, кроме ужасной кровавой войны, ничего не приносит. Образование поставило все человечество на две половины: одна половина это — тунеядцы, живущие чужим трудом, а другая половина — это вечные труженики земледельцы, которые часто не имеют даже дневного пропитания и за такое вредное образование вы хотите нас разорять. Считаете ли вы уголовным преступлением непринятие школ и метрических записей?

М-р: — В прямом смысле это нельзя считать за уголовное преступление, но этим нарушением закона вы в известной степени делаете уголовное преступление.

Д-цы: — А считаете ли вы уголовным преступлением войны?

М-р: — Война дело особое. Она возникает вследствие недоразумения между государствами, которые всегда стараются покончить такие недоразумения посредством войны. Все просвященные люди понимают неправильность войны и что лучше бы было улаживать такие недоразумения мирным путем чрез третейски суд.

Д-цы: — Кто же виноват в этом?

М-р: — Мы думаем, что всему виноват германский император, а Германцы и их император вероятно думают, что всему виновата Англия.

Д-цы: — А какое ваше личное мнение об этом?

М-р: — Вообще всякое убийство я не одобряю, но будучи верно - подданным королю, если бы в Англии передовое наше правительство нашло бы необходимым идти и защищать такую страну, как Бельгия, то вероятно я охотно пошел бы. Но это всецело зависело бы от моего личного желания. Если бы я не пожелал идти на войну, правительство не имело бы право принудить меня идти насильно.

Д-цы: — Это было бы очень несправедливо с вашей стороны, вы обязаны пойти на войну, а иначе нарушаете присягу. Кто же устраивает все эти войны?! Короли, императоры и образованные люди или простой рабочий народ? И можно ли их за это отдать под суд?

М-р: — Устраивают все это, конечно, люди, имеющие власть, но вы кажется возбуждаете очень глубокие вопросы. Не лучше ли нам перейти к делу, по которому я приехал, я думаю, что вы и сами сознаете полезность грамоты, так как грамотный человек всегда может быть лучшим земледельцем, чем неграмотный.

Д-цы: — Все школы, университеты мы считаем вредной наукой, благодаря им, теперь цивилизованные люди дошли до большого изобретения и сами же на себя приготовили дальноточные орудия, воздушные аэропланы, быстрые поезда, бронированные автомобили. И от этого изобретения теперь миллионы людей погибают на полях сражения как саранча. А

также все образованные люди, занимающие посты, в том числе и вы, Баузер, кушаете хлеб от чужих трудов.

М-р: — Правда, что много вредных изобретений изобрели от образованных людей, но не надо упускать из виду и все то, что было изобретено наукой полезного для народа. Правда и то, что я кушаю хлеб от рук земледельцев, но в свою очередь и я работаю в пользу тех же земледельцев. Мне кажется, что нам надо перейти к разрешению этих двух вопросов: школы и метрических записей, которые, я надеюсь, вы согласитесь принять, а иначе вы подвергнете себя неприятной для вас ответственности.

Д-цы: — Вы также имейте ввиду, что эти два вопроса: школа и метрические записи тесно связаны с нашими религиозными убеждениями и мы будем отстаивать их во имя Иисуса Христа. Мы просим тебя всем собранием взять обратно свои слова, что вы будете разорять нас посредством оценки имущества и штрафа. Вы, как народный правитель, избранный народом разбирать житейские народные несправедливости, вы не должны поступить с нами, как поступил Пилат с Христом, который по требованию народа предал Христа на смертную казнь. Если бы народ и требовал от вас наказания, то вы, как народный правитель, обязаны в силу справедливости защищать нас, тем более, что сами лично видите все наши благоустройство и вам хорошо известна наша мирная жизнь: в течении 15 лет не совершилось ни одного уголовного преступления. Можете спросить вот этого полицейского чиновника, который обязан знать о своем районе: совершилось ли хоть одно уголовное преступление за это время в Колумбии. Полицейский чиновник Бляк отвечает: «Не было ни одного уголовного преступления».

М-р: — Об этом излишне спрашивать полицейского чиновника, нам хорошо известна мирная жизнь Духоборцев и что они исполнительны, но дело в том, что закон, предлагаемый мною вам о метрических записях и школах, не может делать исключения: ни для вашей общины, ни для методической церкви, ни для масонов, ни для каких других общин.

Д-цы: — Наша Духоборческая община в семь - восемь тысяч человек, мы живем все под руководством закона Бо-

жьего, в нашем обществе нет полицейских чиновников и судей, мы хорошо знаем, что вы имете власть ваших законов, разорять нас и мучить как вам угодно. Но мы все единодушно готовы отдать себя на какое угодно страдание и муку, лишь бы сохранить веру нашу во Иисуса Христа.

Петр В-ч Веригин: — Я хочу вам сказать свое мнение относительно Духоборцев. Самое лучшее для вас, если вы их оставите в покое. Духоборцы не желают, чтобы ваше имя оставалось в истории Духоборческой жизни, в архивах, как имя жестокого тирана. Да и какая польза правительству пустить шесть - семь тысяч Духоборов нищими по Канаде, ведь бедных и без того много. Духоборцы, насколько мне известно, при возникновении гонений на них, еще больше держатся общности, а когда оставляют их в покое, они сами по себе выделяются из Общины и охотно принимают все ваши законы. Например в России они строго держались общности, а здесь в Канаде, из шести - семи тысяч вышло уже более тысячи на фермы и приняли подданство. Относительно школьного вопроса я откровенно вам сознаюсь, что в этом был причиной я. Мне очень часто приходила мысль, почему меня мои родители не отдали в школу хорошего образования грамоте и когда я приехал из Сибири в Канаду, я вполне был убежден, что школьное образование для Духоборцев необходимо. На мое предложение многие Духоборцы согласились образовывать своих детей в английских школах. Но потом, когда родители убедились, что их дети проявляют признаки непослушания в таком возрасте, они стали сильно советовать, чтобы как можно скорее избавить своих детей от школьного ученья, чтобы по мере возможности воспитывать их самим и решили закрыть школу немедленно. Я и сам теперь остаюсь очень благодарен своим родителям, что они меня не учили образованию. Привожу вам факт, что Духоборцы в России не соглашались принимать школьное образование и получилось разделение. Духоборцы, принадлежавшие к Общине, не приняли школы и ушли сюда в Канаду, а те приняли школу образования и остались на прежних местах жительства, но в настоящее время все они пошли на войну. А наша Община слава Богу живет благополучно. Посмотрите, какая разница по-

лучилась в настоящее время между Духоборцами грамотными и неграмотными.

Наш взгляд по отношению императоров и королей согласен с легендой Льва Николаевича Толстого. Он пишет так: Когда рой пчел садится вокруг матки, а потом, чтобы освободить матку, начинают крайние пчелы отлетать и этим отлетом крайних пчел освобождается центр тяжести и матка делается свободной. Так бы следовало поступить и всем людям, чтобы освободить императоров и королей от напора, давления на них, а иначе можно задавить, задушить императоров и королей. В этом случае Духоборцы отлетели как крайние пчелы и освободили императора Николая Романова в России.

Дух жен.: — Мы, как матери своих детей, искренно заявляем вам, что мы никогда не будем отдавать другим людям учить наших детей, а считаем своей обязанностью и высшим долгом учить своих детей и воспитывать их в законе Божьем, чтобы наши дети обеспечивали себя вместе с нами пропитанием от земли собственными трудами. Надо вам сказать наше понимание, что природа есть лучшая школа в широком смысле этого слова, от которой зависит все благополучие и высшее образование в нашей жизни. Поэтому мы просим оставить нас в покое.

М-р: — Я предоставляю вам подумать об этом серьезно и месяца через три - четыре вы мне напишите ваше окончательное решение.

Дети Духоборцев очень стройно спели гимн «День Господний».

День Господний наступает, издали уж виден свет,
И всех спящих пробуждает утра радостный рассвет.

Припев: —

— Призыв слышен, все мужайтесь, меч духовный обнажив,
Вы за истину сражайтесь, шлем спасенья возложив.

Вождь наш верен в битвах бранных, смелость в сердце сохраним,

Легион ведет избранных сам Христос, — мы победим!

Припев: Призыв слышен, все мужайтесь

Все вперед, не унывая, козней не боясь врага,
На спасителя взирая, нам победа дорога.

Припев: Призыв слышен, все мужайтесь

При развернутых знаменах, проходя чрез все места,
Пойте в громких вы органах, близко царствие Христа.

Припев: Призыв слышен, все мужайтесь

Богу нашему слава.

Собрание состояло из более двух тысяч мужчин, женщин и детей.

Громогласно и очень мелодично пели гимн:

Пастырь добрый ищет бедную овцу, без него погибнет,
жаль ему.

Припев: —

Ищет ее. Ищет ее и желает Господь спасти ее.

Драхма дорогая вновь обретена, от земли и мрака поднята она.

Ищет ее, ищет ее

Богу нашему слава.

Дух. женщины предложили министрам с их компаниею покушать хлеба соли.

Министры охотно согласились и были приглашены Петром Васильевичем Веригиным к себе на квартиру пообедать.

Собрание после этого было объявлено закрытым и очень радушно распрощались.

Богу нашему слава.

ГЛАВА LXI.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОЛДАТ, ВОЗВРАТИВШИХСЯ С ВОЙНЫ,

которые имели большой митинг в Нельсоне
13-го февраля 1919 года.

На этом митинге солдаты большинством голосов постановили: — ходатайствовать пред правительством, чтобы Духоборцев выселить из Канады обратно в страну, откуда они пришли. Потому что Духоборцы не выполняют Канадских законов. Не записывают чрез метрические книги новобрачных, рожденных и умерших. И потому, что они не участвовали в войне.

Если Духоборцы и были приняты в Канаду, то только по особому договору, чтобы они занимались только земледелием. И тогда правительство дало обещание не брать никогда солдат из Духоборцев. А теперь Духоборцы стали заниматься лесным делом, строить лесопилни и продавать лесной материал. И кроме того делают другие фабрики с коммерческой целью и потому на солдатском собрании решено, чтобы Духоборцы опять возвратились в Россию. Тем более, что там правительство, которое притесняло Духоборцев, теперь удалено. Земли все, которые занимают Духоборцы, отдать и заселить солдатами, возвратившимися с войны.

ОТВЕТ ДУХОБОРЦЕВ СОЛДАТАМ, ВОЗВРАТИВШИМСЯ С ВОЙНЫ НА ИХ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 13-го февраля 1919 года.

ТРУД И МИРНАЯ ЖИЗНЬ.

Выборные Христианской Общины Всемирного Братства с прискорбием увидели в Нельсоновской газете, что солдаты, воротившиеся с войны, постановили резолюцию, чтобы в Нельсоновском дистрикте или вообще в Канаде отобрать от Духоборцев землю и занять эти земли солдатами.

Комитет Христианской Общины счел необходимым сделать экстренный митинг на Бриллианте. На этом митинге было прочтено и заслушано внимательно полным собранием резолюцию от 13-го февраля солдат, недавно вернувшихся с войны. И полным собранием, на котором было слишком 2000 человек, — в большинстве женщины, — провели постановление: — Объявить посредством уважаемой газеты «Нельсон - Дэйли - Ньюс», что Духоборцы постановили торжественно предложить всю землю, которую занимают Духоборцы в Канаде, солдатам, которые так много пострадали от бывшей четырехлетней войны. В особенности женщины все единогласно высказали свое желание отдать эту землю солдатам. А сами они с детьми могут вполне доставать себе пропитание в Канаде без земельной собственности. Так как Духоборческие женщины, начиная от девочек 12 лет, уже вполне могут прокормить себя собственным трудом, безразлично будут ли добывать себе пропитание на земле или еще другим ремеслом. Потому что все духоборческие женщины могут выпрядать на домашних прялках всевозможного качества нити из шерсти, льна, ваты и других растительных волокон. И из этих нитей они также на домашних станках ткут хорошие сукна и полотна для своего употребления.

Для того, чтобы было удобнее заниматься различными работами, как упомянуто выше, а также разрабатывать в Колумбии землю, очищать ее от тяжелых пней и камней, чтобы выращивать и воспитывать детей, духоборческие женщины давно остригли совсем коротко волосы, чтобы не тратить вре-

ца на уборку головы. Но духоборческие женщины выработали себе хорошую обрядность, они часто купаются в паровых банях и употребляют достаточно мыла. Для снятия с головы волос есть еще другая причина: чтобы меньше попадало волос с женской головы, когда женщина prepares домашнюю пищу и месит тесто для хлеба, потому что волосы с головы сорятся, если их часто и коротко не подстригать. И чтобы не иметь лишних расходов в семейной жизни, духоборческие женщины давно уже не носят никаких украшений. Например, металлических изделий: браслет, колец и т. п.

Многие мужчины на митинге с удивлением спрашивали женщин: почему они требуют, чтобы земля была отдана солдатам. Женщины единогласно и громко высказали, что возвратившиеся с фронта войны солдаты заслуживают этого.

Вообще, сказали женщины, солдат с войны нужно неотложно удовлетворить, чтобы они были обеспечены во всех отношениях. Хотя серьезно рассуждая, солдаты должны понимать, что они воевали за короля и Британскую империю, а не за Духоборцев.

И так как Духоборческая община не имеет особенных ценных приобретений, то женщины и требуют отдать солдатам с войны землю. Только необходимо поставить в известность канадскую публику, а также и солдат, что на духоборческой земле в Канаде лежат значительные платежи, около миллиона долларов. На это имеются отчетные листы.

И казенной земли Община не имеет в своем владении ни одного акра. А вся земля покупная, и по этому и лежат на ней еще долги.

Многие вышли из христианской общины Всемирного Братства и заняли гомстеды казенной земли. И общинники Духоборцы, которые не имеют казенной земли, очень просят публику не смешивать их с теми Духоборцами, которые приняли присягу королевскому правительству и не ходили на войну защищать Британскую державу.

По принципу Христианской Общины Всемирного Братства убивать людей ни в каком случае невозможно, потому что выполняющие принцип духоборческой религии, не имеют врагов на земле. Слова «считать Духоборцев враждебными

Английской нации», употребленные в резолюции от 13-го февраля, совершенно ошибочны и члены христианской общины всемирного братства убедительно протестуют против этого выражения. Потому что Духоборцы искренно благодарны Английской нации и правительству за то, что они благополучно проживают в Канаде 20-й год. И хотя не имеют за 20 лет хорошего обеспечения для жизни, но они все это время находили себе пропитание... Правда, у Духоборцев очень сокращенная пища. Потому что по переселению из России Духоборцы были поселены в Саскачеване и им было дано три тысячи гомстедов и 480.000 акров. А потом, когда Духоборцы по своим религиозным понятиям не приняли присягу за эту землю, правительство у них всю землю, 3.000 гомстедов отобрало. Это произошло в 1907 году.

Очень много земли было разработано, выкорчевано много буша, осушены болота и проведены дороги. От очистки земли от корней духоборческие женщины и дети много кровянили руки свои, потому что мужчины в первые годы больше ходили на заработки, для содержания и строили дома для жилища. И эта разработанная земля была отобрана от Духоборцев. И построенные сорок селений, стоящие около миллиона долларов, остались на земле без вознаграждения. Ветераны, возвратившиеся с войны, должны были это необходимо знать, если они на своих митингах разговаривают о Духоборцах...

Если Духоборцы не ходили на войну, так это потому, что имеют основной глубокий принцип: **труд и мирная жизнь.**

Войну Духоборцы считают остатком бывших варварских рыцарей, как указывает старая история о бывшем Тамерлане, Галиафе и других; о Давиде, который побивал тысячи людей, как Библия говорит. И в новейшее время мы имеем знаменитых полководцев: французского Наполеона и последнего варварского рыцаря, немецкого кайзера.

Духоборцы с содраганием разговаривают про таких деспотов - зверей, потому что всякое убийство человека Духоборцы считают ни под каким предлогом невозможным. Это их принцип глубокой веры.

Раньше чем придти в Канаду, духоборцы присылали депутатов, которые ясно объяснили канадскому правительству,

что Духоборцы, гонимы в России за солдатчину, и уже слишком триста лет страдают от притеснения в России за антимилитаризм.

Канадское правительство приняло Духоборцев и дало им честное слово никогда Духоборцев в солдаты не брать. И Духоборцы: старики, мужчины, женщины и дети все до сих пор проникнуты глубоким чувством благодарности английской нации и правительству, что английская нация приняла Духоборцев в свою страну и тем спасла их от притеснения, от деспотизма русских властей.

Причина, что за 20 лет Духоборцы не приобрели себе хорошего обеспечения и даже очень слабо и бедно питаются, та, что когда сконцеливали от них землю в Саскачеване, Духоборцы общинники вынуждены были купить землю в каменистой и лесной Колумбии. И тут снова духоборческие женщины и дети кровянили свои руки от корней и камней, чтобы очистить землю от камней, которых так много в Колумбии. А мужчины в первые года срезали тяжелый лес и корчевали пни, и строили жилища.

Женщинам в общине всегда отводилась более легкая работа.

Можно серьезно рекомендовать лидерам солдатских Ассоциаций, чтобы они посетили все земли в Колумбии, где они увидят горы камней, собранных с земли, чтобы на этой земле можно было посадить картофель и другие необходимые овощи. Ведь Духоборцы вегетарианцы и никогда мяса и рыбы в пищу не употребляют.

На Духоборческих землях приготовлены на всех участках машины, имеющие большое значение для устройства на земле. Например для орошения в Бриллианте на берегу реки Кутни поставлен «ривер помп», который за пять или шесть часов может выпихнуть в бассейн воды до десяти миллионов галонов. Бассейн заложен в трех милях от реки, на возвышенном месте. Благодаря ему две тысячи акров земли будут пользоваться этим орошением.

Фабрика делать Вуд - пайп уже готова, но чтобы выполнить назначенный план для орошения, потребуется по меньшей мере сто тысяч долларов расхода. На вопрос мужчин: —

Откуда солдаты достанут такие значительные деньги, чтобы выполнить план орошения ирригационной системы, женщины сказали: вероятно правительство даст. И должно дать взаймы за дешевые проценты, чтобы земля потом приносила хороший урожай. Всем известно, что земля в Колумбии без полива ничего не стоит.

В дистрикте Нельсон и Гран - Форкс в духоборческой общине имеется молодого сада около 4.000 акров и от большей половины уже ожидается урожай. Фрукты: яблоки, сливы, черешня, груши, персики, абрикосы и много мелких, как: крыжовник, смородина разных сортов и большие посадки клубники. Для мелких ягод имеется в Бриллианте хорошо оборудованная фабрика варенья, которая вырабатывает до пятидесяти вагонов хорошего варенья.

За четыре года войны, из этого варенья фабрики, отпущено даром несколько вагонов для солдат, которые участвовали на войне. Кроме того Духоборцы давали на красный крест и патриотический фонд несколько тысяч долларов деньгами. Словом, Духоборцы давали сколько могли, так как сами не имеют богатого состояния.

А что в резолюции от 13 февраля выражено, чтобы Духоборцы возвратились в прежнюю страну, Духоборцы против этого ничего не имеют. Тем более в России теперь устранено деспотическое правительство. Только этот вопрос заслуживает особого разбора и внимания английской нации и правительства.

Духоборческие женщины убедительно просят вычеркнуть из резолюции от 13 февраля слова «считать Духоборцев враждебными английской нации». Это выражение совершенно несправедливо, как выше уж сказано. Все Духоборцы, в особенности женщины, глубоко благодарны английской нации и правительству за то, что Духоборцы так спокойно прожили в Канаде и никакого враждебного чувства к английскому народу не имеют. И, если это позволительно, духоборческие женщины искренно приносят благодарность и английскому королю и его семейству за свое существование в Канаде.

Основной принцип Духоборцев Труд и Мирная Жизнь.

Богу нашему слава.

Редактировал резолюцию на митинге, бывшем в Бриллианте 17-го февраля 1919 г. Семен Рыбин. Член Христианской Общины Всемирного Братства.

ГЛАВА LXII.

«КАНАДА И ДУХОБОРЦЫ»

Профессор Мэмора, глава политической науки Торонтского университета, адресовал нижеследующее открытое письмо к Сэру Томасу Вайту, а также предложил газете Сидисен опубликовать его.

Открытое письмо к Сэру Томасу Вайту, премьеру Канады.

Сударь, я желаю сделать воззвание к разумному народу Канады, предотвратить, — так как он это может, если захочет — преступление, которое, мне кажется, будет ужасным, уголовным, национальным преступлением.

Всем хорошо известно, что от семи до восьми тысяч Духоборцев иммигрировали из России в 1899 году. Притеснения, гонения, которые они переносили от тамошнего правительства были хорошо известны и они просили, чтобы им позволили переехать в эту страну. При этом они предложили два условия, которые были приняты тогдашним министром внутренних дел. Первое из этих условий — освобождение их от воинской повинности, было утверждено законом. Второе условие — иметь право поселяться селами, также было вполне принято, хотя не было утверждено формально законом.

Когда они приехали, народ принял их с распростертыми объятиями. Эта иммиграция была самой большой массовой. Слава о Канаде, как убежище для несчастных, была широко распространена, об этом говорили по всему свету. Духобор-

ческая иммиграция представляла собой начало великого движения из Европы, на которое смотрели в то время, как на самое главное в созидании этой страны.

Европейские поселенцы построили на северо-западе железные дороги и сделали много для увеличения продуктов. Не будь этой эмиграции, очень сомнительно, чтобы северо-запад был бы в таком экономическом положении, как он сейчас. Может быть, вследствие жестоких гонений, каким они были подвергнуты в России, и которые несомненно должны были отразиться на их душевном состоянии, Духоборцы последние годы проявили склонность к религиозному фанатизму. Эти фанатические религиозные порывы наблюдались у одной пятой или четвертой части всего духоборческого народа, и не были продолжительны. Последние несколько лет таких порывов не было.

Когда делали условия относительно их поселения, я был приглашен департаментом внутренних дел сделать несколько предложений. И я советовал, чтобы земли, отведенные Духоборцам, находились по указанию правительственных земельных инженеров не все вместе и чтобы они были годны для практического поселения. И таким образом, земля, оставшаяся между духоборческими землями, скоро бы заселилась. Это мое предложение было принято и предложение оказалось правильным. Оставшиеся пространства заселились очень скоро и земля быстро поднялась в цене. Что я не мог предполагать, так это то, что правительство нарушит честь и верность народу и поддастся так скоро давлению земельных спекулянтов, которые старались изгнать Духоборцев с даденных им земель, отведенных исключительно для них.

Если бы я знал это, то ничто не могло бы заставить меня приглашать иммигрантов идти в эту страну. Процесс нападения на духоборческие земли начался в 1906 году.

Необходимо объяснить некоторые особенности этого народа, которые сделали его открытым для нападения и сделали его беззащитным пред нападателями. Почти три четверти их проводят строгую кооперацию, они покупали коллективно и продавали коллективно. Местные торговцы не взлюбили их потому, что не пользовались ихней торговлей, так как покуп-

ки Духоборцев делались, главным образом, в Торонто и Ванкувере, где вскоре после поселения, они стали покупать в больших размерах. Местные фермеры распространяли мнение, что продажа духоборческих продуктов понизила цены.

Духоборцы не имели голоса, потому что они не приняли подданства, думая, что подданство дало бы правительству над ними власть, которую они не могли понять. По этой причине к ним отнеслись так бесстыдно и правительство в 1907 году просто сконцуловало духоборческие земли и отняло от народа около 400.000 акров земли. Большое пространство этой земли было разработано этим народом.

Технически правительство может быть, поступало в пределах его власти. Морально его поступок был несправедливый. Одна из особенностей Духоборцев та, что последнее время они были под сильным влиянием учения Толстого, непротивления злу насилием. Они верили также, что, как русское правительство, так и канадское есть только орудие для угнетения, и они решили, что даже маленькая часть оставленной им земли, была ненадежным владением и что вместо того, чтобы полагаться на правительственные земли, они должны купить себе землю. Они купили большие площади земли в Бритиш - Колумбии, сведения правительства. Они были хорошо научены опытом чтобы сделать это, так как в 1912 году было сделано дальнейшее посягательство на ихние Саскачеванские земли. Несколько тысяч Духоборцев было перевезено на Бритиш - Колумбийские земли. Там они усердно принялись за земледелие, которое им было так привычно еще в России. Они насадили громадные фруктовые сады, построили фабрику для варенья и выращивали в большом количестве разные овощи. Во время войны они дарили правительству большое количество варенья для солдат.

Теперь намечается уголовное преступление. Этот мирный, хотя упорный и особенный народ принуждается бросить ихнюю купленную землю, также как он был принужден бросить гомстеды, по таким же злоумышленным наговорам местных торгашей, местных фармалей, местных политиканов, спекулянтов. Эти местные жители решили использовать воротившихся с войны солдат, как орудие для того, чтобы прогнать

Духоборцев с их разработанных ими земель. Намерение их также очевидно, как и безчестно. Основываясь на том, что воротившиеся с войны солдаты должны иметь землю, они склонили правительство насильственно выкупить у Духоборцев землю и отдать ее солдатам.

Земли в Бр. Колумбии очень много, для всех воротившихся солдат, которые пожелают заняться земледелием, и, конечно, их надо усердно снабжать землей. Но не может быть разумной политики в том, чтобы прогонять уже устроенных жителей, которые сделали большие успехи в обработке земли и купили эту землю, веря чести и совести канадского народа.

Солдаты также могут ожидать, что дарованные им земли, могут быть под каким либо предлогом отняты, Канада нуждается в эмигрантах, чтобы заселить свои громадные пространства. Но как можно рассчитывать на их поселение, если они могут быть изгнаны под тем или другим предлогом с их гомстедов или даже с земли, за которую они заплатили? А что же должны делать изгнанные Духоборцы? Они не могут воротиться в Россию, потому что условия там были бы не лучше здешних. Совершенно бесполезно для них желать купить землю здесь, потому что во всякое время могут найти предлог, чтобы согнать их с этой купленной земли, как это хотят делать теперь. Духоборцы должны неизбежно превратиться в бродяг, не могущих достать земли в стране, где миллионы акров ожидают плуга. Жизнь этих несчастных людей снова, как в России, так и здесь, правительство разрушает до самого основания. Нельзя удивляться, что они не доверяют добрым намерениям государственной организации, потому что факты утверждают их в том мнении, что правительство есть орудие притеснения. Близорукая политика правительства по отношению к Духоборам за эти 13 лет принесла свой плод: их взгляд на государство утвердился очень сильно. Недоверие, выросшее в их умах, благодаря поступкам правительства, имеет громадную причину в их нежелании образования для детей, а также в том, что они держатся особняком от их соседей. Они чувствуют и имеют причину чувствовать, что соседи, как и правительство, к ним относятся несправед-

ливо. Таковые поступки не имеют ничего общего с политикой реконструкции, наоборот, это выходит умышленное разрушение.

Если бы правительство отняло все фруктовые сады в Ниагарской области, и выгнало бы фермеров на произвол судьбы и отдало бы земли их воротившимся солдатам с правом продавать спекуляторам, поступок получился бы совершенно тот же.

Забота о наших воротившихся солдатах — это обязанность всей нации и было бы несправедливо взваливать эту особую тяжесть на немногих. Когда правительство само нарушает основные законы страны, нечего удивляться, что закон не всегда уважается. Если Канада хочет освободиться от рабства мелких политиканов, то это можно сделать посредством ясно выраженного общественного мнения. Если в данном случае должно быть что либо сделано, то нельзя терять времени: оценщики посланы федеральным правительством и уже находятся на ихней земле, определяют ценность земли, которую намерены конфисковать. Дело это совершается с необыкновенной быстротой и я бы предложил, чтобы федеральное правительство немедленно постановило рассмотрение и обстоятельное расследование этого дела, поручив это расследование надежному, добросовестному человеку.

Канада не может допустить того, чтобы скомпрометировать себя таким несоответственным ее взглядам, несправедливым делом, имея ввиду тот факт, что духоборческий народ, который грабили раньше и теперь снова грабят, есть народ неповинный, безвредный, народ незнакомый с политическими махинациями. Каждый разумный гражданин этой страны должен добиваться справедливости по отношению к ним и чтобы им предоставили устраивать их мирную и плодотворную жизнь.

Подписал Джэмс Мэвор. Город Торонто.

1-го мая 1919 года.

ГЛАВА LXIII.

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ПЕТРА ГОСПОДНЕГО...

26-го октября 1924-го года в 10 часов вечера Петр Васильевич выехал из Бриллианта на пассажирском поезде Сипиарской железной дороги на Фруктовую, в Гран - Форкс. И когда поезд вышел со станции Фаррон и не успел пройти одной мили, как его взорвало и взорвало тот вагон, в котором сидел Петр Васильевич. Это случилось в час ночи. Под сиденье Веригина была поставлена злодеем адская машина, бомба..., которая и взорвала весь вагон. В это время он спал, как кроткий ангел, облокотясь на сиденье, не подозревая ничего. Тело его выбросило из вагона саженей на десять под железно - дорожную насыпь, где протекал небольшой ручеек. Петр Васильевич лежал вниз лицом и лежал на левой стороне лица. Поезд продолжал идти, вагон уже весь пылал в огне. И еще саженей сто прошел поезд и остановился. Таким образом тело Веригина осталось целым от огня. Два трупа: женщины и девочки лет 18-ти совсем сгорели в вагоне.

При выезде из Бриллианта Петр Вас-ч известил по телефону Фруктовских, что он выезжает к ним и чтобы они встретили его на станции. Когда поезд пришел, они узнали, что Веригин умер на пути, не доезжая тридцати миль до Фруктовой. Утром дали знать по телефону об его смерти. Неожиданная весть как громом поразила всех от старого до малого. Пассажирские поезда прошли и нужно было взять из Нельсона отдельный курьерский поезд, который через час прибыл

на Бриллиант и мы человек 15, в том числе и Анастасия, выехали на место происшествия.

Туда мы приехали, когда тело Петра Васильевича было уже положено в вагон. Это подоспели два брата из Гран - Форкса Семен Махортов и Петр Кучин и с другими некоторыми они занесли тело в вагон. Там уже производилось следствие. Из Гран - Форкса прибыли два главных доктора и несколько человек представителей города.

Следственная комиссия не позволила нам сейчас же вести тело на Бриллиант, а нужно было по ихнему закону вести в Гран - Форкс для освидетельствования более высшими чиновниками. В Гран - Форкс прибыли в 6 часов вечера. Все Духоборцы, от старого до малого с поселка Фруктовой были около вокзала, а также и весь город был встревожен его смертью.

Тело Веригина Гран - Форкское правительство предполагало снести в полицейское управление для освидетельствования, но все мы упросили сделать это в вагоне и просьба наша была уважена. Правительство сделало освидетельствование в вагоне, были их 12 человек. Лицо было открыто и они, удостоверившись, проходили по порядку и этим закончилось следствие.

Затем все братья и сестры, желая проститься со своим великим и любимым вождем, все по порядку проходили чрез вагон, каждый делал коленопреклонение. Такое прощание заняло часа три, и когда все закончили, поезд дал свисток и поехал на Бриллиант...

Где уж вся площадь Бриллианта была заполнена народом...

За мило не доезжая до Бриллианта, машинист дал три гревожных свистка, возвещающих неблагополучие. В это время не только земля, но и Небеса как - бы содрогнулись, весь народ пришел в ужас и не знали что делать...

И когда сняли тело из вагона и проносили в дом, весь народ навзрыд плакал и неверил своим глазам... Тело пронесли прямо в баню, которая была нарочно подготовлена для этого. Четыре человека мужчин было назначено к омовению тела, в числе их был и я. Когда растегивали пуговицы и снимали оде-

жду, увидели, что верхняя рубашка была на половину оторвана и так правильно, что и ножницами нельзя так отрезать. Такая необычайная адская сила постигла нашего ничем незаменимого руководителя. В одевании тела Анастасия также участвовала и оплакивала его тело горячими слезами.

Вид его тела напоминал тело Иисуса Христа, распятого на кресте на горе Голгофе, которое мы видим в изображениях.

Левая рука его была подложена под затылок, так он подложил ее, спав на сиденьи. Правая рука была положена на грудь, на теле больших ран не было, кроме левой ноги, которая внизу была помята совсем с костью, но была тут же; сапога совсем не нашли, правая нога вся в целости, только выше колена в тело было вонзено железо с фут длины, 4 инча ширины и инч толщины. Это железо с сиденья.

Когда убрали тело в одежду, перенесли в его спальню и положили на койку. Койка была поставлена посредине спальни, для того, чтобы всему народу было удобнее смотреть. Когда все это было в порядке, все родные, собравшиеся здесь во главе с Анастасией, сделали коленопреклонение, каждый прочел заупокойный псалом, затем прочли Христову молитву «Отче наш, сущий на небесах».

Затем все народы приступили к такому же порядку. Тут не было ни Елинов, ни Жидовин, а все были одного Отца Бога дети и всем был доступ одинаков. Тут были не только общинники со всех участков и Саскачевана, но и все вышедшие из общины приехали и пришли. Много было из Принц - Альберта, все собрались к его телу. Много было англичан и других наций, а также много было Черноарапов, Индусов. Мужчины и женщины входили в спальню, становились на колени и долго долго стоя на коленях, читали свою духовную молитву и горько плакали.

В таком порядке прощание продолжалось пятеро суток, вплоть до погребения его тела. Народ никак не уходил со своих мест, разве только когда ослабевало тело, на малое время уходили. Заунывное пение, плач и слезы ни на минуту не останавливались. Природа также приняла вид большой печали, в природе была полная благая тишина, только время от времени небо моросило мелким дождем: достоверный при-

знак, как мать оплакивает свое дитя. За все пятеро суток ночи здесь не было, день был днем, и ночь служила за день — так не переставал народ пребывать в молитве и служении Богу.

Последний день — это был день воскресения Христова, — было опубликовано в газетах, что погребение тела будет в два часа после обеда. К этому времени из Нельсона прибыл отдельный курьерский поезд, на котором приехало не менее 500 человек англичан; среди них были знатные богатые, а также было много и простого люда. Кроме поезда из Нельсона и Треля, ближайших к Бриллианту городков, приехало не менее 100 автомобилей. Им была сделана отдельная честь: в это время гроб был вынесен из спальни в столовую, где был свободный проход для людей, в одни двери входили, в другие выходили, и так все могли видеть лицо Веригина. Многие из друзей преклоняли колени и оплакивали его неожиданную смерть.

В один час 20 минут гроб был вынесен во двор, где уж было окончательное прощание с его телом. Все знали, что тогда его более не будет проходить по здешним тротуарам. Рука его не будет отворять дверей в свою комнату, уста его не будут издавать приветливых слов с встречающим его народом и он телесно уходит раз навсегда для всего народа. В этот момент как бы открылась великая тайна, выше сказанных слов. Весь народ на мгновение как бы замер от такого страшного ужаса и сожаления. Но мгновение это прошло и народ снова разразился рыданием и великим плачем. Ларион, родной племянник Веригина, прочел надгробную речь на английском языке. Весь народ, за исключением певчего хора, со всех участков за полчаса до несения гроба, был расставлен по обеим бокам дороги. Такая процессия заняла мили полторы расстояния.

Наконец ровно в два часа дня гроб был поднят и понесен, впереди несли знамя, на полотне которого было написано большими буквами:

«Эмблема Мира». «ТРУД И МИРНАЯ ЖИЗНЬ».

«Петр Господний».

По бокам шли дети в возрасте 17 и 18 лет парни и девицы, в руках несли букеты с цветами и вечно зеленеющие ветви сосны. Следом за гробом шли певчие хоры. Первые шли Утешенские и Бриллиантские. За ними Фруктовские. За Фруктовскими Плодородненские. За Плодородненскими Луговские. За Луговскими Крестовские. За Крестовскими Благодаровские, а за Благодаровскими вышедшие из общины фармалы. За фармалами Свободники. Каждый участок пел свой отдельный псалом. При несении гроба небесная природа приняла совсем другой вид: все тучи, которые давали дождь, в один момент рассеялись, как будто их и не было, большой шар солнца осветил все уголки земного шара и само солнце лично участвовало в погребении тела такого великого и могучего по природе сына Земли. Вся природа способствовала этому. Во все время несения гроба вплоть до могилы гроб был открыт и солнце изливало последние лучи на его пречистое и пресветлое лицо.

Не доходя саженой сто до могилы, оказалось возвышенное место, с которого было видно все Утешение, весь Бриллиант, дом его, контора, склад, фабрика, рабочая столовая и высокий элеватор — все это воздвигнуто самими Духоборцами с помощью его советов. Надпись на этих постройках свидетельствует об этом: «Христианская Община Всемирного Братства». Здесь гроб опущен был на камень с тем намерением, чтобы Веригин мог бы проститься со всею своею землею жизнью, со всеми своими неусыпными трудами, со всеми своими заботами для устройства царства Божия на земле. Над этим он так искренно трудился, в таком труде часто не доедал, часто не спал законного для сна времени и теперь он почил от всех земных трудов. Отец небесный уволил его от всего этого. Тело его отходит в землю. Дела его остаются здесь в народе. Душа его отходит к тому началу, откуда она произошла в вечную обитель, в пределы вечности. Живя на земле, он в это несомненно и искренно веровал. Здесь над гробом спели его любимый стих: «Ближе, Господь, к тебе, ближе. Ближе, Господь, к тебе, ближе к тебе. Хотя с крестом пришлось подняться мне: Нужно одно мне: ближе, Господь к тебе.

Ближе к тебе . . .

В пустыне странник я и ночь темна. Отдых на камне лишь
Найдет глава. Но сердце и во сне ближе к тебе,

Ближе к тебе . . .

» Пробудясь от сна, песню воспою. Тебе хвала, Христос,
слава от Отца. В скорби отрада мне. Ближе, Господь, к тебе.

Ближе к тебе . . .

Когда земную жизнь окончу я, тогда во славу ты введешь
меня,

Вечная радость мне, Ближе, Господь, к тебе.

Богу нашему слава.

Ближе к тебе . . .

И снова гроб понесли до могилы. И когда принесли к могиле, по духовоборческому обряду прочли по псалму близкие родные. После этого Е. Конкин прочел надгробное слово, читали и на английском языке речь. Затем стали опускать гроб в могилу. Здесь также не обошлось без рыданий и слез. Пели псалом: «Гласом моим ко господу воззвах, гласом моим ко Господу помолюсь, пролью пред ним моление мое, печаль мою возведу пред ним». В этих словах народ обращался со всею печалью к Богу, согласно этим словам и мотив пения очень заунывный. Как ни был силен хор певчих, не могли выдержать, чтобы спеть правильно, все навзрыд плакали. Все присутствующие народные души в это время стояли как бы лицом к лицу с самим Господом и просили, чтобы он утешил их в печали. После этого еще спели стих:

Замучен тяжелой неволей,
Он славною смертью почил
В борьбе за народное дело Божье
Он голову честно сложил.
Служил ты долго и честно
Для блага родимой страны
И мы, твои братья по делу
Тебя на кладбище снесли...
И горе нам душу томило,
И слезы блистали в очах
Когда опускали в могилу,

Землей засыпали твой прах.
Наш враг над тобой не глумился
Кругом тебя были свои,
Мы сами, родимый закрыли
Премилые очи твои.
С тобою одна нам дорога
Как ты мы по тюрьмам пойдем.
Как ты, за народное Божие дело
Мы головы наши складем...
Богу нашему слава.

Это были его личные желания. Когда еще он был жив, он говорил: «Когда я помру, то чтобы над моей могилой спели этот стих. И так долго, долго еще продолжалось пение, никак не хотелось всему народу уходить с могилы. Солнце зашло за горы и на землю спустилась тень. Стали появляться сумерки. Весь народ еще раз преклонил колени и пошел с могилы тою же дорогой, по которой несли гроб.

Все народы, участвовавшие в похоронах, держали себя вежливо и честно, и желали одного, чтобы проводить тело такого великого человека с миром. Так дошли до дома, где находился и жил Веригин, спели еще псалом, а также сделали еще земной поклон.

Все поблагодарили Анастасию за хороший порядок. Анастасия также всех благодарила за участие в похоронах. В будущем пожелали друг другу всего хорошего. И разошлись по домам.

Так закончились похороны жившего в наше время великого и сильного Духовного Вождя Духоборцев Петра Господнего. Царствие ему небесное, вечный покой!

На могиле Петра Господнего Веригина поставлен памятник в пять тысяч долларов. Он в этом непричастен. Это не было его личное желание. Это было желание народа. Когда он был жив, то, если касался разговор об этом, он всегда гово-

рил: «памятью должна служить жизнь каждого человека в отдельности. А этого ничего не нужно».

Богу нашему слава.

Прилагаю два стихотворения, посвященные духоборческой молодежи, — одно «Дело было за Кавказом» Петру Господнему*) Веригину. Другое: «Спите, Орлы боевые» — всем братьям и сестрам, умершим в России, начиная с их поселения в Закавказье и кончая Якутской областью.

1-е. Дело было за Кавказом. Дело славное, друзья.
Наши отцы сожгли оружие под знаменем Петра.
Наш великий предводитель, память вечная ему!
Сам жертвой себя ставил, сам грудью вперед шел.
В борьбе достиг он славы над победой со врагом.
Вперед братцы, вперед братцы! Мы достигнем свою
цель!
Нам одно лишь — молодежи — Держать крепко тот
лозунг:
Знамя труда и мирной жизни и прощенье всех обид.
За победу над неправдой вечно будем с ними мы жить.
И в отчизне наш Спаситель нас наградой одарит.

2-е. Спите, Орлы боевые, спите спокойной душой.
Вы заслужили, родные, память и вечный покой.
Нам всем, готовой тропой легко теперь идти.
Той дорогою ценою Нам вы ее обрели.
Долго и тяжело страдали вы за отчизну свою.
Много вы в тундрах прожили, в холодном Сибирском
краю.
Ноне мы вспомним бывшее, ваши страдания, труды,
Соединимся в едино, тесно сомкнемся в ряды.
Спите, Орлы боевые, спите с спокойной душой,
Мы все победим, дорогие, Христовой пойдем мы
тропой!

*) Слово «Господний» означает то, что он жил большую часть своей жизни во имя Господа. (Примеч. автора).

Посещение

Петром Васильевичем братьев и сестер молокан.

Петр Васильевич одно время лично посетил всех братьев и сестер молокан, как живущих в Лос - Анжелесе, а также и около Оригона. С ним были Павел Планидин и Михаил Казаков. Братьям и сестрам Лос - Анжелеса было известно день его приезда к ним, и почтенные старички, так называемые старцы, семь человек, встретили их на вокзале, и с вокзала поехали на автомобилях в их поселения, где также много братьев и сестер с большим почетом встретили их. Петра Васильевича благодарили за мужество, что он выдержал шестнадцатилетнее страдание в самых отдаленных местах северной Сибири в самых трескучих морозах где жизнь совсем не сродна для человека и приносили благодарение Богу за освобождение его и прибытие к Духоборцам в Канаду, а также и за приезд его к ним и личное свидание. Душевной радости всех братьев и сестер, а также и Петра Васильевича с его спутниками не было конца. Она выражалась в пении духовных псалмов и стихов и в словах.

Братья и сестры делали тысячные собрания, где приглашали Петра Васильевича говорить речи, как духовно - нравственно, а также и о жизни материальной. Он много беседовал о прошлом и настоящем времени и о положении всего народа. О прошлом он говорил, что мы Духоморцы и Молокане были одной семь и один народ. Предок наш в познании Бога и истинного пути это Иисус Христос, но с течением времени из одной семьи образовались две семьи, Христа вы также как и Духоборцы исповедуете; только в некоторых понятиях различаемся, Духоборчество выражалось и основыва-

лось на устных словах, которые много брались из Евангелия: как нагорная проповедь и другие. Эти псалмы передавались устно молодому поколению, а Молоканство стало основываться на писании: на Библии — Старом Завете и Евангелии — Новом Завете. И так с течением времени семья эта разделилась совсем. Духовно - нравственная жизнь поддерживалась в обеих сторонах, но и были послабления. Я укажу на Духоборческое послабление, в особенности в мою жизнь. У них стало развиваться пьянство, трубокурство; некоторые стали богатеть, а некоторые беднеть; богатые к бедным стали относиться не по братски, стали нанимать в работники; уже слово работник противоречит Духоборчеству. У предков наших всего выше сказанного не было. Я родился и воспитался в Духоборческой семье, в деревне и вся жизнь мне известна, и когда после смерти Лукерьи Васильевны Калмаковой я вступил на пост Духовного руководителя, я посоветовал все это оставить и стать на жизнь предков своих, всему этому и вы известны, это я советовал на основании своих предков... А что нового как будто я от себя передал, — это неупотребление в пищу мяса животных. Это в моем собственном разумении открылось, что это не естественная пища человека, человек должен питаться от земли. Был в ссылке и два года испытывал питаться неубойной пищей. Конечно, для языка и живота было немного не по вкусу, но духовное разумение заставило подчиниться новому правилу, и после этого я предложил Духоборцам. И они, хотя не все, но большая часть поступили согласно моему совету. У вас - же Молокан, сохранилась более духовно - нравственная жизнь. Вы сохранились от пьянства, трубокурства и многих других привычек и теперь я вам предлагаю; если вы пожелаете; время настало соединиться нам в одну семью. Только вы должны оставить мясоедение. Конечно, на это потребуются разумение и усилие, усилием только достигается Царствие Божие, посмотрите ведь вам нужно усилие употребить только против неедения мяса, а Духоборцы усилие употребляли и против пьянства и против курения табаку. Ведь вам известно, насколько эти худые привычки были укоренены среди Духоборцев, некоторые старички пробуждались от глубокого сна для того только, чтобы

покурить. Затем я советовал выйти им всем из городов и поселяться на земле. Города — ведь это развратные притоны, в особенности для молодого поколения, а к тому — же и древняя заповедь говорит: в поте лица будешь добывать себе пропитание от земли.

Братья и сестры слушая это, больших противоречий не делали, но и общего согласия не могли подать. Да и Петр Васильевич это делал как простое предложение, которое потребует много времени для полного согласия. Михаилу Петровичу Пивоварову, ноне почившему в Бозе, такое предложение Петра Васильевича пришлось по душе и он стал усиленно работать и после некоторого времени стал вегетарианцем. И изложил свое понимание в стихе, который я здесь помещаю.

Григ. Веригин.

Прости мне, Царь творец Вселенной,
За грех мой, сделан пред тобой.
Прости и ты, вся тварь живая,
За кровь твою пролиту мной.

Скота и рыбы птиц пернатых,
Я вас не буду убивать.
И для отнятия вашей жизни
Руки своей не подниму.

Пред Богом дал я обещанье,
Чтоб больше вас не убивать
И для пролитья братской крови
В рядах безумных не стоять.

Псаломник громко воспевает,
Для славы создан человек.
И ради немочного брата,
Не буду мяса есть во век.

Не буду больше я могилой,
Чтоб труп животных хоронить.
Не буду также я соблазен,
Во век вина не буду пить.

Апостол Павел возглашает,
Блажен, кто милует свой скот.
И на свободу выпускает,
Не льет на землю ее кровь.

Помилованье ожидает,
Вся тварь от Божьих сыновей.
И громко к Господу взывает,
Он скоор помощь ей пошлет.

Народ изменит свои мысли,
Тогда меч в руки не возьмет
Отпущен будет Агнец кроткий,
И на свободу скот пойдет.

Не бойсь меня вся тварь живая,
Врагом твоим не буду я.
Хвалите Бога все создания,
И Богу слава на всегда. Аминь.

Богу нашему Слава.

Михаил Пивоваров.

Когда Петр Васильевич умер, послали телеграмму родным. Они ответили на нее следующим письмом:

Дорогим нашим братьям и сестрам!

Мы получили от вас неожиданную печальную весть о смерти Петра Васильевича Веригина, что нас весьма опечалило. Мы бы хотели поехать похоронить тело Петра Васильевича и поучаствовать с вами в этой великой скорби, но как время было короткое, мы рассчитали, что к похоронам не успеем. По этой причине поездку отложили, а поминали его в молитвах наших. Однако сердца наши, беспокойны и совесть осуждает. Просим отшедшего друга нашего Петра Васильевича в лице всего собрания вашего, простите нам эту вину нашего отношения к вам, вы правы, а мы виноваты, судим сами себя за то, что не удостоились проводить такого великого человека. Это один из предков наших, знаменитый муж, со своим вооруженным силою Божьей, небольшим полком, вышел на ратное поле, против всемирного зверя, подняв жизнь Божьей рукою народа своего, и поразили божественною стрелою всемирную власть, расторгнул все козни дьявола и освободил от рабства и смерти народ свой и собрал единомысленных в одну братскую семью. Достойны вы слова за подвиг ваш святой! Память ваша незабвенно на веки будет стоять, вы есть Орудие Божье и рука правления его. Аминь.

А Петру Васильевичу пожелаем вечного блаженства, в пресветлом раю с Господом нашим Иисусом Христом и со всеми святыми страдальцами его. Да не изгладится имя его из книги жизни, и светильник его не погаснет никогда, а вас, оставшихся в живых, да благословит Господь жить в Мире и

любви между собой. С простою душою войдите в наследственный труд свой, не забудьте следы предков и завет их святой, будьте в мире и любви и в союзе между собой, чего себе не желаете, того не делайте другим, и как вы хотите, чтобы поступали с вами, так и вы делайте, в этом закон Божий, и пророков, и любовь господи нашего Иисуса Христа, распятого на Голгофе. Да будет честь и слава Господу Богу и духу святому и всем возлюбленным нашим предкам, которые поставили ноги наши на путь истинного упования. Да будут прославлены имена их во всем роде нашем во веки веков. Аминь.

Вместе с тем просим вас, милые вы наши во Христе братья и сестры, примите от нас сердечный поклон и доброе пожелание, и сочувствие вашей скорби и желаем в скором будущем повидаться с вами.

Любящий вас наименьший брат

Михаил Петрович Пивоваров.

П. С. Просим отвечать, а наше желание есть поехать и посетить вас, не знаем, когда Бог позволит.

20-го ноября 1924 г. это свое последнее стихотворение, Петр Васильевич передал Конкину для подыскания напева к нему, а 29-го ноября он умер.

1. Господь, моей ты жизни свет, тебя хочу я славить
вечно.
Ты из земли меня создал и дал мне душу разуменья.
2. Как мир устроен в высоте, меня приводит в восторг
дивный,
Ты из земли меня создал и дал мне душу разуменья.
3. Природа вся в восторге сил, тебя, Создатель, ве-
личает,
Ты из земли меня создал и дал мне душу разуменья.
4. Как звезды блещут в небесах, хотят сказать нам
братство мира,
Ты из земли меня создал и дал мне душу разуменья.

Петр Веригин.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Поминаем в приложении статью Льва Николаевича Толстого под заглавием «Две войны». Толстого Духоборцы чтут, как одного из пророков нашего времени.

Гр. Веригин.

ДВЕ ВОЙНЫ.

В христианском мире идут в настоящее время две войны. Правда, одна уже кончилась, другая еще не кончилась. Но шли они обе в одно и тоже время и противоположность между ними была поразительна. Одна, теперь уже кончившаяся, была старая, тщеславная, глупая и жестокая, несвоевременная, языческая война, Испано - Американская, которая убийством одних людей решала вопрос о том, как и кем должны управляться другие люди.

Другая война, продолжающаяся еще теперь и имеющая кончиться только тогда, когда кончатся все войны, — это новая, самоотверженная, основанная на одной любви и разуме, святая война, война против войны, которую уже давно, как выразился В. Гюго на одном из конгрессов, объявила лучшая, передовая часть христианского человечества другой, грубой и дикой части этого же человечества и которую с особенной силой и успехом ведет последнее время горсть людей, христиан, закавказских Духоборцев против могущественного русского правительства.

Я на днях получил письмо из Колорадо от какого то гос-

подина Джесси Глодона, который просит меня прислать ему несколько слов или мыслей, выражающих мои чувства по отношению благородного дела Американской нации и героизма ее солдат и моряков. Господин этот вместе с огромным большинством Американского народа, вполне уверен, что дело Американцев, состоящее в том, что они побили несколько тысяч почти безоружных людей, есть несомненно благородное дело и что те люди, коорые, побив большое количество своих ближних, большею частью остались живы и здоровы и устроили себе выгодное положение — герои. Испанско - Американская война, не говоря о тех ужасах, которые совершали испанцы на Кубе, и которая послужила предлогом войны, сама испанско - американская война похожа вот на что:

Выживший из сил и ума старик, воспитанный в предании ложной чести, вызывает для разрешения возникшего между им и молодым человеком недоразумения, на кулачный бой этого молодого, находящегося в полном обладании своих сил, человека. И молодой человек, по своему прошедшему, по тому, что он не раз сам высказывал, долженствующий стоять неизменно выше такого решения вопроса, принимает вызов, с сжатым в кулаке костетом набрасывается на выжившего из ума и сил старика, избивает ему зубы, ломает ребра и потом с восторгом рассказывает свои подвиги огромной публике таких же молодых людей, которые радуются и хвалят героя, изувечившего старика.

Такова одна война, занимавшая все народы христианского мира.

Про другую войну никто не говорит, про нее почти никто не знает. Другая война это вот такая. Все государства, обманывая людей, говорят: вы все, управляемые мною, находитесь в опасности быть завоеванными другими народами, я блюду ваше благополучие и безопасность и потому требую, чтобы вы отдавали мне ежегодно миллионы рублей, плоды ваших трудов, которые я буду употреблять на ружья, пушки, порох, корабли... для вашей защиты. Кроме того надо, чтобы и сами вы шли в устроенные мною организации, где из вас будут делать неразумные частицы одной огромной машины, армии, управляемой мною. Находясь в этой армии, вы пере-

станете быть людьми и иметь свою волю, а будете делать все, что я скажу. Хочу же я прежде всего властвовать над вами, средство же для властвования, употребляемое мною, есть убийство и потому я буду вас обучать убийству.

И не смотря на очевидную нелепость утверждения того, что люди находятся в опасности от нападения правительств других государств, которые утверждают, что они, несмотря на все желания мира, находятся в той же опасности, несмотря на унижительность того рабства, которому люди подвергаются, поступая в армию, не смотря на жестокость этого дела, к которому они призываются, люди поддаются обману, отдают своих детей на свое же порабощение и сами порабощают друг друга.

И вот являются люди, которые говорят: то, что вы говорите об угрожающей нам опасности и о вашей заботе предохранить нас от нее, есть обман. Государства все уверяют, что хотят мира и вместе с тем все вооружаются друг против друга. Кроме того, по тому закону, который вы признаете, все люди братья и нет никакой разницы принадлежать тому или иному государству, а потому нападение на нас других государств, которым вы нас пугаете, для нас не страшны и не имеют никакого значения. Главное же то, что по тому закону, который нам дан Богом и который признаете и вы, требующие от нас участия в убийстве, явно запрещено не только убийство, но и всякое насилие и потому мы не можем и не будем участвовать в вашем приготовлении к убийствам, не будем давать на это денег и не пойдем в устроенные вами сборища, где извращают разум и совесть людей, превращая их в орудие насилия, покорное всякому злему человеку, взявшему в руки это орудие.

В этом состоит другая война, давно уж ведомая лучшими людьми мира с представителями грубой силы и в последнее время разгоревшаяся с особенной силой между Духоборцами и Русским государством. Русское государство выставило против Духоборцев все те орудия, которыми оно может бороться. Орудия эти: полицейские меры, аресты, непозволения выезда из место - жительства, запрещение общения друг с другом, перехватывание писем, шпионство, запрещение пе-

чатания в газетах сведений обо всем, касающемся Духоборцев, клевета на них, печатаемая в журналах, подкупы, сечения, тюрьмы, ссылки, раззорение семей.

Духоборцы же выставили со своей стороны свое единственное религиозное орудие, кроткую разумность и терпеливую твердость и говорят: не должно повиноваться людям, больше, чем Богу и что бы вы с нами ни делали, мы не можем и не будем повиноваться вам. Восхваляют испанских и американских героев той дикой войны, которые, желая отличиться пред людьми, получить награду и славу, убили очень много людей или сами умерли в процессе убийства своих ближних.

Но никто не говорит и не знает даже про тех героев войны против войны, которые никем не видимы и не слышимы, умирали и умирают под розгами или в вонючих карцерах или в тяжолом изгнании, и все таки, до последнего умирания, остаются верными добру и истине. Я знаю десятки этих мучеников, уже умерших, и сотни таких же, которые разбросанные по всему миру, продолжают это мученическое исповедание истины. Я знаю Дрожжина, учителя христианина, который до смерти был замучен в дисциплинарном батальоне, знаю другого Изюмченко, товарища Дрожжина, выдержавшего в дисциплинарном батальоне и потом сосланного на край света, знаю Ольховика, крестьянина, отказавшегося от военной службы, за это приговоренного в дисциплинарный батальон и на пароходе обратившего конвойного солдата Середу. Середа, поняв то, что сказал Ольховик о грехе военной службы, пришел к начальству и сказал, как говорили это древние мученики: «Не хочу быть с мучителями, присоедините меня к мучениками», и его стали мучить, послали в дисциплинарный батальон, а потом в Якутскую область. Знаю я десятки Духоборцев, из которых многие умерли, ослепли и все таки не покорились требованиям, противным закону Бога. На днях я читал о молодом Духоборце, который один, без товарищей, послан в полк, стоящий в Самарканде. Опять те же требования со стороны начальства и те же простые неотразимые ответы: не могу делать того, что противно моей вере в Бога. — «Мы тебя замучим». — «Это ваше дело, вы делайте свое, а я буду делать свое Божье дело». И этот двадцатилетний мальчик, за-

брошенный один в чужой край, среди враждебных ему людей, сильных, богатых, образованных, направляющих все свои силы на то, чтобы покорить его, не покоряется и делает великое Божье дело. Говорят: это напрасные жертвы, люди эти погибнут, а устройство жизни останется то же. Так же, я думаю, говорили люди и о напрасности жертвы Христа, да и всех мучеников за истину. Люди нашего времени, особенно ученые, так огрубели, что не понимают, не могут даже, по грубости своей понимать значения и действия духовной силы. Заряд в 250 пудов динамита, пущенный в толпу живых людей, это они понимают и видят в этом силу, но мысль, истина, получившая осуществление, проведенная в жизнь до мученичества, ставшая доступной миллионам, это, по их понятию, не сила, потому что она не трещит и не видно сломанных костей и луж крови. Ученые, правда, плохие ученые, все силы и орудия употребляют на то, чтобы доказать, что человечество живет как стадо, руководимое только экономическими условиями и что разум ему дан только для забавы. Но правительство знает, что движет миром, и потому безошибочно, по инстинкту самосохранения, ревнивее всего относится к проявлению духовных сил, от которых зависит их существование или гибель. От того то все силы русского правительства были направлены и еще направлены на то, чтобы обезвредить Духоборцев, изолировать их, выслать их за границу. Но, несмотря на все усилия, Духоборцы открыли глаза миллионам; я знаю сотни людей, старых и молодых, военных, которые, благодаря гонениям против кротких, трудолюбивых Духоборцев, усумнились в законности своей деятельности. Знаю людей, которые в первый раз задумались над жизнью и значением христианства, увидав или услышав про жизнь этих людей, про гонения, которым они подверглись. И правительство, управляющее миллионами людей, знает это и чувствует, что оно поражено в самое сердце.

Такова другая война, ведущаяся в наше время и таковы последствия ее. Всякое правительство, основанное на войне и насилии, точно также поражено этим оружием. Христос сказал: «Я победил мир». И он действительно победил мир, если только люди поверят в силу, дающую им это оружие.

Оружие это есть следование каждым человеком своему разуму и своей совести. Ведь это так просто, так несомненно для каждого человека. Вы хотите меня сделать участником убийства, вы требуете от меня денег для приготовления орудия убийства и хотите, чтобы я сам участвовал в организованном сборище убийц», говорит разумный человек, не продавший и не затемнивший свою совесть. Но я исповедую тот самый закон, который исповедуете и вы, и в котором давным давно запрещено не только убийство, но и всякая вражда и потому не могу повиноваться вам, и вот это - то средство и такое простое, одно и побеждает мир.

Ясная Поляна, 15-го августа. 1898 года.

Лев Толстой.
